

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ВГУ»)

На правах рукописи

Коратаева Надежда Вячеславовна

**Биографии Л.Н. Толстого
в исторической динамике**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, доцент
К.А. Нагина

Воронеж – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. «Великий учитель жизни»: Лев Толстой глазами современников.....	20
1.1. Точка отсчета: «Биография Л.Н. Толстого» в изложении П.И. Бирюкова.....	21
1.2. Лев Толстой как исключительная личность в «Очерке жизни Л.Н. Толстого» Г.И. Лебедева.....	32
1.3. Миф о Льве Толстом в книге Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский».....	36
1.4. Биография Л.Н. Толстого сквозь призму «сословного» подхода. Очерк Е.А. Соловьева «Л.Н. Толстой. Его жизнь и литературная деятельность».....	43
1.5. «Л.Н. Толстой: материалы к биографии» Н.Н. Гусева. Продолжение традиций П.И. Бирюкова	52
Глава 2. Сквозь призму идеологии: советские биографы о Льве Толстом.....	64
2.1. Личность в контексте эпохи: труды Б.М. Эйхенбаума о Л.Н. Толстом.....	66
2.2. Фигура писателя как объект исследования в биографии «Лев Толстой» В.Б. Шкловского.....	74
2.3. «Советская» интерпретация биографии Л.Н. Толстого: А.И. Поповкин, Н.К. Гудзий и другие.....	81
Глава 3. Открыть завесу над частной жизнью: что хотят знать о Льве Толстом современные читатели.....	91
3.1. «Освободить в Л.Н. Толстом человека»: А.М. Зверев и В.А. Туниманов о жизни великого писателя.....	92

3.2. Детектив и психологический триллер: история великого старца в изложении П.В. Басинского.....	101
3.3. «Жизнь как текст»: биография Л.Н. Толстого в интерпретации А.Л. Зорина.....	114
Заключение.....	124
Библиографический список.....	136

ВВЕДЕНИЕ

Фигура Л. Толстого занимает особое место в историко-литературном процессе, что объясняется масштабом его личности: «Жутко приближаться к Толстому – так он огромен и могуч; и в робком изумлении стоишь у подножия этой человеческой горы» [7, с. 117]. Однако «приблизиться» к писателю всегда стремились биографы – как при его жизни, так и после «ухода». Признание гениальности великого художника и писателя заключалось и в том, что его биография всегда «отвечала» эпохе. Для авторов трудов каждый раз открывались новые грани его личности. И пусть факты, даты, события жизни Л. Толстого оставались неизменными, труд каждого нес свое понимание его взглядов, идей, свою интерпретацию жизни.

Биография писателя продолжает привлекать внимание исследователей. «Вопрос о том, почему широкого читателя интересуют не только произведения человеческого ума и таланта, но и биографии авторов этих произведений и как этот интерес следует удовлетворять, никогда не теряет актуальности» [105, с. 228]. В современном литературоведении, когда происходит процесс переосмысления значимости биографии писателя как жанра, вопрос о необходимости ее изучения звучит особенно актуально.

Ю.М. Лотман, рассуждая об истоках интереса читателя к жанру биографии, считает, что нас привлекает «жизнь людей», поэтому отмечает: «Говоря об особенностях биографического жанра, хотелось бы подчеркнуть следующее: серия, основанная Горьким, не случайно называется “Жизнь замечательных людей”, а не “Жизнь великих людей”. Вторая формула заключала бы в себе противопоставление человека великого простому, между тем, как отмечал еще Л. Толстой, примечательным, достойным внимания и памяти потомков может быть и самый обычный, ничего не написавший и не изобретший человек» [105, с. 228].

Мемуарный материал о Л. Толстом включает обширное число работ, среди которых наибольшую известность получили «Воспоминания о графе Л.Н. Толстом» С.А. Берса, «Отрывки воспоминаний о Л.Н. Толстом» А.А. Берса, «Л.Н. Толстой в последний год жизни» В.Ф. Булгакова, «Литературные воспоминания. Лев Толстой» В.В. Вересаева, «Лев Толстой» М. Горького, «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого, «Как живет и работает граф Лев Николаевич Толстой» П.А. Сергеенко, «Дневники» С.А. Толстой.

Важно обозначить границы между мемуарной литературой и собственно биографией. Под понятием «мемуарная литература» подразумеваются воспоминания людей о событиях прошлого, свидетелями которых они являлись или в которых участвовали. К таким произведениям относятся автобиографии, дневники и т. д. Важным условием для причисления подобных работ к мемуарной литературе является установка их авторов на образное воспроизведение жизни. Для подобного жанра свойственна беллетризация прошлого. Обычно в мемуарах, в отличие от биографий, не дается история всей жизни героя, в фокусе внимания оказывается лишь важный для автора повествования период.

Современное определение биографии как «жанра жизнеописания» не вызывает сомнений. За дефиницию принимается буквальный перевод термина (греч. *bios* – жизнь; *grapho* – пишу). Исследуя биографический жанр, А.А. Холиков отмечает, что не так давно в «Литературном энциклопедическом словаре» определялось, что биография «дает картину жизни человека, развитие ее личности в связи с общественными обстоятельствами эпохи» [198, с. 21]. Теперь, согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», биография «предполагает художественное или научное осмысление истории жизни личности, нацеленное на поиск и выявление истоков общественно значимой деятельности человека в его индивидуальном биографическом опыте» [198, с. 21]. По мнению ученого, такое различие в определениях говорит об

«отсутствии жанрового канона». Он обращается к словам С.С. Аверинцева, который считал, что «попытка отыскать непреложные законы и четкие границы подобного жанра обречена на неудачу» [198, с. 21]. Сам же А.А. Холиков полагает, что биография – это «один из способов познания и реконструкции творческой личности в ее становлении и развитии» [198, с. 77].

В России жанр биографии берет начало от жития (XVII век). По мере развития жанра возникла необходимость четкого разграничения понятий «биография» и «житие», то есть светских и церковных жизнеописаний (биография – «сочинение, в котором излагается история жизни и деятельности какого-нибудь лица»; а житие – «повествование о жизни человека, признаваемого верующими святым») [183, с. 476]. Активное развитие жанра биографии в нашей стране началось в XVIII веке. В это время стали появляться словари, посвященные известным людям. В 1772 году вышел «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова – значимый труд, содержащий информацию о литературных деятелях того времени. Д.А. Жуков отмечал, что XVIII век «весьма богат произведениями биографического жанра» [75, с. 22].

XIX век в России ознаменовался расцветом жанра биографии. Известны словари Г.Н. Геннади [180], Н.Н. Голицына [52], Д.Д. Языкова [225]. Но, пожалуй, главным трудом данного периода (хоть и оставшимся незавершенным) является «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней)» (1889–1904 гг.) С.А. Венгерова, в который вошли статьи и документальные справки о более чем двух тысячах представителей русской литературы и науки.

Изучению биографической личности посвящены исследования многих отечественных ученых XX века. Ю.Н. Тынянов, рассуждая о биографии писателя, предлагает анализировать «внелитературное» и «внутрилитературное» как сложноорганизованное устройство, возникающее

в восприятии читателя: «Обособляя литературное произведение или автора, мы не пробьемся и к авторской индивидуальности. Авторская индивидуальность не есть статическая система, литературная личность динамична, как литературная эпоха, с которой и в которой она движется. Она не нечто подобное замкнутому пространству, в котором налицо то-то, она скорее ломаная линия, которую изламывает и направляет литературная эпоха» [190, с. 125]. С идеей Ю.Н. Тынянова перекликается концепция литературного быта Б.М. Эйхенбаума, который предлагает рассматривать случайности жизни писателя как факты биографии, наделяющие особенным смыслом формы повседневного быта. Ученый приходит к выводу, что внешняя сторона жизни влияет на личные убеждения героя биографии.

Современник Ю.Н. Тынянова и Б.М. Эйхенбаума Б.В. Томашевский в статье «Литература и биография» (1923 г.) ставит вопрос о том, нужна ли биография для понимания творчества писателя. С одной стороны, «творчество поэта все же дает поле для построения биографической гипотезы, которая иногда одна может удовлетворительно связать обрывочные и смутные факты и которую иногда приходится проверять не в целом, а в наиболее решительных “ударных положениях”» [188, с. 51]. С другой стороны, «критика текста должна опираться на точные сведения биографии» [188, с. 49]. Б.В. Томашевский разрабатывает идею разграничения сферы «литературного» и «внелитературного» поведения и приходит к выводу, что на данный вопрос нельзя ответить однозначно.

Стремлению анализировать историю биографии как самостоятельную сферу научного знания, направленного на изучение «истории личной жизни человека» или «личной жизни в истории», посвящена работа Г.О. Винокура «Биография и культура» (1927 г.). Ученый откликается «на актуальную в те годы (и позднее) критику биографии как фактографического по годам описания событий жизни писателя в отрыве от его духовной жизни» [42, с. 55]. «Внешней формой» биографии, по мнению Г.О. Винокура, является социальная действительность. Деятельность биографического лица

при этом необходимо рассматривать как проявление личной жизни. Критерием отбора биографического материала является исторический факт или событие, которые, в свою очередь, должны быть пережиты героем биографии. Заключительным этапом исследования, по идее Г.О. Винокура, должно быть истолкование, то есть включение предмета исследования в контекст исторических событий и, соответственно, изображение личности героя с точки зрения общего включения в историю.

Рассмотрению биографии писателя как социокультурного феномена были посвящены работы Ю.М. Лотмана «Литературная биография в историко-культурном контексте» (1986 г.) и «Биография – живое лицо» (1985 г.). Автор разделяет «внебиографическую» жизнь и «биографическую». При этом «биографическая» пропускает случайность происходящих событий через культурные коды исторической эпохи, порождая «событие» и «событийность». Культурные коды в свою очередь не только отбирают соответствующие события из набора всех жизненных фактов, но и программирует будущее поведение, приближая его к идеальному.

К проблеме изучения биографического жанра обращается также В.М. Жирмунский, который в большинстве случаев называет «порочным кругом» ситуацию, когда «биография реконструируется из творчества для того, чтобы с помощью этой биографии опять-таки объяснить творчество» [74, с. 116]. В.М. Жирмунский считает, что основная задача исследования не должна сводиться к разыскиванию биографических источников литературного произведения, «“биографизм” историко-литературного исследования – это методологически нецелесообразный подход» [74, с. 142]. Исследователь обязан знать биографические факты жизни героя, он должен знать, откуда писатель берет материал для творчества – «из своей личной жизни или из жизни, его окружающей, – т.е. каков его кругозор, каковы его возможности познания действительности, которая его окружает» [74, с. 142]. Однако биографические источники творчества должны быть интересны биографу только лишь как сырой

материал, «способствующий обобщению действительности, которое и воплощено в художественных образах произведения» [74, с. 142]. Соответственно, литературное произведение тоже не может рассматриваться как материал для реконструкции и объяснения биографических фактов.

М.М. Бахтин в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» (1978 г.) выступает против смешения образа автора-творца и автора-человека, а также отрицает творческий принцип отношения автора биографии к герою: герой произведения никогда не может совпадать с его автором-творцом. «Самым обычным явлением, – пишет М.М. Бахтин, – даже в серьезном и добросовестном историко-литературном труде, является черпание биографического материала из произведений, и обратно» [23, с. 13]. Также ошибочным ученый считает объяснение мировоззрения героя художественного произведения через мировоззрение автора и наоборот. Однако М.М. Бахтин не исключает случаев, когда «имеет место непосредственное вложение автором своих мыслей в уста героя, с точки зрения их теоретической или этической (политической, социальной) значимости, для убеждения в их истинности и для пропаганды, но это уже не эстетически продуктивный принцип отношения к герою» [23, с. 92-93].

Д.М. Магомедова в статье «Автобиографический миф» обращается к проблеме изображения «поэзии и правды» в биографии: собственно жизни писателя и его творчества. Автор говорит о двух полюсах этой проблемы: на одном из них биографические события биографами последовательно игнорируются, и внимание исследователя заострено исключительно на внутренней структуре текста; на другом – текст воспринимается «как более или менее достоверное преломление фактов авторской биографии» или как средство воссоздания «психологического портрета» писателя [157, с. 11].

«Основанием к выделению тех или иных подвидов биографического жанра для большинства исследователей служит соотношение художественного и документального начал», то есть «правды и вымысла» [198, с. 28]. Согласно традиционной классификации, можно

выделить биографии художественные, научные, популярные и академические [177, с. 91]. В литературе возможно взаимодействие различных жанровых тенденций. Именно «промежуточные» жанры биографии и являются в современной литературе наиболее востребованными.

По наблюдению А.А. Холикова, «в последнее время в научных трудах все реже встречаются построения общей теории биографического жанра»: «исследователи либо идут по пути обобщения некогда выделенных подтипов, либо обозначают тенденции развития биографики» [198, с. 28].

Начиная работу над биографией, автор неизменно «сталкивается с рядом универсальных задач: поиск, отбор и обработка материала; построение композиции; выбор языка повествования; реконструкция “белых пятен”; включение творческого наследия героя в канву повествования; интерпретация» [198, с. 41]. Поэтому для решения многих из них исследователю необходимо «создавать гипотезы», ведь «любая наука (и филология в этом смысле не исключение) немислима без возможности построения гипотез, основанных на объективном материале, здравом смысле и интуиции» [198, с. 46]. В качестве источника биографических сведений «художественное творчество рассматривают не все», но очевидно, что «изучать наследие писателя без обращения к фактам жизни в полной мере невозможно» [200, с. 49].

В процессе создания биографии писателя принципиально важными являются вопросы «композиционного построения биографии», «проблемы включения творческого наследия героя в канву повествования» и, наконец, «интерпретация» [200, с. 45]. Эти вопросы касаются непосредственно познания личности героя биографии. Соответственно этим проблемам можно выделить как минимум три уровня познания фигуры писателя: «бытовой, сверхбытовой и сущностный» [198, с. 86].

Так, «бытовой» и «сверхбытовой» уровни «предполагают наличие двух аспектов личности автора: биографического, выраженного в мемуарах,

письмах, дневниках, публицистике, философских трудах, а также имманентного (о нем говорится применительно к художественному творчеству)» [198, с. 87]. Нельзя забывать, что подобное «разделение форм проявления автора биографического и имманентного слишком грубо», ведь бывают случаи, когда «в эпистолярной (например, в деловом письме) биографический автор выражен слабее, чем в собственной лирике» [198, с. 87]. Но все же чаще всего жанр диктует свои правила. Из сказанного следует, что «на бытовом и сверхбытовом уровнях творческая личность в глазах биографа не едина» [198, с. 87].

По-иному представляется личность героя на сущностном (или корневом) уровне. Читатель видит здесь «неделимую личность, представленную во всех своих текстах независимо от их жанровой принадлежности» [198, с. 87]. Конкретный жанр в данном случае влияет лишь на «степень проявленности творческой личности писателя»: «...если на сверхбытовом уровне описываются жизнь и творчество писателя в их взаимных влияниях друг на друга (биограф следует так называемому принципу “соответствий”, довольно распространенному в филологической науке), то на сущностном уровне задействуется не менее известный принцип “писатель – это его стиль”», а, как известно, «в стиле проявляется индивидуальность творческой личности (под индивидуальностью понимается неповторимое своеобразие на уровне текста)» [198, с. 87]. Отсюда «развитие творческой личности предполагает возрастание степени ее индивидуальности» [198, с. 87].

При написании биографии автор обычно пользуется хронологическим принципом повествования. Такой принцип называют линейным. А.А. Холиков отмечает, что, «несмотря на то, что биография любого писателя начинается с его рождения, большинство жизнеописаний открывается рассказом о родителях и иных предках замечательного человека, дабы не упустить из виду тот фундамент, которым закладываются координаты судьбы» [200, с. 47]. «Далее, – предлагает исследователь, – в

основе композиции могут лежать события как “внешней”, так и “внутренней” жизни писателя» [200, с. 47]. Но обязательно должна прослеживаться связь между разными частями, чтобы избежать нарушения логики повествования. Ю.М. Лотман рассматривал как раз подобную ситуацию нарушения связи в описании личной и творческой деятельности: «Смещение этих двух типов книг – биографии автора и анализа им созданных произведений – редко приводит к удаче» [105, с. 228]. Однако нельзя забывать, что есть примеры грамотного и успешного соединения этих сторон жизни писателя.

Таким образом, как писал о жанре биографии советский исследователь Н.Ф. Бельчиков, «подобные труды способствуют движению вперед научной мысли, поднимают уровень познания жизни и творчества того или иного писателя» [26, с. 199].

К вопросу изучения биографии Л. Толстого в разные годы обращались многие отечественные и зарубежные литературные деятели: Р. Левенфельд «Граф Л. Н. Толстой. Его жизнь, произведения и миросозерцание» (1897 г.), П.А. Сергеенко «Как живет и работает граф Л. Н. Толстой» (1898 г.), Ф. Меринг «Лев Толстой» (1900 г.), Э. Моод «Разговоры с Толстым» (1900 г.), Д.Г. Перрис «Жизнь и учение Льва Толстого» (1901 г.), М.О. Уорд «Жизнь Л.Н. Толстого» (1903г.), Е. Цабель «Граф Л. Н. Толстой» (1903 г.), Д.Н. Овсяннико-Куликовский «Л. Н. Толстой» (1908 г.), В.В. Вересаев «Живая жизнь» (1910 г.), Ю.И. Айхенвальд Р. Роллан «Жизнь Толстого» (1911 г.), «Лев Толстой» (1913 г.), Д.П. Маковицкий «Яснополянские записки. 1904–1910» (1922 г.), И.А. Бунин «Освобождение Толстого» (1937 г.), Е.Г. Бушканец «Лев Толстой в Казани (Путеводитель по городу)» (1952 г.), Анри Труайя «Лев Толстой» (1965 г.), Л.Д. Громова-Опульская «Комментарии: Толстой» (1982 г.), А.Н. Уилсон «Опыт творческой биографии Л.Н. Толстого» (1988 г.), В.Б. Ремизов «Уход Толстого. Как это было» (2017 г.) и другие.

В данной работе будут рассмотрены биографии Л. Толстого отечественных авторов. Исследователи стремятся приблизиться к великому

человеку, творцу, по-своему представив его жизненный путь. Но от того, в какое историческое время жил биограф, зависит и интерпретация того или иного события жизни героя труда. В соответствии с этим жизнеописание Л. Толстого сгруппированы на основании хронологического принципа и разделены в соответствии с тремя временными промежутками: биографии, написанные современниками Л. Толстого; работы советского периода; биографии постсоветского периода.

Биографии Л. Толстого, написанные его современниками:

1. Соловьев Е.А. «Л.Н. Толстой. Его жизнь и литературная деятельность», 1-е изд. – 1894 г.; 2-е изд. – 1897 г.; 1905 г. – напечатана переработанная версия.
2. Мережковский Д.С. «Толстой и Достоевский», 1900 – 1902 гг.
3. Бирюков П.И. «Биография Л.Н. Толстого в 4-х томах», 1905 – 1922 гг.
4. Лебедев Г.И. «Жизнь Л.Н. Толстого», 1913 г.
5. Гусев Н.Н. «Л.Н. Толстой: материалы к биографии с 1828 по 1855 год», 1954 г.
6. Гусев Н.Н. «Л.Н. Толстой: материалы к биографии с 1855 по 1869 год», 1957 г.
7. Гусев Н.Н. «Л.Н. Толстой: материалы к биографии с 1870 по 1881 год», 1963 г.
8. Гусев Н.Н. «Л.Н. Толстой: материалы к биографии с 1881 по 1885 год», 1970 г.

Биографии, написанные в советское время:

1. Эйхенбаум Б.М. «Лев Толстой. – Кн. 1: 50-е годы», 1928 г.
2. Эйхенбаум Б.М. «Лев Толстой. – Кн. 2: 60-е годы», 1931 г.
3. Гудзий Н.К. «Лев Толстой», 1943 г.
4. Поповкин А.И. «Л.Н. Толстой: биография», 1958 г.
5. Эйхенбаум Б.М. «Лев Толстой: семидесятые годы», 1960 г.
6. Шкловский В.Б. «Лев Толстой», 1963 г.

Биографии постсоветского периода:

1. Зверев А.М., Туниманов В.А. «Лев Толстой», 2006 г.

2. Басинский П.В. «Лев Толстой: бегство из рая», 2010 г.
3. Басинский П.В. «Лев Толстой – свободный человек», 2016 г.
4. Зорин А.Л. «Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения», 2020 г.

Как видно из приведенного списка работ, интерес к жизни великого философа, мыслителя, писателя никогда не ослабевал. Биография как жанр отвечает потребности читателя в постижении бытийного опыта, в поисках ответа на основные вопросы жизни. А. Герцен писал: «Человек любит заступать в другое существование, любит касаться тончайших волокон чужого сердца и прислушиваться к его биению. <...> Он сравнивает, он сверяет, он ищет себе подтверждения, сочувствия, оправдания...» [166, с. 81].

В данном исследовании предпринимается попытка провести анализ биографий Л.Толстого, выявив своеобразие жизнеописаний в исторической динамике. В первые два десятилетия нынешнего столетия появился ряд работ о Л. Толстом, написанных в новой манере, зачастую обнажающих интимные подробности жизни великого писателя. Отношение к его фигуре меняется. Ни советские биографы, ни тем более современники Л. Толстого не позволяли себе подобных вольностей. Что это – знак времени? Обогащается ли наше представление о Л. Толстом подобным образом? Меняется ли рецепция гениальной личности в зависимости от ценностных ориентиров общества? Помогают ли биографии в интерпретации творчества писателя или они в основном отвечают на бытийный запрос времени? Все эти вопросы нуждаются в ответах. Этим обусловлена **актуальность настоящего исследования**. Необходимо систематизировать огромный биографический материал о Л. Толстом, провести его комплексный анализ, выявив историческую динамику рецепции личности великого писателя.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые комплексно исследуются биографии Л. Толстого, анализируется эволюция рецепции образа писателя и фактов его жизни в биографиях, опубликованных в период с 1894 года по 2020 год.

Объектом исследования в работе являются биографии Л. Толстого, написанные П.И. Бирюковым, Г.И. Лебедевым, Д.С. Мережковским, Е.А. Соловьевым, Н.Н. Гусевым, Б.М. Эйхенбаумом, В.Б. Шкловским, А.И. Поповкиным, Н.К. Гудзием, А.М. Зверевым, В.А. Тунимановым, П.В. Басинским, А.Л. Зориным.

Предмет исследования – рецепция фигуры и судьбы Л. Толстого в биографиях указанного периода и ее историко-культурная динамика.

Материалом диссертации послужили художественные, научные, популярные и академические биографии Л. Толстого, воспоминания его современников, «Дневники» Л. Толстого, письма, художественные и религиозно-философские труды писателя.

Проблема исследования состоит в выявлении стратегий изучения жизни Л. Толстого биографами разных исторических периодов, что позволяет проанализировать и оценить динамику восприятия фигуры писателя в XIX – XXI столетиях.

Целью настоящего исследования является изучение рецепции фигуры Л.Н. Толстого и событий его жизни в биографических трудах, рассмотренных в исторической перспективе.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи:

1. Исследовать биографии Л. Толстого, написанные в разные исторические периоды.

2. Реконструировать созданные биографами образы писателя в контексте его жизни и событий эпохи, выявить сходство и различие этих образов.

3. Выявить основные периоды и события жизни писателя, представленные биографами в качестве знаковых; исследовать их интерпретации.

5. Выявить авторские стратегии в создании образа Л. Толстого, определить, какую роль в выборе этих стратегий играет время создания

биографических трудов; установить, есть ли сходство в интерпретации фигуры и жизни Л. Толстого в трудах, принадлежащих одной эпохе.

6. Проанализировать динамику изменения рецепции образа Л Толстого в биографических трудах XIX – XXI столетий.

Методологической основой выступают труды отечественных исследователей: Н.А. Рыбникова, В.Б. Томашевского, Ю.Н. Тынянова, М.М. Бахтина, В.М. Жирмунского, Г.О. Винокура, Б.С. Мейлаха, Ю.М. Лотмана, В.Д. Лопатиной, А.А. Демченко, С.С. Аверинцева, Н.Д. Тамарченко, И.Я. Лосиевского, А.А. Холикова, М.А. Базанова, М.Б. Раренко и других.

Теоретическая значимость исследования состоит в дополнении фундаментальных представлений, уже сложившихся в литературоведении в связи с анализом жанра биографии в целом и биографий Л. Толстого в частности, а также в выявлении структурообразующих (узловых) элементов биографии Л.Н. Толстого, поддержанном изучением и систематизацией истории ее рецепции.

Практическая значимость связана с тем, что результаты исследования можно использовать в учебных курсах по истории русской литературы и культуры в высших учебных заведениях, специальных курсах, посвященных фигуре Л. Толстого, а также они могут помочь учителям средней школы в объяснении основных проблем, связанных с рецепцией жизни и творчества Л. Толстого.

Положения, выносимые на защиту:

1. Рецепция фигуры Л.Н. Толстого в разные исторические периоды неоднородна: на интерпретацию образа писателя влияют не только личные предпочтения биографов, их цели и задачи, но и ценностные ориентиры, задаваемые временем. Историческая эпоха влияет и на авторские стратегии создания образа Л. Толстого.

2. Биографии Л. Толстого, написанные разными авторами, объединяются в три группы: биографии, созданные современниками

Л. Толстого; биографии, написанные авторами советского периода; биографии постсоветского периода. Такое деление обусловлено сменой исторического контекста, влияющего на рецепцию и интерпретацию образа героя биографии.

3. В биографиях Л. Толстого, созданных его современниками, задаются основные тенденции интерпретации личности и жизни писателя. Отчетливо выявляются три стратегии, заданные П.И. Бирюковым, Е.А. Соловьевым и Д.С. Мережковским. Объединяют биографии этого периода подчеркнуто уважительное отношение к фигуре Л. Толстого и осознание его творческого и бытийного величия.

4. «Точкой отсчета» в истории рецепции является «Биография Л.Н. Толстого», написанная П.И. Бирюковым. В ней определяется стратегия создания образа писателя (выделение кризисных событий, обращение к полному корпусу сочинений Толстого, табуирование подробностей интимной жизни и прочее). Эти стратегии в разной степени получают продолжение и развитие в трудах последующих биографов (Н.Н. Гусева, Б.М. Эйхенбаума, В.Б. Шкловского и других).

5. Д.С. Мережковский задает особый ракурс в осмыслении событий жизни и фигуры Л. Толстого, создавая собственный миф о писателе, что естественно сопрягается с идеей жизнетворчества, стержневой для культуры Серебряного века. Отчасти опыт Д.С. Мережковского осмысливается А.Л. Зориным, прочитывающим жизнь Л.Н. Толстого как «текст».

6. Биография Л. Толстого, написанная Е.А. Соловьевым, задает идеологическую установку в интерпретации жизни писателя. С точки зрения классового подхода его фигура и творчество будут интерпретироваться в ряде биографий советского периода.

7. Биографии Л. Толстого советского периода неоднородны. А.И. Поповкин и Н.К. Гудзий демонстрируют социологический, классовый подход, тогда как В.Б. Шкловский и Б.М. Эйхенбаум создают

методологически оригинальные исследования, далеко выходящие за его пределы.

8. Биографии постсоветского периода также неоднородны. Объединить их позволяет тенденция к повышенной романизации образа писателя и уравнивание его с обычным человеком, выдвижение на первый план бытовых и интимных подробности его судьбы. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется в книгах П.В. Басинского. В более классическом ключе события жизни Л. Толстого интерпретируются в книге А.М. Зверева и В.А. Туниманова. «Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения» А.Л. Зорина представляет интерпретацию судьбы писателя в контексте его творчества.

9. В истории рецепции фигуры Л. Толстого можно выделить три этапа. В глазах современников Л. Толстой предстает в ореоле человеческого и творческого величия, абсолютной гениальности; в советский период он выступает как идейный подвижник и великий писатель; в биографиях постсоветского периода – как обычный человек с проблемами бытового и интимного характера, создавший при этом гениальные произведения.

Апробации результатов исследования. Основные идеи работы излагались в докладах на Международных и Межвузовских научных конференциях: «VIII Всероссийской научной конференции с международным участием “Книга в современном мире: когнитивные аспекты”» (Воронеж, 2021), «Региональной научной конференции “Литературные юбилеи 2021 года и проблемы компьютерной поэтики”» (Воронеж, 2021), «LIV Международной научно-практической конференции “Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования”» (Москва, 2021), «Международной научно-практической конференции “Наука и образование в XXI веке”» (Тамбов, 2021), «XII Международной научной конференции “Универсалии русской и западной литературы”» (Воронеж, 2021).

Содержание работы отражено в десяти статьях, из которых четыре опубликованы в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ.

Структура. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографического списка, насчитывающего 230 источников.

ГЛАВА 1. «ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ»: ЛЕВ ТОЛСТОЙ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

В этой главе объединены прижизненные биографии Л.Н. Толстого. Та последовательность, в которой они представлены, имеет для нас важное значение. Первой мы посчитали необходимым проанализировать биографию, написанную П.И. Бирюковым. Это стройный систематизированный труд, который и по сей день сохраняет важную научную роль.

Такое же значение имеет и книга Д.С. Мережковского. Это весомый полемический труд о Л. Толстом, важной частью которого является биография писателя. Она включена в контекст размышлений о природе его творчества, в оппозицию христианского и языческого, и, что немаловажно, в процесс сопоставления с фигурой Ф.М. Достоевского – и на биографическом, и на творческом, и на бытийном уровнях.

Далее следует параграф, посвященный биографии Л. Толстого, созданной Г.И. Лебедевым. С любовью и восхищением автор описывает своего героя, демонстрируя явное преклонение перед ним. Такое отношение к Л. Толстому сложилось при жизни писателя и в дворянских, и в разночинных кругах. Биография, написанная Г.И. Лебедевым, – яркий тому пример.

Следующую тенденцию олицетворяет биография, принадлежащая перу Е.А. Соловьева. Это образец набирающего силу марксистского подхода к фигуре Л. Толстого: автор смотрит на своего героя явно с народнических, демократических позиций, акцентируя его желание соединиться с народом. И это – биография-симптом, предваряющая следующую главу в истории жизнеописаний Л. Толстого.

Завершает главу анализ биографии, созданной Н.Н. Гусевым. Она близка труду П.И. Бирюкова, но в ней уже отражается идеология советской эпохи. О Л. Толстом уже нельзя писать без необходимых оговорок и

ссылок на авторитет В.И. Ленина, поддержавшего Л. Толстого как «зеркало русской революции».

1.1. Точка отсчета: «Биография Л.Н. Толстого» в изложении П.И. Бирюкова

Главным трудом жизни П.И. Бирюкова считается 4-томная биография Л. Толстого. Она включает в себя огромный материал, касающийся жизни, личности и творчества великого писателя и мыслителя. Впервые увидели свет многие письма Л. Толстого, отрывки из его дневников, воспоминания детства и т. д. П.И. Бирюков начал свой труд еще при жизни писателя, благодаря чему сам Л. Толстой консультировал биографа.

Стоит отметить, что важную поддержку в написании биографии оказал П.И. Бирюкову его друг и идейный последователь Л. Толстого В.Г. Чертков, согласившийся открыть богатый архив частной корреспонденции писателя и выписок из его дневников.

Труд П.И. Бирюкова является научно-художественной биографией. Автор избирательно обращается с архивным материалом. Все сведения, которые включены в текст, являются достоверными. В биографию умело и гармонично вплетены многочисленные цитаты из писем, воспоминаний героя. Вместе с тем уделено внимание общественной жизни Л. Толстого. Творческая сторона в работе также занимает важное место для всестороннего изображения индивидуальности Л. Толстого. В работе ощутимо отношение биографа к герою.

Обратимся к биографии Л. Толстого с целью более детального рассмотрения особенностей построения повествования.

I том биографии вышел в 1905 году. Он включает в себе обширную книгу в 477 страниц, содержащую сведения о происхождении Л. Толстого, о первых периодах его жизни и оканчивающуюся женитьбой на С.А. Берс. Как отмечает автор, «остановка на этом времени удобна в смысле содержания,

так как сам Лев Николаевич считал этот момент началом новой для него жизни. Остановка на этом месте имеет и практическое значение в издательском смысле, так как содержание написанного по размеру составляет обыкновенный том французского издания» [30, т. 1, с. 11].

В предисловии к первому тому автор намечает для читателя этапы жизни Л. Толстого, поделенные на семилетия. Такое деление он принял от самого писателя. По его мнению, «соответственно семилетним периодам физической жизни человека, признаваемым некоторыми физиологами, можно установить и семилетние периоды в развитии духовной жизни человека, так что выйдет, что каждому семилетнему периоду соответствует особый духовный облик» [30, т.1, с.10]. Далее читателю представляется и перечень самих периодов:

1. 1828 – 1835 гг. (до 7 лет) – Младенчество.
2. 1835 – 1842 гг. (с 7 до 14 лет) – Отрочество.
3. 1842 – 1849 гг. (с 14 до 21 года) – Юность, учение, университет, начало хозяйства в деревне.
4. 1849 – 1856 гг. (с 21 до 28 лет) – Начало писательства, военная служба: Кавказ, Севастополь, Петербург.
5. 1856 – 1863 гг. (с 28 до 35 лет) – Отставка, путешествия, смерть брата, педагогическая деятельность, посредничество, женитьба.
6. 1863 – 1870 гг. (с 35 до 42 лет) – Семейная жизнь, «Война и мир», хозяйство.
7. 1870 – 1877 гг. (с 42 до 49 лет) – Самарский голод, «Анна Каренина», апогей литературной славы, семейного счастья и богатства.
8. 1877 – 1884 гг. (с 49 до 56 лет) – Кризис, «Исповедь», «Евангелие», «В чем моя вера?».
9. 1884 – 1891 гг. (с 56 до 63 лет) – Москва, «Так что же нам делать?», народная литература, «Посредник»; распространение идей в обществе и народе, критики.

10. 1891 – 1896 гг. (с 63 до 70 лет) – Голод, «Царство Божие внутри вас», духоборы, гонение на последователей этих идей.

11. 1898 – 1905 гг. (с 70 до 77 лет) – «Воскресение», отлучение, болезнь, последний период; обращение к военным, народу, духовенству и политическим деятелям; война, революционное и реформаторское движение в России.

В каждом пункте представленной периодизации даются годы, соответствующие этапу жизни, возраст Л. Толстого этого периода, содержание периодов.

II том (1908 год) посвящен 1863 – 1884 годам жизни Толстого, т. е. периоду наибольшей славы, семейного счастья и благополучия писателя, пережитого после этого кризису и рождению его к «новой жизни».

III том (1915 год) передает «ту часть жизни, которой живет теперь Лев Николаевич» [30, т.1, с. 11]. Читателю представлено отношение писателя к европейскому, американскому и азиатскому миру, то есть то, что стало особенно заметно именно со второй половины 80-х годов девятнадцатого века.

Вступление к третьему тому было написано в 1909 году. Тогда биограф планировал завершить свой труд на том периоде, когда «популярность Л. Н-ча достигла наивысшего уровня, когда его жизнь стала чуть не ежедневным объектом всякого рода описаний, расходящихся путем периодической печати по всему миру» [30, т.3, с. 7-8]. Таким «путем» автор надеялся «передать» свою «работу более опытным и искусным мастерам этого дела» [30, т.3, с. 7-8]. На моменте всеобщей любви и признания П.И. Бирюков хотел приостановить или закончить работу над биографией писателя. Однако планы были нарушены мрачным событием – смертью Л. Толстого. Настроение повествования и задуманное содержание третьего тома биографии меняются. Автор отмечает, что последние дни жизни Л. Толстого и обстоятельства его смерти значительно изменили планы, теперь он не мог не описать события последнего периода жизни своего героя,

свидетелем которых являлся. П.И. Бирюков пишет: «Обстоятельства кончины необыкновенно расширили биографический материал и вместе с тем с окончанием этой замечательной жизни наложили на меня обязанность довести до конца начатое мною дело описания этой жизни», и в связи с этим пришлось разделить имевшийся материал уже не на три, а на четыре тома [30, т.3, с. 8].

Нельзя не обратить внимание на то, что информация о смерти и похоронах писателя дана в начале третьего тома (в предисловии, написанном в 1915 году), то есть значительно раньше, чем описан уход Л. Толстого по разворачиванию событий в процессе повествования. Автор не убрал первое предисловие, написанное еще при жизни Л. Толстого в 1909 году, где воодушевленно излагаются планы на окончание труда. Напротив, следующее, трагически наполненное, предисловие на контрасте показывает то уныние и степень потери, которые испытывал автор, идейный последователь, друг Л. Толстого, а вместе с ним и каждый современник, разделявший духовные искания гения.

Гранью между третьим и четвертым томами явилась эпоха, когда Л. Толстой написал и издал свой роман «Воскресение». Развертывающиеся следом события: его отлучение, болезнь, война, революционное движение, его юбилей и кончина – «все это достаточно оттеняет эпоху, чтобы дать право посвятить ей отдельный четвертый том» [30, т. 3, с. 9].

IV том (1923 год) рассказывает о последнем этапе жизни писателя, дает детальное описание похорон Л. Толстого.

Все материалы биографии П.И. Бирюков делит на четыре разряда по их ценности. К первому он относит: «Во-первых, личные автобиографические заметки самого Льва Николаевича, его письма к разным лицам и выписки из его дневников. Автобиографический материал представляет особенную важность при жизни автора его, так как всякое противоречие, встречающееся в нем, по сравнению со свидетельствами из других источников, может

быть разъяснено самим автором и факт восстановлен во всей его полноте» [30, т. 1, с. 8].

Ко второму – «различные воспоминания и биографические очерки лиц, близко знавших Льва Николаевича: его родственников, знакомых, бывших в непосредственном сношении с ним» [30, т. 1, с. 8]. К этому второму разряду также относятся «различные официальные данные и архивные материалы, как например: послужные списки, метрические свидетельства, различные документы учебного начальства, копии с различных судебных и административных дел и т. д.» [30, т. 1, с. 8].

К третьему – «сочинения о Льве Николаевиче, составленные по другим источникам, а также те сочинения самого Льва Николаевича, к которым надо относиться весьма осторожно в смысле биографическом, так как реальные факты переплетаются в них с работой художественной фантазии» [30, т. 1, с. 8].

Наконец, к четвертому разряду П.И. Бирюков причисляет «различные мелкие статьи, а также и целые книги или плохо, бестолково составленные, или такие, авторы которых не заслуживают доверия, но которые все-таки могут иметь некоторую относительную ценность, заполняя иногда пробелы других источников» [30, т. 1, с. 8]. Перечислять их П.И. Бирюков не считает нужным.

В начале каждого тома дается библиографический указатель, которым пользуется автор при написании труда.

Биограф выделяет иностранные источники в особый раздел, ввиду того что иностранная литература крайне бедна биографическими сведениями о писателе, особенно тем, что касается первого периода его жизни.

В предисловии к первому изданию «Биографии Л.Н. Толстого» приведена удивительная по точности и образности мысль о том, что «жизнь Льва Николаевича подобна пирамиде, стоящей вершиной вниз и основанием кверху, продолжающей все расти и расширяться. Пропорционально этому располагается и биографический материал; ничтожное количество

при его рождении, доходя до настоящего времени, оно возрастает до необъятности» [30, т. 1, с. 11].

Такое усердное отношение к своим задачам и помогло П.И. Бирюкову составить подробную, информационно наполненную биографию. Как писал Г.О. Винокур, предметом биографии должна являться «история личной жизни». «Личная жизнь – отмечал Г.О. Винокур, – это не психология или физиология, не сфера подсознательных представлений или биологическая конституция, а только то единство, неразрывное и всегда присутствующее, в каком вся эта мешанина наблюдений, фактов и догадок, вместе со всеми иными возможными, дана нам в истории». Получается, что «в биографию входит все» [42, с. 18].

Главную ценность труду П.И. Бирюкова обеспечило, как уже сказано ранее, участие самого Л. Толстого, комментарии которого, примечания, предоставленные воспоминания дали возможность составителю не допустить фактологических ошибок, проверить противоречия печатных материалов, достоверно описать жизнь Л. Толстого. Его же участие дало возможность П.И. Бирюкову привести различные портреты, снимки, многие из которых были еще неизвестны, как, например, единственное сохранившееся изображение матери Л. Толстого, когда она была ребенком.

П.И. Бирюков пишет о том, что его труд создается в особых условиях, ведь биография пишется при жизни Л. Толстого, поэтому он не может «сказать последнего слова, дать окончательной оценки этому столь сильно бьющему жизненному потоку», поэтому автор называет свою работу «лишь сборником доступных» ему материалов для биографии Л. Толстого [30, т. 1, с. 12].

П.И. Бирюков, один из первых биографов Л. Толстого, имел более выгодное положение по отношению к другим: он хорошо знал писателя, много с ним переписывался, некоторые события, описанные в 3 и 4 томах, происходили непосредственно на его глазах.

Как биограф, П.И. Бирюков имел доступ к тем источникам, о которых даже не подозревали другие авторы. Так, например, в распоряжении П.И. Бирюкова были дневниковые записи Л. Толстого и его письма. Бирюков имел возможность читать те письма, которые получал сам Толстой. Далеко не каждый биограф имел доступ к подобным бумагам.

Многогранность природы Л. Толстого в полной мере отражена в дневниках. Не что иное в его наследии: ни произведения, ни письма писателя – не отражает так полно сложную, уникальную личность, и особенно его духовную и семейную драму, как его собственные записи.

П.И. Бирюков серьезно и обстоятельно относится к вопросу о том, где пролегает грань между тем, что можно публиковать, и тем, чего не должен узнать широкий круг людей. Он описывает трудности, с которыми столкнулся при написании биографии: отделение слишком личных, интимных моментов жизни Л. Толстого от того, что может быть опубликовано.

Забегая вперед, можно сказать, что подобная необходимая, с нашей точки зрения, тактичность в отношении героя биографии будет утрачена в некоторых жизнеописаниях Л. Толстого, принадлежащих перу наших современников. И эта тактичность – одна из характерных черт биографии, написанной П.И. Бирюковым.

В труде П.И. Бирюкова сделан упор на биографические подробности, духовные поиски Толстого, на эволюцию мировоззрения. На творческую деятельность направлено гораздо меньше внимания. Сам биограф ставит вопрос анализа творчества писателя в биографической работе как проблемный: «Художественная творческая работа выводит художника из области личной жизни и приобщает его к жизни мировой, и она ускользает от взоров биографа. С другой стороны, и внутренняя субъективная работа художника не может быть вполне доступна биографу; большею частью ему бывает открыта только подготовительная работа художника, самый же процесс творчества навсегда и для всех остается тайной». [30, т. 2, с. 277]

П.И. Бирюков задается вопросом, нужно ли заострять особое внимание на литературной работе Л. Толстого, ведь творческая жизнь как таковая не является биографией, а значит, не является центром описания в труде. По мнению биографа, данное направление жизни писателя, скорее, является предметом обсуждения критиков, нежели биографов.

Особенная ценность труда П.И. Бирюкова заключается в том, что он составлен при участии самого Л. Толстого, который сообщил биографу крайне ценные сведения, открыл доступ к своим дневникам, к тем богатым материалам, которые собраны супругою писателя и хранятся в Московском историческом музее. Кроме этого, Бирюков использовал всю богатую, русскую и заграничную, литературу о писателе.

П.И. Бирюков задал ту хронологическую канву, которой придерживались последующие биографы. В своем труде автор описал подробно все этапы жизни Толстого. Многие события Бирюков наблюдал лично, что делает их описание наиболее достоверными по отношению ко многим другим трудам. Биография великого русского писателя и христианского мыслителя, написанная П.И. Бирюковым, до сих пор по праву считается одной из лучших биографий Л. Толстого.

По мнению В.М. Жирмунского, изучавшего биографический жанр в XX веке, вопросы биографии писателя и значение ее анализа для истории литературы можно разделить на три проблемных вектора: 1) личная биография писателя, его переживания и отношение к творчеству; 2) социальная биография писателя; 3) литературная биография, то, что имеет отношение к литературной жизни писателя.

Жанр художественной биографии интересен с точки зрения анализа и изучения. Многие критики считают, что художественно-биографический жанр преимущественно ориентирован на описание нравственных исканий объекта изображения, на оценки его действий с позиции автора. Так, писатель изображает художественными средствами не только творческий процесс, но и процесс духовного искания своего героя. Как писал

Ю.М. Лотман, «умение живо и ярко передать характер отдаленной от читателя эпохи исключительно важно для биографа и не только будит читательский интерес, но и позволяет понять характер лица, стоящего на первом плане повествования, однако за каждым исследовательским приемом неизбежно возникает (порой не осознанная для самого автора) исследовательская концепция» [105, с. 229-230].

Как жанр научно-художественной биографии, «Биография Л.Н. Толстого» П.И. Бирюкова имеет документальную основу, а жизнеописание строится на основе многих источников: свидетельств лиц, близко знавших Толстого, его воспоминаниях, дневниковых записях, письмах, различных архивных материалах.

Автор показывает эволюцию духовной жизни, путь, который прошел великий писатель. Благодаря подробному изображению человека, его действий, мыслей и переживаний, читателю дается возможность увидеть становление «великого старца». Сам Л. Толстой в «Предисловии к своим воспоминаниям» писал: «Расскажу сначала первый, радостный период детства, который особенно сильно манит меня; потом, как мне ни стыдно это будет, расскажу, не утаив ничего, и ужасные 20 лет последующего периода. Потом и третий период, который менее всех может быть интересен, и, наконец, последний период – моего пробуждения к истине, давшего мне высшее благо жизни и радостное спокойствие в виду приближающейся смерти» [30, т. 1, с. 15].

«Когда мы говорим, следовательно, что личная жизнь в истории есть история личной жизни, то этим мы утверждаем, что история есть тот контекст, то динамическое целое, в котором как целое же личная жизнь становится. И если мы хотим уразуметь личную жизнь как действительно осмысленное целое, то мы не удовольствуемся уже, разумеется, изучением одной только внешней смены состояний и проявлений этого целого, но будем стремиться разглядеть само целое как то внутреннее, которое скрывается за каждым из этих состояний и проявлений как за своим внешним

знаком» [42, с. 31]. Предметом исследования П.И. Бирюкова является не только «внешняя жизнь» писателя, но и его «внутренняя жизнь», которая оказывается насыщенной глубокими переживаниями и духовным ростом. Л. Толстой в «Предисловии к биографии» отмечал значительные изменения общественного и духовного бытия на протяжении выделенных четырех этапов жизни.

Значимой композиционной характеристикой биографии П.И. Бирюкова является хронологически последовательное изложение событий жизни героя, которые образуют сюжет. Воспоминания Л. Толстого плавно переплетаются с повествованием П.И. Бирюкова. Если обратить внимание на отношение автора к объекту изображения, то можно заметить, что отношение биографа достаточно субъективно. Бирюков не скрывает своего восхищения личностью писателя. Сам автор биографии отмечал, что «сделал попытку рассматривать эти факты как явления жизни самого Льва Николаевича, осветив их и с его личной точки зрения», насколько она ему «была доступна <...>, указав на главнейшие черты того брожения, которое вызывало в обществе читателей и критиков появление этих великих произведений» [30, т. 2, с. 277]. И добавлял: «Конечно, и тут не обошлось без промахов, но я сделал, что мог» [30, т. 2, с. 277].

Многие исследователи убеждены, что проявление личности автора биографии важно в раскрытии образа объекта описания и в качестве художественного обрамления работы. По ходу повествования в «Биографии Л.Н. Толстого» «читаются» доверительные отношения между автором и объектом описания: П.И. Бирюков почти всегда называет своего героя по имени и отчеству, достаточно часто встречается местоимение «мы», включаются воспоминания и впечатления самого Л. Толстого.

Определенная субъективность повествования дает возможность читателю «поверить» автору и сопереживать герою. П.И. Бирюков выстраивает связь с читателем таким образом, что последний уже не ощущает себя отстраненным лицом, он как будто бы приглашен разделить с

героем как знаковые этапы его жизни, так и бытовые, даже интимные моменты.

Отличительная черта биографии – подчеркнуто уважительное отношение к Л. Толстому. В предисловии к третьей главе читателю дается очевидная оценка жизни писателя его биографом: «Дай бог, чтобы эта работа моя хоть сколько-нибудь послужила к уяснению той великой истины, служению которой посвятил свою жизнь наш дорогой, великий старец, истины о том, что жизнь человека есть не что иное, как возвращение в себе ростка любви к богу и людям и ко всему живущему» [30, т. 2, с. 8]. Некоторые критики ставили в укор П.И. Бирюкову, что он идеализирует Л. Толстого.

В 1912 году вышла «Краткая биография Л.Н. Толстого» П.И. Бирюкова, представляющая собой сокращенный, адаптированный вариант «Биографии Л.Н. Толстого в четырех томах». Она включает в себя введение, 17 глав и заключение.

Введение к «Краткой биографии Л.Н. Толстого» автор начинает со слов о месте, где похоронен «великий учитель жизни», о том, как сильно повлияла смерть Л. Толстого на «все мыслящее и чувствующее человечество». И, несмотря на то, что воспоминания о пережитом горе еще живы в душе автора, он, как сам отмечает, не может не написать «краткий очерк жизни» духовного наставника. Такую необходимость П.И. Бирюков чувствует из-за того, что читатели его труда выразили потребность в «более доступном изложении событий», а он является современником Л. Толстого, свидетелем многих моментов и обладателем обширного архива документов.

Читателю представлен труд, отражающий основные события жизни, а также важные идеи писателя, необходимые для понимания личности гения. П.И. Бирюков проделал огромную работу, отобрав материал «Биографии Л.Н. Толстого» из четырехтомного труда в одну книгу, при этом не потеряв целостного изображения жизни и идей великого писателя: в

краткой биографии остаются цитаты, мысли Л. Толстого, его письма, портреты, автографы.

Таким образом, «Биография Л.Н. Толстого», написанная П.И. Бирюковым, включает в себе обширный материал о жизни великого писателя. Ценность труда определяется, во-первых, дружескими отношениями автора и героя, которые позволили включить личные воспоминания Л. Толстого и большой объем архивных сведений. Во-вторых, это прижизненная работа, дающая возможность оценить личность писателя с точки зрения его современника. В-третьих, биография охватывает огромный временной промежуток, начиная с глав о предках героя и до его смерти. Глубокая содержательность, анализ знаковых произведений писателя, внимание к личным переживаниям, детальное описание бытовых событий делают труд П.И. Бирюкова особенно значимым среди других биографий Л. Толстого.

1.2. Лев Толстой как исключительная личность в «Очерке жизни Л.Н. Толстого» Г.И. Лебедева

В 1913 году вышла книга Г.И. Лебедева и В.А. Поссе «Жизнь Л.Н. Толстого». Данная работа состоит из трех разделов:

1. «Рост личности Толстого», написанный В.А. Поссе.
- 2 «Очерк жизни Л.Н. Толстого», созданный Г.И. Лебедевым.
3. «Встречи с Толстым» и «Победа над смертью» – разделы, автором которых является В.А. Поссе.

Собственно биографией является часть, написанная Г.И. Лебедевым. Данную работу можно отнести к жанру научно-художественной биографии. «Очерк жизни Л.Н. Толстого» – небольшое по объему описание жизни Л. Толстого, состоящее из пяти глав.

Во вступлении автор дает свое видение этапов жизни Л. Толстого и делит биографию писателя на пять периодов, которые впоследствии будут соответствовать пяти главам.

1. «Чудный, невинный, радостный, поэтический период детства до 14 лет» [97, с. 56].

2. «Ужасные 20 лет или период грубой распущенности, служения честолюбию, тщеславию и, главное, похоти» [97, с. 56].

3. «Третий 18-летний период, от женитьбы и до духовного рождения», в который Л.Н. жил «честной, семейной жизнью, но все интересы которого ограничивались эгоистическими заботами о семье, об увеличении состояния, о приобретении литературного успеха и всякого рода удовольствиями» [97, с. 56].

4. В следующий период Л. Толстой увидел «все значение прошедшей жизни, и которого он сам не хотел бы изменить, кроме как в тех привычках зла, которые были усвоены в прошлые годы жизни» [97, с. 56].

5. Последний и самый короткий период – уход из Ясной Поляны – несколько дней тихого счастья, освобожденного от пути жизни человека.

При выделении периодов-глав автор идет вслед за первым биографом писателя. Г.И. Лебедев отметил, что первые четыре этапа жизни отмечены самим Л. Толстым в предисловии к биографии, написанной П.И. Бирюковым.

На фоне биографии Л. Толстого, составленной П.И. Бирюковым, биография, написанная Г.И. Лебедевым, выглядит весьма любопытно. Во вступлении автор метафорически рисует фигуру Л. Толстого, сравнивая героя повествования с явлениями природы: «То со всей силой разрушительной стремительности, устремляющейся на выступы и преграды на пути, то материнской лаской, обнимающей свои берега», «то с грозными и пенящимися взмахами на перекатах» [97, с. 52]. Таких красочных сравнений биограф приводит множество: «все окружающее» замерло в «немом оцепенении» перед гением.

С первых строк задается тон всему повествованию. Герой очерка всегда «над» обыденностью, он исключителен. Автор говорит о том, что «только целому ряду поколений под силу вполне выяснить все в жизни Л. Толстого», ведь, по его мнению, мы «слишком близко стоим к Льву Толстому, чтобы рассмотреть истинное лицо этого великого нашего современника» [97, с. 54].

Г.И. Лебедев подчеркивает, что данная биография «только один из тех многочисленных ручейков, слияние которых в каком-то отдельном будущем и должно дать нечто целое и значительное» [97, с. 56]. При этом отмечается, что из-за того, что автор биографии является современником Л. Толстого, трудно избежать субъективности изложения материала и быть беспристрастным.

Исследователи жанра и авторы биографий часто возвращаются к прозвучавшему в XVIII веке утверждению С. Джонсона, что «биография должна давать прикладные знания, возможность заглянуть с её помощью в человеческую душу, должна быть полезна читателю в его собственной жизни, давать ему уроки и предостережения» [80, с. 46]. Изображая эволюцию духовного роста Л. Толстого, биограф показывает идеал, к которому должны стремиться читатели. При этом очевидно, что Г.И. Лебедев ставит под сомнение, что кто-то способен повторить опыт гения.

Описывая жизнь Л. Толстого, автор часто обращается к его воспоминаниям, дневниковым записям, письмам, произведениям, активно цитируя их, а также к воспоминаниям о Л. Толстом его современников. В первой главе цитирует «Детство» Толстого, подчеркивая автобиографическое начало повести. Во второй и третьей главах – «Исповедь». В четвертой главе фигурирует «Дневник» В.О. Булгакова, посвященный последнему году жизни Толстого. Читатель также может заметить, что Г.И. Лебедев неоднократно цитирует П.И. Бирюкова, написавшего четырехтомную биографию Л. Толстого. К труду Бирюкова он явно относится с уважением.

Важной деталью, проходящей через всю биографию, является то, что Г.И. Лебедев обращает внимание на знаковые «уходы» Л. Толстого. Так, во второй главе описывается «первый необычный уход Л.Н.» от «призрачной науки» [97, с. 54]. Автор описывает момент, когда герой повествования сдает экзамен по всеобщей истории. Не зная ответа на экзаменационный вопрос, студент уходит из аудитории, не произнеся ни слова, а сотоварищи Л. Толстого, конечно, были ошеломлены этим уходом. «Он лишал себя в их глазах самого большого – диплома, а там и карьеры. Но для Л.Н. это было уже не важным. Он пока еще и смутно, но чувствовал, что есть нечто большее, более важное и нужное человеку» [97, с. 66]. Автор показывает разницу в мировоззрении Л. Толстого и окружающих людей.

Второй «уход», по мнению биографа, уже пятидесятилетний Л. Толстой совершает «от всей культуры и всего современного ему порядка» [97, с. 54].

Третий, последний, «уход» – последний в жизни писателя. Этот «уход» Г.И. Лебедев описывает как самый величественный: «Пославший его на землю отозвал его к себе! Мы лишились чудного видения! Мы лишились восхитительной сказки-действительности. Быть может, потому, что по совершенству своему не достойны были видеть великого...» [97, с. 55]. В последнем предложении как нельзя ярче выражено отношение биографа к своему герою.

Акцент на «уходах» Л. Толстого – это начало важной тенденции. В дальнейшем этот акцент будет учтен советскими и современными биографами и литературоведами, поскольку «уходы» Л. Толстого, впервые так четко обозначенные именно в данном очерке, помогут интерпретировать многое в художественном мире писателя. Так что в биографии Л. Толстого, написанной Г.И. Лебедевым, есть важные детали, которые станут вехами на советском и постсоветском литературоведческом пути толкования Л. Толстого, что и заставило нас посвятить ей отдельный раздел.

Биограф старательно возвышает героя повествования над обычными людьми. Это, в общем-то, вполне соответствует биографиям рассматриваемого периода. Однако данная тенденция выступает в биографии, созданной Г.И. Лебедевым, более отчетливо. Л. Толстой для него – не обычный человек, титан, гений, но одинокий из-за своей избранности, несмотря на то, что «всю жизнь его окружают только родственники, поклонники, наблюдатели, или наблюдаемые и, наконец, ученики» [120, т. 9, с. 15]. Читателю представляется исключительность личности, которая не может найти равного себе по мыслям и идеям собеседника.

1.3. Миф о Льве Толстом в книге

Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский»

Произведение Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» – монография, часто называемая литературно-критическим эссе. Данный труд – критическое исследование, в котором сопоставляется творчество и мировоззрение Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

Книга Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» в строгом смысле слова не относится к биографиям, но является тем научно-художественным сочинением, которое не может обойти своим вниманием исследователь, занимающийся биографическими описаниями жизни Л. Толстого. Впервые она была опубликована в 1900 году, когда еще до смерти Толстого оставалось целое десятилетие, а после смерти Достоевского уже прошло почти двадцать лет. Так, жизнь одного героя книги уже была завершена и сама воспринималась как захватывающая воображение почти художественная история, вполне сопоставимая с остросюжетными книгами самого Достоевского, а в жизни второго героя начиналось последнее десятилетие, которое будет ознаменовано новыми шедеврами и венчающим жизненный путь уходом из Ясной Поляны. Обратиться к книге

Д.С. Мережковского в рамках изучения биографий Толстого позволяет и тот факт, что первая часть книги озаглавлена «Жизнь Л. Толстого и Достоевского».

Д.С. Мережковский работал над своим трудом с 1898 по 1902 год. Публиковалась монография с 1900 по 1902 год в журнале С.П. Дягилева «Мир искусства», а потом неоднократно выходила отдельными изданиями и публиковалась в собраниях сочинений Д. С. Мережковского. Вышедшее произведение, оригинальное по форме изложения материала и концепции творчества писателей, привлекло внимание общественности.

В книге «Л.Толстой и Достоевский» Д. С. Мережковский по-особому подходит к раскрытию двух ярких личностей: Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. «...Лейтмотивы книги Мережковского, – как пишет Н.Г. Коптелова, – связаны с утверждением пушкинского истока творчества Толстого и Достоевского и идеей всемирного значения тех духовных открытий, которые совершила русская литература в девятнадцатом столетии» [88, с. 38].

Автор делит свою работу на вступление, три части, примечания и сокращения. Во вступлении читателю объясняется мотив объединения в книге представленных писателей. В первой части, «Жизнь Л. Толстого и Достоевского», восемь глав, в которых описываются жизненные события, раскрываются герои через призму их произведений. Во второй части, которая называется «Творчество Л. Толстого и Достоевского», состоящей из 7 глав, дается анализ произведений писателей. Третья часть, «Религия», в свою очередь делится на два раздела. Однако, как отмечает Н.Г. Коптелова, «организация материала в книге Д.С. Мережковского не вполне соответствует тому строгому распределению, которое обозначено в заглавиях частей: «Жизнь Л. Толстого и Достоевского», «Творчество Л. Толстого и Достоевского», «Религия». На самом деле в каждой части критик то и дело нарушает строгую композиционную логику, им самим намеченную. В этих композиционных сдвигах подспудно «кристаллизуется» идея

жизнетворчества, ставшая стержнем не только символизма, но и культуры Серебряного века в целом. В процессе исследования Д.С. Мережковский часто не просто соотносит, но соединяет «жизнь», «творчество», «религию» в одно нерасторжимое целое, что само по себе принципиально и концептуально значимо [88, с. 37].

В своей монографии Д.С. Мережковский обращается к разным источникам, раскрывающим биографические данные Л. Толстого: это как документальные материалы (дневники писателя, воспоминания современников, переписки, «Исповедь»), так и художественные произведения автора (например, трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность», рассказы «Утро помещика», «Смерть Ивана Ильича», повесть «Казачи», роман «Война и мир»). Описывая жизнь Л. Толстого, Д.С. Мережковский, «по сути, создает миф личности писателя» [88, с. 157]. Прежде всего, предметом исследования является не внешняя жизнь писателя, а ее духовная составляющая, которая оказалась наполнена противоречиями: соотношением между «сознательной и бессознательной стороной его духовного развития» [120, т. 9, с. 45-46]. Так, сознательная сторона «апеллирует к христианским ценностям», а в бессознательной, «природной» стороне автор видит «тайное язычество»: «языческую привязанность к земле, поклонение плоти» [88, с. 158].

Автор исследования достаточно большое внимание уделяет семейной жизни Л. Толстого, описывает эволюцию взаимоотношений супругов. «Жизнь-счастье», таким образом, противопоставляется «жизни-страданию» Достоевского. Однако нельзя не отметить, что «восхищаясь “главным счастьем” Толстого – Софьей Берс», автор «не замечает супружеского счастья Достоевского, сосредоточив все свое внимание на сложной материальной стороне жизни писателя в эти годы» и одновременно с этим описывая кризисный период жизни Л. Толстого и Софьи Андреевны, нарушает идею о «жизни-счастье» писателя [76, с. 45]. Мотив «жизни-счастья» прослеживается на протяжении всей книги, автор исследования

акцентирует на этом внимание читателя: «...в самом деле, если не внутри, то извне, это – самая счастливая человеческая жизнь в наше время» [120, т. 9, с. 37].

Главу «Жизнь Л.Толстого и Достоевского» автор начинает со слов о том, что жизнь писателя так или иначе отражается в его творчестве. Д.С. Мережковский строит повествование по принципу отражения душевного и жизненного пути в их соотношении с произведениями. В труде «Дмитрий Мережковский» А. Долинин отмечает, что автор «устанавливает, в первую же голову, тесную органическую связь между личной жизнью писателя и его творчеством, проводя, таким образом, те соединяющие линии, те крепкие, хоть и невидимые, нити, что всегда существуют между конечной вершиной и конечным основанием: миропониманием и мироощущением» [70, с. 322].

Автор в первой главе отметил, что поворотным моментом жизни Л. Толстого был конец 1870-х – начало 1880-х годов, когда с ним «произошел глубокий нравственный и религиозный переворот, который в корне изменил не только всю его личную жизнь, но и умственную, и писательскую деятельность, как бы переломил его существование на две половины: в первой он – только великий писатель, может быть, и великий человек, но все-таки человек от мира сего, с человеческими и даже русскими страстями, скорбями, сомнениями, слабостями; во второй – он выходит из всех условий исторического быта и культуры; одни говорят, что это христианский подвижник, другие – безбожник, третьи – фанатик, четвертые – мудрец, достигший высшего нравственного просветления, как Сократ, Будда, Конфуций, – основатель новой религии» [120, т. 9, с. 17]. Этому периоду отведено особое место. Описывая переломный этап жизни, исследователь цитирует слова самого Л. Толстого, приводит воспоминания близких ему людей.

Далее, рассуждая о том, что «в литературе всех веков и народов едва ли найдется другой писатель, который обнажал бы самую частную, личную,

иногда щекотливую сторону жизни своей с такою великодушною или беззастенчивою откровенностью, как Толстой», автор подчеркивает, что писатель «сказал нам о себе все, что только имел сказать, и мы о нем знаем все, что он сам знает о себе» [120, т. 9, с. 19].

Автор уделяет большое внимание творческой жизни своего героя. Д.С. Мережковский акцентирует внимание читателя на том, что в произведениях Л. Толстого встречается неоднократное описание конкретных деталей в изображении героев. Такие, на первый взгляд, незначительные подробности впоследствии «бывают связаны с центральной, движущей осью всего произведения, то есть способствуют раскрытию главной темы и идеи произведения» [77, с. 67]. Исходя из этой закономерности, Д.С. Мережковский определяет главный художественный прием Л. Толстого – переход «от телесного – к духовному» и «от внешнего – к внутреннему». Автор показывает, что, открывая «тайны плоти», писатель постигает «тайны духа», в то время как Ф.М. Достоевский, напротив, «идет от внутреннего к внешнему, от духовного к телесному» [77, с. 67].

Как писал Н.А. Бердяев в статье «Новое христианство», «тайна духа и тайна плоти, тайна неба и тайна земли, тайна личности и тайна общности, бездна верхняя и бездна нижняя – в этих противопоставлениях протекает все мышление Мережковского» [27, с. 55]. В этом Бердяев видел недостаток критической позиции Д.С. Мережковского: «У него есть задание великого синтеза, вечный призыв к тому, чтобы синтез совершился, надрывный крик о синтезе, но нет самого жизненного и познавательного синтеза» [27, с. 55]. З.Н. Гиппиус в книге «Дмитрий Мережковский» иначе объясняет определенную односторонность в толковании художественной оценки творчества Л. Толстого: «Конечно, Достоевский должен был быть и был ближе ему, нежели Толстой. Поэтому, вероятно, он и перегнул немного в его сторону и сказал кое-что несправедливо насчет Толстого» [51, с. 96].

Автор подходит к фигуре Л. Толстого с особой меркой. Он осознает его величие, однако встраивает его в ту систему оценок, которая отвечает его собственным религиозно-философским построениям. Местами возникает ощущение, что автор выступает на равных со своим героем.

При чтении книги обращает на себя внимание одно удивительное обстоятельство: жизнеописание Толстого представляется вполне законченным, нет ощущения незавершенности его пути. Такое ощущение возникает по одной причине: автор книги чудесным образом предсказал ту драму, которая разыграется в доме великого писателя, а также и сам ее исход. И это получилось у Д.С. Мережковского достаточно органично, благодаря тому способу изображения личности и жизни Л. Толстого, который он избрал – включения фигуры своего героя во всемирно-исторический контекст. Как известно, большинство современников автора книги и ее исследователей склонны считать, что Д.С. Мережковский отдает предпочтение Достоевскому в ущерб Толстому. Однако именно Толстой настоятельно и даже педантично встраивается в ряд сравнений цивилизационного порядка: «древние эллины и новый эллин, Гете», «царь Соломон» «отчаяние Эдипа... Сакья-Муни и царя Соломона» [120, т. 9, с. 40], упоминается Будда, Толстой воспринимается как «подобие в современной жизни древнебиблейских патриархов, Авраама, Исаака и Иакова» [120, т. 9, с. 55]. И вот сравнение русского писателя с «христианскими подвижниками прошлых веков» выводит Мережковского на предсказание финала его жизни. Он пересказывает легенду о Франциске Ассизском, тот ее эпизод, когда отец святого подал на него жалобу, обвинив сына в том, что тот расточает имение. И тогда Франциск снял с себя одежду и объявил своим отцом Христа и «совершенно голым, каким вышел из утробы матери <...> бросился» в его «объятия» [120, т. 9, с. 57]. Аналогичным образом поступает «любимый русским народом угодник, Алексей, Божий человек, бежавший из родительского дома» [120, т. 9, с. 57]. Далее следует вывод: «Так и доньше поступают все русские подвижники,

пожелавшие исполнить заповедь Христа: кто не покинет и дома, и полей, и детей во имя мое, тот не достоин Меня» [120, т. 9, с. 57].

Не так ли поступает Л. Толстой, сделавшийся «подвижником русского народа»? – вопрошает Д.С. Мережковский. И ответ на этот вопрос читается современным писателем как уже свершившийся уход Л. Толстого из Ясной Поляны, хотя этого ухода еще не было: «Он исполнил заповедь Христа: покинул и дом, и поля, и детей <...> Он сделался нищим, бездомным, роздал свое имение...» [120, т. 9, с. 58]. Так что сам Д.С. Мережковский вполне ответил на вопросы, заданные в финале жизнеописания Л. Толстого: «Кому предсказывать будущее такого человека? <...> Как он будет умирать?» [120, т. 9, с. 91].

Это включение Л. Толстого во всемирно-исторический контекст и есть отличительная черта книги Д.С. Мережковского, приносящая свои плоды и выделяющая ее среди других биографических построений.

Одно очень важное обстоятельство объединяет фигуры Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского – в концепции Д.С. Мережковского они являются «предтечами... последнего пришествия <...> Почему они? Первый постиг до конца тайну плоти, второй – тайну духа; но в царстве Иоанна – оно и наступит после Второго Пришествия – “дух и плоть должны слиться воедино, из Двух сделается Один: плоть станет святой, духовной”. Таково положение» [70, с. 324]. Не случайно последнюю главу из раздела жизнеописания автор заканчивает на том, что является для них общим. И это общее выражается в странной схожести их портретов: «Несмотря на всю противоположность этих лиц, они иногда кажутся странно схожими – не потому ли, что и у Достоевского такое же крестьянское, простонародное лицо, как у Л. Толстого?» [120, т. 9, с. 150]. В портретах двух гениев Д.С. Мережковский пытается разглядеть лицо русского народа: «Этого будущего... окончательно “благообразного”, окончательно русского и всемирного лица не должно ли искать именно здесь, между двумя

величайшими современными русскими лицами – Л. Толстым и Достоевским?» [120, т. 9, с. 152].

1.4. Биография Л.Н. Толстого сквозь призму «сословного» подхода: очерк Е.А. Соловьева «Л.Н. Толстой. Его жизнь и литературная деятельность»

Одна из первых прижизненных биографий Л.Н. Толстого была написана в 1894 году в издательской серии «Жизнь замечательных людей» литературным критиком Е.А. Соловьевым. В 1905 году была напечатана переработанная им версия. Автор напечатал произведение под псевдонимом В. Смирнов.

«Жизнь замечательных людей» – так называется серия художественно-биографических книг, ориентированных на массового читателя. Данная серия была организована в 1890 году Ф.Ф. Павленковым, просветителем-демократом, который ставил своей целью воспитание широких слоев общества. Используя жанр популярного биографического очерка, он знакомил читателя с выдающимися людьми, оставившими след в истории мировой культуры. Биографии писались известными публицистами и журналистами того времени, например, Е.А. Соловьёвым, А.М. Скабичевским, несколько очерков были написаны профессиональными философами и литераторами (В.С. Соловьёвым, Н.М. Минским). Основу трудов составляла классическая теория общих мест, суть которой в том, чтобы рассказать об идеале творческого человека или политика, изобретателя. Ю. Петрова отмечает, что биографические исследования этого периода часто отражали сложившиеся в XIX веке нормативные каноны, что подавалось читателю ещё на уровне заглавия: «N (Достоевский, Лаплас, Пирогов, Линкольн и т.д.): его жизнь и литературная/государственная/научная и т. д. деятельность» [143, с. 269]. Однако начали появляться «биографии нового типа, в которых

автор предпринимает попытку выстраивания образа героя, что предполагает наличие индивидуальной авторской позиции по отношению к герою» [143, с. 269]. Особенно таким подходом увлекался Е.А. Соловьёв, написавший для серии очерки о многих знаменитых российских деятелях, в том числе очерк «Л.Н. Толстой. Его жизнь и литературная деятельность».

Книга «Л.Н. Толстой. Его жизнь и литературная деятельность» – научно-художественная биография писателя, значимой композиционной характеристикой которой является достаточно подробное и последовательное изложение жизненных событий Л. Толстого.

Работа состоит из четырнадцати глав, заключения и источников. Предметом исследования биографа является, с одной стороны, «внешняя жизнь» героя повествования, а с другой – его «внутренняя жизнь», которая представлена читателю эволюцией идей и духовным ростом персонажа.

Исследовательская база труда оказалась достаточно ограниченной в связи с тем, что биография писателя была прижизненной. Главными источниками информации о жизни героя явились «Исповедь» и крупные художественные произведения писателя. Автор в своем исследовании отсылает читателя к произведениям Л. Толстого и опирается на них: «...биографию Л. Толстого можно смело написать по его собственным произведениям, и она выйдет полной, особенно во всем, что касается душевной жизни великого писателя» [178]. Однако стоит отметить, что в таком прямолинейном перенесении биографических событий Е.А. Соловьёвым на художественную работу писателя есть недостаток: «Строго следуя за логикой художественного, он в личной биографии Толстого повторил факты литературной», а значит, отождествил Л. Толстого с его литературными героями. [85, с. 207]. Другими источниками для автора послужили «Воспоминания» С.А. Берса, «Студенческие годы графа Льва Николаевича Толстого» проф. Загоскина, статьи Н.К. Михайловского, А.М. Скабичевского, Д.И. Писарева, Н.М. Страхова, С.А. Андреевского, Э. М. де Вогюэ, Г. Брандеса.

В содержании автор намечает для читателя этапы жизни Л. Толстого, заключенные в соответствующие главы:

1. Детство, отрочество и юность
2. Руссо и нехлюдовщина
3. На Кавказе
4. Под Севастополем
5. В Петербурге
6. В деревне и за границей
7. Вторая поездка за границу и педагогические занятия
8. Писательская драма
9. Семейная жизнь
10. Большие романы
11. О пессимизме и русофильстве графа Толстого
12. Кризис
13. Учение Толстого
14. На вершине славы

В представленных главах читатель находит воспоминания современников, анализ литературных произведений Л. Толстого, бытовые подробности жизни.

В данной биографии мы можем проследить тенденцию, ярко обозначенную позже Г.И. Лебедевым: Л. Толстой настолько выше простых смертных, что приблизиться к нему практически невозможно. Конечно, Е.А. Соловьев не столь поэтичен, как Г.И. Лебедев, в своих характеристиках Л. Толстого, но также изображает его титаном среди людей: «Удач и счастья, выпавших на его долю, смело бы хватило на десять обыкновенных смертных; его литературный талант смело перевесит всю совокупность литературных талантов современности» [178].

Л. Толстой – фигура всемирно-исторического масштаба. Невольно вспоминается идея Д.С. Мережковского о вписанности Л. Толстого во всемирный исторический контекст. Только Е.А. Соловьев дает иной поворот

этой идее: с его точки зрения, иностранная критика писателю «уделяет <...> гораздо больше внимания, чем критика русская» [178]. Автор изображает ту реальность, которая окружала писателя большую часть его жизни, место, которое ассоциируется исключительно с именем Л. Толстого, – Ясную Поляну. Подробное описание природы, дома и даже кабинета Л. Толстого занимает значимое место в повествовании биографа. Далее – информация о предках писателя, его рождении, детстве, юности. Здесь приводятся цитаты из произведений Л. Толстого, которые отражают состояние героя или подтверждают факты из жизни, что впоследствии окажется традиционным приемом для построения биографии писателя.

Вторая глава начинается со строк об уходе Л. Толстого из Казанского университета с целью «посвятить себя жизни в деревне», потому что, как писал сам Л. Толстой, он «рожден для нее» [178]. По мнению биографа, именно благодаря этому решению Л. Толстой и состоялся как великий писатель и мудрец. «Владение семьями душ и позволило развиваться беспрепятственно художественному дарованию графа Толстого, позволило ему без всякой торопливости переписать семь раз “Войну и мир” – эту грандиозную эпопею русской народной жизни», как называет ее Е.А. Соловьев. «Благодаря даровому крепостному труду, русская литература за каких-нибудь полстолетия стала классической, и ничего подобного ее быстрым успехам в период между созданием “Руслана и Людмилы” и “Анной Карениной” мы не видим даже на Западе», – пишет автор [178]. На этом моменте, на «процессе сближения Толстого с мужиком и народом», биограф заостряет особое внимание [178].

И здесь важны два обстоятельства. Первое – идея «ухода», озвученная также Г.И. Лебедевым. Второе – идея сближения с народом, явно предваряющая пассажи из биографии, созданной Н.Н. Гусевым, – акцент Н.Н. Гусева на ленинской идее о «разрыве Толстого со своим классом». Эта идея в дальнейшем будет питать советский взгляд на жизнь и творчество Л. Толстого.

Нет сомнений, что именно сословный подход Е.А. Соловьев положил в основу исследования: он увидел жизнь Л. Толстого как «символ трагического разрыва и классовых противоречий в обществе» [85, с. 208].

С точки зрения Е.А. Соловьева, «противопоставлением народа и интеллигенции» сам Л. Толстой «занимается постоянно» [178]. Автор подчеркивает, как «томила <...> громадность долга нашей цивилизации перед народом» его «надломленную интеллигентную душу», фактически опережая В.И. Ленина, признавшего в Л. Толстом «зеркало русской революции» [178].

«Кавказская» жизнь героя также излагается в идеологическом ключе, особенно там, где речь идет о народе. Граф «сильно проигрался и увидел, что при прежней своей жизни он никак не сумеет уплатить долга» [178]. По мнению Е.А. Соловьева, «это-то и было одной из причин, побудивших его отправиться на Кавказ – не на службу, а просто для перемены места, впечатлений и ради экономии» [178]. Проводя значительную часть времени в обществе казаков и солдат, Л. Толстой «полюбил простой народ, полюбил уже сердцем, а не рассудком только, как это было под влиянием просветительной философии» [178]. Биограф связывает свою мысль о сближении графа с простыми людьми с тем, что казачий народ не позволял ему считать себя выше их, что «установилось равенство», а искренняя «любовь возможна только при нем» [178].

Затем следует рассказ о службе в Севастополе, во время которой Л. Толстой не перестает уделять время творчеству. Достаточно подробно анализируются «Севастопольские рассказы», передаются впечатления писателя после усвоения военного опыта.

Глава «В Петербурге» описывает ощущения Л. Толстого – молодого офицера, попавшего в легкие беспечные столичные будни после пережитых тяжелых военных испытаний. Как говорит автор, «отказаться от этой жизни Толстой в то время не мог, но он чувствовал и знал, что это не та, не

настоящая жизнь, что в ее легкомыслии и праздности есть и безнравственное, и даже прямо преступное» [178].

В следующей главе делается акцент на противоречиях внутреннего мира Л. Толстого. В настоящий момент эта идея питает многие труды о писателе. Так, например, в книге западного исследователя Р. Густафсона Л. Толстой предстает одновременно как «Обитатель и Чужак» – в этих противоречиях исследователь описывает его творчество и поступки [65]. Получается, что эта тенденция берет свое начало в биографии, созданной Е.А. Соловьевым, который считает, что «жизнь Толстого, как и всякого человека, исполнена противоречий. Великое сегодня–завтра представлялось ему ненужным и пустым, что с точки зрения нервной молодости совершенно логично» [178]. Одой из важнейших черт мыслителя, как пишет Е.А. Соловьев, еще с юного возраста было «стремление к личному совершенствованию» [178]. При этом сам Л. Толстой писал, что, «проявляя эти отвратительные страсти», он «становился похож на других взрослых людей и этим вызывал в них одобрение...» [178]. Биограф в свою очередь отмечает, что «на самом деле не все же было гадко в этом стремлении, а напротив, многое хорошо, симпатично и даже, если хотите, комично» [178]. Так что противоречивость внутреннего мира Л. Толстого, начиная с биографии Е.А. Соловьева, становится знаковой.

Далее мы видим упоминание о поездке Л. Толстого в Европу, которая оставила весомый след в его жизни. Центральное событие этой поездки, «важнейший определяющий момент для целого периода жизни Толстого», по мысли Е.А. Соловьева, – смерть брата писателя. Как отмечает автор, после этого трагического события Толстой вернулся в Россию и еще длительное время находился в крайне мрачном настроении, стал рассуждать о жизни с точки зрения смерти, часто писать о смерти в своих произведениях. Здесь Соловьев неоригинален. Смерть брата как веху духовной эволюции писателя отметит и П.И. Бирюков. Это и есть то бытийное обстоятельство, которое по-другому истолковать нельзя.

В седьмой главе повествуется о том времени, которое Л. Толстой провел в Ясной Поляне после первой заграничной поездки. Он стал активно размышлять об организации школы для крепостных детей. Решив, что необходимо оценить опыт европейских школ, Л. Толстой, как сказано Е.А. Соловьевым, «знакомился с постановкой благотворительного дела» [178]. Вернувшись на родину, он окунулся в педагогическую деятельность. Как отмечает автор, «это была первая вполне свободная школа» – Яснополянская школа, где «задача учителей заключалась в том, чтобы интересом самого преподавания уметь завладеть вниманием учеников и заставить их водворить порядок. И вот в этой свободной республике преподавание шло крайне успешно, и ученики научились любить школу и ученье благодаря тому, что все учителя проникнуты были истиной, не раз высказываемой Львом Николаевичем: “Всякое принуждение вредно и указывает на недостаток самого метода и преподавания. Чем с меньшим принуждением учатся дети, тем метод лучше; чем с большим, тем хуже”» [178].

Кроме того, у педагогической деятельности Л. Толстого есть еще один плюс с точки зрения автора: она, безусловно, прогрессивна, поскольку писатель строит школу, явно составляющую оппозицию «буржуазной». Именно опыт близкого общения с крестьянами послужил поводом «к пересмотру им всех своих культурных теорий с точки зрения простого народа» и впоследствии «20 лет спустя» довел Л. Толстого «до почти полного отрицания собственной художественной деятельности» [178]. Биограф приходит к выводу, что Л. Толстой «ясно сознает, что литература есть один из видов эксплуатации народа, и, тем не менее, участвует в ней, потому что, как вечному жиду таинственный голос не уставал говорить: иди, иди, иди, так и Толстому внутренний голос – голос его богато одаренной природы – не устает говорить: пиши, пиши, пиши» [178]. Пассаж о «литературе как эксплуатации народа» – явное свидетельство марксистско-

ленинской идеологии, которая составляет особую атмосферу повествования Е.А. Соловьева о Л. Толстом.

В биографии, созданной Е.А. Соловьевым, как и в других, важное место занимает и описание семейной жизни героя. Автор начинает со знакомства писателя с Софьей Андреевной Берс, их свадьбы, рассказывает о воспитании детей в семье Толстых, а особенно – об идеях воспитания Руссо. Е.А. Соловьев делает вывод, что «от своего я он убежал в семейные заботы, воспитание, хозяйство» и «всего этого хватило на 15 лет» [178].

Отдельное внимание в биографическом труде уделено произведениям Л. Толстого. Автор говорит, что читателю не стоит обманываться представлением о безмятежном периоде «семейного счастья» Л. Толстого, когда были созданы одни из главных творений писателя – романы «Война и мир» и «Анна Каренина», ведь «для людей, которые не могут, несмотря ни на что, признать законность личного счастья, видя перед собой несчастье других, счастья и довольства на земле нет» [178]. Особое внимание уделено «единственной народной эпопее, которая есть у нас», где «народные массы не сходят со сцены», – так характеризует роман «Война и мир» биограф [178]. «Война и мир», с точки зрения идеологии Е.А. Соловьева, – еще одно оправдание Л. Толстого перед русским народом.

«О пессимизме и русофильстве графа Толстого» – глава, в которой на примере толстовского противопоставления Кутузова и Наполеона показывается представление писателя о русской самобытности. Здесь цитируются слова Л. Толстого о том, что «русский ум отказывается признать героя, который бы мог управлять людьми, создавать события», а значит, фактически, отрицает роль героев в истории [178]. Историю, по его мнению, вершит обычный человек.

О кризисе в жизни Л. Толстого автор рассказывает, следуя сложившейся традиции. Как и другие биографы писателя, он считает, что кризис никогда не прекращался, он таился, зрел и, наконец, вырвался наружу. Кризис в жизни Толстого обернулся «возрождением души».

В тринадцатой главе отражена «грандиозная картина вечного беспокойного искания» [178]. Читателю предлагаются важнейшие, по мнению автора, учения писателя, представленные в следующих пунктах: 1) религиозная идея жизни; 2) противостояние личному эгоизму благодаря действиям, поступкам; 3) необходимость следования учениям Христа; 4) непротivление злу; 5) любовь к ближнему.

Несмотря на то что Е.А. Соловьев не разделяет ряд идей великого мыслителя (как, например, «непротivление злу»), тем не менее, автор по-своему связывает их с классовой теорией. Биограф рассуждает о том, что, к сожалению, в жизни всегда «сильный преобладает над слабым» [178]. Что же делать человеку, чтобы «остаться чистым среди жизненной грязи» [178]? Ответ можно найти в «правилах жизни» Л. Толстого: нужно преодолеть личный эгоизм. Для достижения всеобщей гармонии читателю представляется «идеал мужицкой трудовой жизни» героя [178].

Последняя, четырнадцатая, глава рассказывает о 1891-1892 «голодных» годах. Этот момент жизни «прибавил новую блестящую страницу к биографии Толстого, страницу, которой, – как пишет биограф, – я и позволю себе заключить свой очерк». Е.А. Соловьев с восхищением заключает, что этот период показал, как человек «учил и искал правды, как переходил от служения силе к служению труду и наконец – любви. Любовь завершила цикл развития и осенила своим крылом могучую больную душу...» [178].

Биограф с преклонением отзывается о герое повествования и подчеркивает, что всеобщее «обожание и восторг растут изо дня в день, и наперекор общему правилу растут по мере того, как мы ближе знакомимся с жизнью писателя и даже семейной его обстановкой». Е.А. Соловьев сравнивает личность Л. Толстого с «грандиозной картиной вечного беспокойного искания»: «Он – вечное искание, частичка того же потока, который мы зовем жизнью. Разве этот поток может остановиться?...» [178].

Итак, для Е.А. Соловьева Л. Толстой – философ, моралист, писатель-реалист, источниками реализма для которого явились религиозность и

народничество. Чтобы вписать фигуру Л. Толстого в пространство марксистской идеологии, автору необходимо найти оправдание его вере, и он это оправдание находит. С точки зрения Е.А. Соловьева, в Боге Л. Толстой видит проявление важнейших для него человеческих свойств – способности к любви и самоотречению. А народнические тенденции как раз соответствуют главному идеологическому критерию – «громкости долга цивилизации перед народом» [178].

Таким образом, биограф переиначивает жизнеописание своего героя, подгоняя его под заданные стандартами собственной идеологии рамки. В дальнейшем этот подход будет использован советскими авторами и позволит сделать Л. Толстого героем для советского народа.

1.5. «Л.Н. Толстой: материалы к биографии» Н.Н. Гусева. Продолжение традиций П.И. Бирюкова

Труд Н.Н. Гусева представляет собой научно-художественную биографию, документальная основа которой вместе с хронологически выстроенными событиями жизни героя переплетается с авторским отношением к объекту повествования.

Биография Л. Толстого, созданная Н.Н. Гусевым, знаменует собой переход от биографий, написанных современниками, к биографиям советского периода. На ней уже лежит печать идеологии советской эпохи.

Биограф начинает свой труд с цитаты М. Горького: «Лев Толстой был самым сложным человеком среди всех крупнейших людей XIX столетия» [60, с. 3]. Автор соглашается с этим высказыванием: именно поэтому задача исследователя не проста и ответственна, ведь «сложно его огромное по своему диапазону и значению, богатейшее по содержанию и разнообразное по своим формам творчество; сложна и противоречива была эволюция мировоззрения Толстого на протяжении его долгого жизненного

пути» [60, с. 3]. Далее эта идеологическая линия поддерживается традиционным обращением к классикам марксизма-ленинизма.

Н.Н. Гусев ставит перед собой задачу «исходить из ленинской точки зрения, устанавливающей разрыв Толстого со своим классом и его переход к идеологии трудового патриархального крестьянства. Чрезвычайно важно проследить все фазы этого перехода – от его начальных стадий до окончательного утверждения, со всеми временными колебаниями и отклонениями, ослаблением и усилением» [60, с. 3]. И взятый автором вектор позволяет писать о Л. Толстом – как о писателе для советской власти во многом подцензурном.

Далее следует весьма традиционный для писательских биографий ход: Н.Н. Гусев акцентирует внимание на том, что творчество Л. Толстого должно составлять неотъемлемую часть его жизнеописания. Автор ссылается на А.С. Пушкина – «слова поэта суть уже его дела» и на самого Л. Толстого – «писанье мое есть весь я» [60, с. 3].

Таким образом, биография Л. Толстого, созданная Н.Н. Гусевым, – «это основной вариант литературной биографии, где сочетается описание фактов быта и бытия писателя, его житейской и творческой биографии» [146, с. 152].

Н.Н. Гусев делает выпад в сторону П.И. Бирюкова, своего предшественника, стараясь показать, что затеянное предприятие он начинает не зря: «Я высказал Льву Николаевичу свое мнение, что из его произведений можно гораздо больше узнать о его жизни, чем из этой работы П.И. Бирюкова. Лев Николаевич сейчас же и, как мне показалось, даже с некоторым удовольствием согласился с этим» [60, с. 4]. В то же время Н.Н. Гусев понимает, что, ссылаясь на произведения Л. Толстого, вступает на шаткий путь, и тут же оговаривается, что «пользоваться художественными произведениями Толстого как автобиографическим материалом следует с большой осторожностью и осмотрительностью», ведь в художественных произведениях встречаются эпизоды, являющиеся лишь плодом фантазии

творца [60, с. 4]. Пользоваться ими как автобиографическим материалом «допустимо лишь в тех случаях, когда художественный рассказ подтверждается несомненными биографическими данными и вполне соответствует фактам внешней и внутренней жизни Толстого данного периода», только в этом случае художественные творения в полной мере «дополняют и поясняют данные его биографии» [60, с. 4-5].

Материалами для труда явились художественные произведения Л. Толстого, письма писателя, дневники, мемуары, воспоминания современников, а также черновики произведений. Использованы и другие неопубликованные документы, находящиеся в Рукописном отделе Государственного музея Л.Н. Толстого и в других архивохранилищах. Н.Н. Гусев, подобно П.И. Бирюкову, получает доступ к тем документам, которые могут дополнить представление о Л. Толстом. Отдельно следует сказать о его доступе к обширному архиву воспитательницы Толстых Т.А. Ергольской, который ранее не был изучен. В его составе обнаружилась переписка Т.А. Ергольской с членами семьи Толстых, их окружения, а также личные дневниковые записи и черновики ее писем. Ценную информацию получилось открыть благодаря неопубликованным письмам к Л. Толстому его родных, гувернера Сен-Тома, друзей и знакомых. Многие из этих писем в новом свете представляют события первого периода жизни Л. Толстого. Введение этих документов в биографический и литературоведческий обиход – несомненная заслуга Н.Н. Гусева.

Им также исследуются документы, находящиеся в тульском областном архиве и относящиеся к детским и отроческим годам жизни Л. Толстого, благодаря которым решительно опровергается версия о насильственной смерти отца писателя.

«Из неопубликованной мемуарной литературы особенно много ценных материалов дали мне обширные (около 200 печатных листов), в большей своей части не напечатанные “Яснополянские записки” Д.П. Маковицкого,

содержащие ряд до сих пор остававшихся неизвестными воспоминаний Толстого о молодых годах своей жизни», – отмечает автор [60, с. 6].

Книга «Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1828 по 1855 год» была издана в 1954 году. Она состоит из предисловия, одиннадцати глав, заключения и приложений. Исследование о жизни писателя начинается с рассказа о предках героя, его детских годах.

Н.Н. Гусев дает подробную информацию о родственниках графа, отношениях в семье. Биограф проделал огромную работу, приводя в тексте цитаты из писем, записей окружения семьи Толстых и, конечно, записи, воспоминания самого Л. Толстого.

Н.Н. Гусев, как и П.И. Бирюков, считает, что огромную роль в духовной биографии Л. Толстого сыграли образ матери и факт ее ранней смерти. В дальнейшем эта идея укоренилась и в литературоведческих трудах о Л. Толстом. По мнению современных исследователей (Р. Густафсон [65], К.А. Нагина [128] и др.), представление о духовном облике матери способствовало возникновению особого «женского мифа», отраженного и в художественных, и в религиозно-философских трудах писателя. Л. Толстой «полагал, что любовь к нему была последней страстной любовью его матери, заменившей для нее любовь к старшему сыну Николеньке, ко времени рождения Льва уже перешедшему в мужские руки» [60, с. 62]. «Мне говорили, – пишет Л. Толстой в “Воспоминаниях”, – что маменька очень любила меня и называла “mon petit Benjamin”» [60, с. 62]. По мнению Н.Н. Гусева, Л. Толстой сконструировал идеальный образ матери, связанный с духовностью и любовью, и пронес его через всю жизнь. Возможно, именно поэтому «Толстой никогда не мог ни писать, ни говорить о своем детстве без чувства глубокого умиления» [60, с. 63].

Этап отрочества, по Н.Н. Гусеву, ознаменовался переездом Толстых в Москву: «переход от жизни в родительской усадьбе к жизни в столице – имел огромное значение для умственного развития маленького Льва» [60, с. 98]. Биограф опирается на воспоминания самого Л. Толстого: «Мне в первый раз

пришла в голову ясная мысль о том, что не мы одни, то есть наше семейство, живем на свете, что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами, не заботящихся о нас и даже не имеющих понятия о нашем существовании. Без сомнения, я и прежде знал все это; но знал не так, как я это узнал теперь, не сознавал, не чувствовал...» [60, с. 99].

Далее читатель следует за героем, становится свидетелем его взросления, первых литературных побед. Биограф очень подробно рассказывает о произведениях писателя тех лет, связывая их с переживаемыми событиями.

Н.Н. Гусев, как и предшествующие биографы, повествует о военной службе молодого писателя. На Кавказе у Л. Толстого, «вместо прежнего желания прославиться, сделаться знаменитым», «теперь впервые появляется желание деятельности, полезной обществу» [60, с. 330]. Заканчивается том описанием прохождения военной службы в Севастополе. Этот же момент, как мы помним, акцентирован в работе Е.А. Соловьева.

Далее, в 1957 году, был издан второй том – «Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1855 по 1869 год». В книге рассказывается о событиях жизни Л. Толстого после возвращения из Севастополя и до периода написания «Войны и мира», а также приводятся отзывы современников о романе. Автор считает, что это произведение, «огромное по размеру, оригинальное по форме, глубокое и всестороннее по содержанию, – произведение, представляющее собою соединение эпопеи с романом, сочетание строгого эпоса с самым задушевным лиризмом, а также с философскими и отчасти публицистическими рассуждениями», важнейший этап жизни творца, этап душевного подъема» [61, с. 877].

Н.Н. Гусев пишет: «Необычайный творческий подъем привел Льва Толстого к созданию произведения высокого мирового значения. Но это не было завершением его творческого пути. Работа над великим романом-эпопеей, способствовавшая росту его могучего дарования, помогла ему в

дальнейшем создать целый ряд других замечательных произведений, достойных его гения» [61, с. 880].

Описывая события жизни Л. Толстого, биограф показывает, как они отражаются в его произведениях. Читателю рассказывается о встречах Л. Толстого с литераторами, критиками. На этом сделан особый акцент. Прежде П.И. Бирюкову были интересны взаимоотношения Л.Н. Толстого с И.С. Тургеневым, А.А. Фетом, Н.А. Некрасовым. Однако в его труде литературное окружение писателя было показано менее развернуто.

Две главы (четвертая и восьмая) повествуют о двух заграничных путешествиях Л. Толстого. Здесь биограф неоригинален и следует устоявшемуся канону, который явно совпадает с реальностью в оценке П.И. Бирюкова и его предшественников. Первая поездка произвела на писателя большое впечатление, «Толстому казалось, что с приездом в Париж начинается какая-то новая полоса в его жизни» [61, с. 170]. «Новых и разнообразных впечатлений было так много, что во все время своего пребывания в Париже Толстой, не пропуская ни одного дня, ежедневно в дневнике давал самому себе краткий отчет в том, что он делал, где был и что прошло перед его глазами в течение минувшего дня», – пишет автор. [61, с. 172-173].

Далее – знаковое событие, ранее отмеченное и другими биографами (П.И. Бирюковым, Е.А. Соловьевым), но именно в интерпретации Н.Н. Гусева приобретающее особые духовные масштабы. Это – увиденная Л. Толстым смертная казнь. Н.Н. Гусев отмечает, что «накануне писавший в письмах о наслаждении “гражданской свободой”» в Париже Толстой теперь отказывается «ставить вопрос о преимуществах французского или какого-либо другого государственного устройства. – “Я же во всей этой отвратительной лжи, – пишет он, – вижу одну мерзость, зло и не хочу и не могу разбирать, где ее больше, где меньше”» [61, с. 193]. В дальнейшем на это событие обратят внимание не только биографы, но и литературоведы.

Впечатление, полученное Л. Толстым от смертной казни, будут сравнивать с ощущениями и переживаниями героя романа Ф.М. Достоевского «Идиот».

Второе путешествие по Европе Л. Толстой посвящает в большей степени изучению образовательной системы, изучению европейских взглядов на педагогику. Но в этот период случается трагедия, традиционно описываемая в биографиях Толстого, – смерть брата Николая Николаевича Толстого. Данному периоду отводится особое место в повествовании, ведь «в лице своего брата Толстой потерял самого близкого друга» [61, с. 373]. «Толстой на всю жизнь сохранил самое высокое представление о нравственных и умственных качествах своего брата» [61, с. 374], как пишет Н.Н. Гусев, приводя множество высказываний о таланте и добродетелях Н.Н. Толстого, биограф выделяет слова самого Л. Толстого: «Мало того, что это один из лучших людей, которых я встречал в жизни, что он был брат, что с ним связаны лучшие воспоминания моей жизни, – это был лучший мой друг» [61, с. 374].

Внимание уделено и тяжелым переживаниям героя из-за смерти брата Дмитрия. Приводятся слова Л. Толстого: «Вы не можете себе представить, – писал он тетушке Пелагее Ильиничне на другой день по получении известия, – как для меня, именно для меня, тяжела эта утрата» [61, с. 21]. В справедливой интерпретации Н.Н. Гусева, это трагическое событие повлияло на жизнь и творчество писателя: «Всю жизнь помнил Толстой своего неудачника брата и его несчастную жизнь. Он увековечил его в “Анне Карениной” в образе Николая Левина, которому придал многие черты характера своего брата» [61, с. 21].

Традиционно большое внимание биограф уделяет педагогической деятельности писателя: Яснополянской школе, журналу «Ясная поляна», который существовал год и в котором отражены общие вопросы педагогики, проблемы народной школы и отношение крестьян к обучению. «Делу этому Толстой отдался с полным сознанием того, что оно имеет чрезвычайно

важное значение, что работа для просвещения народа есть главная обязанность интеллигентных людей», – пишет Н.Н. Гусев [61, с. 343].

Применительно ко второму тому нельзя не отметить, как детально и в то же время корректно, чего не скажешь о современных работах о Л. Толстом, рассказано об отношениях между Софьей Андреевной и Львом Николаевичем. Как и в работе П.И. Бирюкова, в труде Н.Н. Гусева активно цитируются дневниковые записи супругов. Читателю представлены и периоды абсолютной гармонии и счастья, и кризисные, сложные периоды семейной жизни.

Книга «Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1870 по 1881 год» увидела свет в 1963 году. Том включает 7 глав. Автор подчеркивает, что, «как и в предыдущих томах, в этом томе автор исходил из убеждения, что творчество каждого писателя есть неотъемлемая часть его биографии», поэтому биограф хочет показать «не только подробное описание всех значительных фактов жизни Л.Н. Толстого, но и освещение основных моментов творческой истории его произведений, а также последовательное изложение эволюции его мировоззрения» [62, с. 3]. Традиционно для биографий Л.Н. Толстого описывается создание важных трудов: «Азбуки», «Анны Карениной».

Особый, переломный этап жизни писателя, как показывает Н.Н. Гусев вслед за П.И. Бирюковым, приходится на конец 1870-х – начало 1880-х годов. Все авторы биографий о Л. Толстом рассказывают об этом важном периоде. Так, Н.Н. Гусев пишет: «Содержание и характер этого перелома в мировоззрении и жизни Толстого раскрыты им самим в последней части (эпilogе) “Анны Карениной” и в “Исповеди”. <...> Этому перелому предшествовало состояние глубокого пессимизма, полного неверия в жизнь и крайнего отчаяния» [62, с. 430]. «Напряженная работа мысли и душевные страдания приводили к болезненному состоянию и упадку сил» [62, с. 586].

В конце семидесятых годов Л. Толстой в своих духовных исканиях пришел к разрыву с учениями православной церкви. Последние месяцы 1880

года и первые месяцы 1881 он был занят работой над «Соединением и переводом четырех Евангелий». «И Толстой поставил перед собой задачу исследовать, где в преданиях об Иисусе заключается истина и где начинается ложь, искажающая смысл учения. С этой целью он решил изучить слово за словом все четыре Евангелия на греческом языке, на котором они дошли до нас, “обращаясь к этим книгам с самыми строгими разумными требованиями”» [62, с. 659].

Учитывая время написания труда, это скользкая тема, которую биограф освещает с достаточной корректностью и осторожностью, поскольку она явно расходится с основным идеологическим направлением эпохи. Однако Н.Н. Гусеву удается выразить то, что он считает нужным сказать. Помогает ему в этом традиционный для советского времени прием – обращение к цитированию трудов В.И. Ленина. Приведем примеры.

Н.Н. Гусев пишет, что в работе «Толстой и пролетарская борьба» В.И. Ленин отмечал следующие черты героя: «Толстой... с великой наглядностью разоблачал внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится современное общество: церковь, суд, милитаризм» [62, с. 503]. Биограф также приводит слова В.И. Ленина из статьи «Л.Н. Толстой и современное рабочее движение»: «По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России – он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и в своих последних произведениях обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь» [62, с. 539-540]. С этим высказыванием трудно не согласиться.

Том «Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1881 по 1885 год» вышел в 1970 году. Книга состоит из семи глав, в которых освещается важный период в жизни Л.Н. Толстого, новый виток в становлении его

мировоззрения после пережитого писателем в конце семидесятых годов девятнадцатого века идейного перелома. Духовному росту Л. Толстого посвящены главы, в которых подробно раскрывается работа писателя над такими литературными трудами, как «Исповедь», трактатами «В чем моя вера?», «Так что же нам делать?», а также другими публицистическими сочинениями. Вместе с тем открывается творческая история художественных работ Л. Толстого тех лет – первых народных рассказов «Чем люди живы», «Ильяс», «Где любовь, там и бог», «Два старика», «Свечка» и других, а также повестей «Холстомер» и «Смерть Ивана Ильича». В ряде глав описывается история взаимоотношений Толстого с его близкими, начало разлада в семье писателя, вызванного его новым миропониманием. Значительное место также уделено истории основания книгоиздательства «Посредник», сыгравшего большую роль в распространении сочинений Толстого.

Четвертый том содержит как подробное описание всех важных событий жизни Толстого, так и основные моменты творческой истории его трудов и последовательное изложение социальных, религиозно-нравственных, философских и эстетических идей писателя.

Как отмечено в предисловии редакторов о деятельности биографа, «вся его долгая и плодотворная жизнь – свыше шести десятилетий неутомимого труда – была отдана изучению и пропаганде наследия любимого писателя» [63, с. 3]. «Можно без преувеличения сказать, что по объему и широте привлеченного материала, по его новизне и строгой документации, по четкости и ясности изложения, биографический труд Н.Н. Гусева намного превосходит все ранее выходившие в нашей стране и за рубежом биографические труды о Толстом» [63, с. 4].

Несмотря на то, что Н.Н. Гусев создавал свой труд уже в советский период, идеология отразилась на работе незначительно. Конечно, мы видим периодическое обращение по ходу повествования к цитатам В.И. Ленина. Однако эти обращения носят скорее формальный характер, связанный с необходимостью, продиктованной эпохой.

На протяжении 25 лет Н.Н. Гусев работал над созданием биографии Толстого. Им было написано четыре обстоятельных тома, рассказывающих о жизненном пути писателя от рождения и до 1886 года. Четвертый том автор завершил за два месяца до своей смерти. «Материалы к биографии Л.Н. Толстого» позже были продолжены одной из его последовательниц, Л. Д. Опульской-Громовой, но остались законченными только на 1899 год. Получилось, что данная биография Л. Толстого так и осталась незавершённой.

Стоит отметить несомненно сильные стороны труда Н.Н. Гусева: «Исчерпывающее, поистине энциклопедическое знание материала позволило Н.Н. Гусеву не только обогатить и по-новому осветить факты из жизни Толстого, опровергнуть бытующие легенды и домыслы, но, порою, исправить и ошибки памяти самого Льва Николаевича, случавшиеся иногда в поздний период его жизни. Всеми признано, что в этих книгах дан наиболее полный и наиболее точный свод биографических сведений о Толстом, мимо которых не пройдет ни один исследователь жизни и творчества писателя. Недаром этот труд был удостоен высокой премии Академии наук СССР. Это же можно сказать и о двухтомной “Летописи жизни и творчества Л.Н. Толстого” – она стала настольной книгой всех толстоведов» [63, с. 4].

Итак, уже при жизни Л. Толстого определяются основные тенденции, которым будут следовать биографы и в дальнейшем. Первая и основная тенденция обозначена П.И. Бирюковым и Н.Н. Гусевым. Это вдумчивое изложение основных обстоятельств жизни героя, подкрепленное документальными источниками, впервые вводящимися в литературный и литературоведческий обиход. Художественные произведения, созданные автором-героем, гармонично включаются в жизнеописание, обращение к ним вполне мотивировано. Н.Н. Гусев чаще П.И. Бирюкова обращается к творчеству Л. Толстого, при этом предостерегая от опасности

необъективного отождествления писателя с его персонажами. Кроме того, оба биографа предельно уважительно относятся к Л. Толстому, осознавая его величие. Это осознание поддержано личными близкими отношениями с писателем. Труд П.И. Бирюкова одобрен самим Л. Толстым. Н.Н. Гусев работает у Л. Толстого, ежедневно общается с ним. Это крайне важное обстоятельство, которое нельзя сбрасывать со счетов. Биография, созданная П.И. Бирюковым, свободна от идеологического ключа. В биографии, написанной Н.Н. Гусевым, уже дает о себе знать советская идеология. Появляются ссылки на высказывания В.И. Ленина – необходимость, позволяющая опубликовать столь важный труд.

Классовый подход особенно наглядно проявляется в труде Е.А. Соловьева, который из-за этого никак нельзя пропустить. Эта биография как будто открывает дорогу текстам о Л. Толстом, написанным в советский период. Л. Толстой – на стороне народа, он чувствует вину за свое дворянское происхождение. Вершины русской литературы, в том числе и «Война и мир», созданы лишь благодаря тому, что за писателя трудится народ. Вере Л. Толстого в Бога находится оправдание – она основана на любви к человеку и обращена в социальную сферу. Этим оправданием затем воспользуются и советские авторы.

Теперь о тексте Д.С. Мережковского. Автор книги «Л. Толстой и Достоевский» сосредоточен на духовной стороне жизни писателя, а внешнее служит подспорьем к ней. Главное, что Д.С. Мережковский создает собственный миф о Л. Толстом, вписывая великого художника в мир своих образно-философских построений и концепций.

И, наконец, тенденция, обозначенная Г.И. Лебедевым. Главное в ней – витиеватый стиль, поддерживающий восхищение великой фигурой. Восторг – это пафос биографии, написанной Лебедевым, превращающейся практически в оду. Как в одах Ломоносова воспевается Елизавета Петровна, так и Г.И. Лебедев воспекает Л. Толстого.

ГЛАВА 2. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИДЕОЛОГИИ: СОВЕТСКИЕ БИОГРАФЫ О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ

В этой главе представлен анализ биографий Л. Толстого, написанных в советский период. Как на предыдущем этапе выделяются биографии, созданные П.И. Бирюковым и Н.Н. Гусевым, так и здесь есть два блестящих труда, принадлежащих перу Б.М. Эйхенбаума и В.Б. Шкловского. Оба автора связаны с формальной школой литературоведения, оба – выдающиеся ученые, поэтому их биографические труды о Л. Толстом несут на себе несомненный отпечаток тех идей и теорий, которым они следовали в своей научной деятельности.

Открывает раздел анализ работ Б.М. Эйхенбаума о Л. Толстом. Как и в случае с Д.С. Мережковским, это не вполне биографии, но биографический уклон, о котором говорит сам автор, очевиден. Однако если Д.С. Мережковский творит собственный миф о Л. Толстом и столь же «мифологическим» образом исследует его произведения, то подход Б.М. Эйхенбаума носит строго научный характер. Ученым выстраивается обширный общественный и политический контекст деятельности писателя, даются иногда неожиданные, но всегда закономерно необходимые отступления, касающиеся чрезвычайно острых вопросов народного просвещения, народного здравоохранения, ведения дворянского и крестьянского хозяйства, отмены крепостного права, политики видных журналов и других не менее насущных для толстовской эпохи тем. Биографические, бытовые подробности проникают в творчество, и напротив – творчество проясняет биографию. Б.М. Эйхенбаум проявляет себя и как блестящий толстовед – большинство его идей относительно творчества Л. Толстого востребовано и современными учеными.

Далее – анализ работы «Лев Толстой» В.Б. Шкловского. Многие исследователи отмечают, что эта книга напоминает роман, в первую очередь,

по стилю изложения материала и представляет собой монументальный труд о Л. Толстом. Задача искусства, и в первую очередь литературы, для В.Б. Шкловского – «снять границу между живым и мертвым, цивилизацией и природой», «победить смерть» [170]: «...искусство ... протаптывает тропы, по которым когда-нибудь пойдет человечество» [218, с. 92]. В.Б. Шкловскому важна эпистемологическая задача искусства, по его образному высказыванию, «писатель сюжетом промывает мир», который «как бы запутывается, запыливается», а «писатель сюжетом протирает зеркало сознания» [218, с. 29]. Таким писателем для него является Л. Толстой. Значит, нужно не просто разгадать тайну его гения – эта тайна поможет человечеству отыскать нужные дороги на пути своего развития. И не только человечеству, но и отдельному человеку. Если прошлое встраивается в настоящее, то книга способна воскресить Л. Толстого, который прояснит грядущее своим потомкам. Вот такая колоссальная задача стоит перед В.Б. Шкловским в момент создания книги о Толстом.

И, наконец, завершает главу параграф, объединяющий биографии Л.Н. Толстого советского периода разных авторов: А.И. Поповкина, Н.К. Гудзия и других, чьи тексты пишутся по советскому шаблону. Отличительной чертой этих работ является идеологически окрашенная трактовка значимых событий жизни героя или его идей. Книга А.И. Поповкина предназначена для массового читателя, в первую очередь для советских школьников, изучавших жизнь и творчество Л. Толстого. Автор не ставил перед собой задачи опубликовать новые, ранее неизвестные факты его жизни. Задача А.И. Поповкина – представить то, что уже известно о Л. Толстом, в контексте марксистско-ленинской идеологии. Н.К. Гудзий в биографическом очерке уделяет внимание не столько событиям жизни героя, сколько его творческой судьбе. Цитируя В.И. Ленина на протяжении всей работы, он тем самым подтверждает связь идей Л. Толстого с советской идеологией.

2.1. Личность в контексте эпохи: труды Б.М. Эйхенбаума о Л.Н. Толстом

На протяжении сорока лет Б.М. Эйхенбаум занимался изучением жизни и творчества Л. Толстого. Его исследование можно считать одной из фундаментальных попыток понять тайну гения писателя, постичь его идеи.

Крупнейшие работы Б.М. Эйхенбаума, посвященные Л. Толстому, («Молодой Толстой» (1922 г.), «Лев Толстой. Книга 1: 50-е годы» (1928 г.), «Лев Толстой. Книга 2: 60-е годы» (1931 г.), «Лев Толстой. Книга 1: 70-е годы» (1960 г.)) представляют собой систематическое исследование творческой биографии писателя. Однако Б.М. Эйхенбаума интересует не только творческая «кухня», «лаборатория» Толстого, в основе которой лежат самонаблюдение и самоанализ, но и его реальная биография, ее фактографическая основа. Мы уже имели возможность показать, как биографы истолковывают события духовной жизни Л. Толстого (да и бытовой в том числе) через обращение к его произведениям. Здесь мы сталкиваемся с иной ситуацией – Б.М. Эйхенбаум демонстрирует, как биографические обстоятельства, в том числе бытовые, идеологические, преломляются в творчестве писателя, влияют на формирование его художественного метода и, в конечном счете, становятся художественными реалиями его текстов.

Без обращения к книгам Б.М. Эйхенбаума наше исследование утратило бы важную главу – эти труды представляют особую ценность не только для истории литературы и толстоведения, но и, если так можно выразиться, для «биографоведения». В данном параграфе мы обратим внимание на то, что отвечает цели и задачам исследования, – на рецепцию личности Л. Толстого и на интерпретацию событий его жизни. Литературоведческая ценность исследований Б.М. Эйхенбаума останется вне наших компетенций: с этой

точки зрения о книгах ученого написано немало работ, в числе которых: В.Б. Шкловский [217], Л.Я. Гинзбург [50], Г.М. Бялый [36], Е.А. Маймин [111], М.О. Чудакова [209], Е.А. Тоддес [182].

С середины 1918 и до начала 1919 года Б.М. Эйхенбаум готовит статью, ставшую вступлением к автобиографической трилогии Л. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». Книга со статьей Б.М. Эйхенбаума выходит в 1922 году и связывает его с Толстым на сорок лет.

В 1922 году появляется работа «Молодой Толстой», где анализируется раннее творчество писателя. Исследование поэтики Л. Толстого проводилось посредством нового для литературоведения того времени формального, или, как называет его Б.М. Эйхенбаум, морфологического метода. Автор постоянно напоминает читателю основной тезис формального метода: даже самые откровенные признания Л. Толстого – это, в первую очередь, литература, а не отражение реальных чувств. Однако «Молодой Толстой» был незаслуженно раскритикован Ю.Н. Тыняновым и В.Б. Шкловским, которым не хватило в книге аналитичности. Рецензенты также не оценили оригинальность и глубину работы. При этом В.Б. Шкловский, который также писал о Л. Толстом, ставит Б.М. Эйхенбауму в вину то, за что его, на самом деле, следовало хвалить: «Так хорошо писать не умеет у нас никто, но в этой статье не видны следы инструмента, она непроверяема, в ней нет сопротивления материала и она значит то, что значит, не давая вращения мысли...» [16].

В 1927 году вышла статья Б.М. Эйхенбаума «Литературный быт», в которой автор писал, что литература обращается не только к творчеству писателя, но и к его жизни. Субъектом литературного быта, по мнению Б.М. Эйхенбаума, является целое литературное поколение, то есть объединение людей, работающих в одной социальной среде: «Литература, как и любой другой специфический ряд явлений, не порождается фактами других рядов и потому не сводима на них. Отношения между фактами литературного ряда и фактами, лежащими вне его, не могут быть просто

причинными, а могут быть только отношениями соответствия, взаимодействия, зависимости или обусловленности» [224, с. 433].

В предисловии к книге «Лев Толстой. Книга 1: 50-е годы» автор пишет, что в ней есть так называемый «биографический уклон», которого не было в «Молодом Толстом»; «это сделано не только сознательно, но принципиально, – и потому требует объяснения» [219, с. 5]. Б.М. Эйхенбаум сам указывает на своеобразие своей работы, на отличительные черты и особенности изложения материала. «“Литературный быт” частично привел меня, – пишет он, – к изучению биографического материала, но под знаком не “жизни” вообще (“жизнь и творчество”), а исторической судьбы, исторического поведения» [219, с. 6]. Таким образом, биографический «уклон» выступает в качестве борьбы с «беспринципным и безразличным биографизмом», не решающим реальных исторических проблем [219, с. 6]. «Эйхенбаум соединяет реалии и детали из разных сфер, достраивая невидимые звенья своими аналитическими выкладками» [16]. Ученый чувствует необходимость в более детальном изучении исторического процесса, поиске нового материала. Этот метод исследования современности при помощи анализа прошлого кажется ученому важным, потому что открывает факты жизни в новом свете. Изучение «литературного факта» и «литературного быта» помогает понять литературу в ее своеобразном социальном явлении, то есть в ее уникальности.

«Лев Толстой. Книга 1: 50-е годы» включает в себя три части, каждая из которых состоит из пяти глав. Автор произведения в предисловии дает развернутую характеристику своего труда. Исследователь изначально собирался написать книгу, охватывающую всю деятельность Л. Толстого, – «сжато, тезисно, без демонстрации материала». Однако «материал так развернулся, а тезисы так осложнились», что Б.М. Эйхенбаум отступил от своего первоначального плана и решил закончить первый том на «Войне и мире», а остальному посвятить второй том [219, с. 3-4]. Но вокруг романа-эпопеи собрался такой колоссальный и никем не изученный материал, что

биограф сделал «своего рода “открытия”», о которых «предварительно сообщает в последней главе» [219, с. 3-4].

На своеобразии и масштабности подхода исследователя указывает Г.А. Бялый во вступительной статье к третьей книге Б.М. Эйхенбаума о жизни Л. Толстого: фигура великого писателя рассматривается автором «на широком общественно-историческом фоне, в связи с журнальной борьбой, литературными спорами эпохи, в связи с биографией писателя» [221, с. 3]. «Для настоящей литературной биографии необходимо описать творчество через жизнь и жизнь через творчество» – такой подход к биографии Л. Толстого и применяет впервые Б.М. Эйхенбаум [198, с. 8].

В первом томе Б.М. Эйхенбаум, как и его предшественники, рассказывает о семье Л. Толстого, о событиях, последовавших за смертью родителей, о детских и юношеских годах писателя, о жизни в Казани. Первая глава заканчивается отъездом Л. Толстого на Кавказ. Удивительно, но в некоторых главах Л. Толстой и вовсе отсутствует – «так, как в романах автор иногда покидает своего героя, чтобы развернуть боковой материал» [219, с. 6]. Б.М. Эйхенбаум акцентирует внимание на отзывах критиков – современников Толстого, других писателей, литературных деятелей, на исторической и литературной ситуации разных периодов. Спустя несколько глав (во второй главе второй части) биограф возвращается к описанию важных событий жизни героя и рассказывает о его службе в Севастополе. В третьей части второй главы описана первая заграничная поездка писателя. В четвертой – семейное счастье Л. Толстого. Первая книга завершается рассказом о второй заграничной поездке героя повествования.

Во втором томе биографического труда «Лев Толстой. Книга 2: 60-е годы» описывается эпоха, которую автор называет «сложной, бурной и малоизученной», поэтому биографу, как он замечает, нужно делать специальные экскурсии, освещающие как саму эпоху, так и положение в ней писателя [220, с. 3].

Б.М. Эйхенбаум в работе над биографией Л. Толстого считает важным поставить вопрос о его «позиции» и «об ее изменениях» [220, с. 3]. Автор описывает ситуацию, сложившуюся в шестидесятые годы, когда происходило усиление разделения общественных сил и, как следствие, создание партий и группировок, которые вели между собой идеологическую борьбу. Л. Толстой в тот момент оказывался вне партий и групп – со своей личной моралистической позицией, которая противопоставлена всем другим. Б.М. Эйхенбаум характеризует ее как «позицию социального архаиста», при этом замечая, что она «способна к гораздо большей подвижности и изменчивости, чем всякая другая» [220, с. 14]. Эта подвижность и изменчивость самого Л. Толстого, близкая к созданному им методу «диалектики души», становится в трудах Б.М. Эйхенбаума отличительной чертой мировосприятия писателя: «...при желании любая система может найти у Толстого, как находил Михайловский, подходящие “шуйцу” и “десницу”» [220, с. 15].

Столь же своеобразно решается Б.М. Эйхенбаумом и важный для Л. Толстого вопрос о народном образовании. Он вписывается в общественную ситуацию середины XIX века. Л. Толстой и здесь оказывается со своей собственной системой ценностей. Пока многие общественные деятели связывали решение вопроса о народном образовании с общей системой исторических или социальных теорий, Л. Толстой просто стал народным учителем, он сам обратился к практической деятельности, «как бы не желая участвовать в словесном препирательстве, как бы желая именно этой деятельностью выяснить свое личное воззрение на современную задачу общественного деятеля и на его отношение к новым требованиям жизни» [220, с. 47–48]. Школа для Л. Толстого была не столько общественным, сколько личным делом, школа давала ему новый опыт для раскрытия себя и, как писал он сам, «формировала» его [220, с. 112]. Позже, вернувшись к литературной деятельности, писатель держится в стороне от журналов и критиков: «Между современной литературой и собой он провел черту, и если

он продолжает работать и даже иногда печатается, то с тем, чтобы подчеркнуть свою независимость, свою далекость от мира литературы и критики» [220, с. 123].

Уже в предисловии ученый определяет тему, главенствующую в этом томе: «Я проследил историю работы Толстого над “Войной и миром” в связи с постепенным изменением жанра романа и его смысловых тенденций» [220, с. 3]. Он дает подробный и интересный анализ истории создания и последующего обсуждения в литературных кругах этого романа.

Значительная часть второго тома биографии направлена на рассмотрение «западных связей» Л. Толстого. В книге «обследованы отношения Толстого к немецкому литературному народничеству (Риль, Ауербах, Готхельф), развернут вопрос о Прудоне, обнаружена связь с Ж. де-Местром и пр.» [220, с. 3].

Любая деятельность писателя интерпретируется Б.М. Эйхенбаумом «с точки зрения писательской стратегии»: преподавание Л. Толстого в школе, создание пасеки, женитьба, – все работает во-первых, на «положение внутри общекультурной иерархии», а, во-вторых, дает «дополнительные поводы» для «самонаблюдения, чтобы было чем затем заполнять сюжеты» [17].

Б.М. Эйхенбаум акцентирует внимание на консерватизме Л. Толстого, который все больше погружается в своих интересах в историческое пространство и отдаляется от идей прогресса. Его мысли и идеи устремляются сначала к Петровским временам, потом к декабристскому восстанию, а выливаются в роман-эпопею «Война и мир».

У третьей книги, посвященной биографии писателя, – «Лев Толстой. Книга 3: 70-е годы» была непростая судьба. Законченная еще в тридцатые годы, она увидела свет лишь в 1960 году уже после смерти автора. Причиной тому была Великая Отечественная война: третий том был уничтожен во время бомбардировок осажденного Ленинграда. После войны Б.М. Эйхенбауму пришлось восстанавливать свой труд.

Работа включает в себя три части, каждая из которых делится на четыре главы. Здесь читателю представлено время после написания романа-эпопеи «Война и мир» и до конца семидесятых годов. Как и в предыдущих томах, события жизни показаны избирательно, большее внимание уделено не личной жизни Л. Толстого, а творческой, общественной. Принцип осмысления жизни и творчества писателя в книге представлен в широком контексте всего, чем жили люди его эпохи, – этот принцип в работе «Лев Толстой. Семидесятые годы» выразился с особенной наглядностью и полнотой.

Отметим особенность книг Б.М. Эйхенбаума: Л. Толстой и в пятидесятые, и в шестидесятые, и в семидесятые годы проходит повторяющийся «сюжетный круг»: «сначала он уходит из литературы, погружаясь в бытовую текучку (переезжает в Ясную Поляну, женится, открывает школу), затем, под влиянием общественных дискуссий и прочитанных книг, копит силы для подвига, который, в свою живую очередь, занимает вторую часть той или иной книги» [17]. В 1850-е годы «подвигом» становится выбор литературы как поля для своей деятельности, его успехи в художественных сочинениях и работа в «Современнике». В 1860-е годы в качестве «подвига» можно рассматривать роман-эпопею «Война и мир», в 1870-е – роман «Анна Каренина». Получается, что каждый раз после какой-либо масштабной работы Л. Толстой оказывается на пороге кризиса, в очередной раз уходя от литературы к «домашним делам», чтобы в дальнейшем вновь совершить «очередной подвиг или же радикальный поворот» [17].

Задумывался также и четвертый том о Л. Толстом, в котором должны были быть раскрыты истоки духовного кризиса восьмидесятых годов. Детальное изучение этого периода привело автора к следующей мысли: «Эволюция Толстого заключена в неразрывной связи его духовных исканий на всех этапах его жизненной борьбы с освободительным движением России – дворянским и разночинским, с декабристами и Герценом, с

Белинским и Чернышевским, с петрашевцами, с европейскими и русскими течениями утопического социализма» [221, с. 4]. Для раскрытия этой мысли Б.М. Эйхенбауму нужно было включить идеи и творчество великого мыслителя в контекст эпохи, а также вернуться к ранее изученному материалу и пересмотреть его. К сожалению, смерть автора не дала довести работу до конца.

К моменту создания последней книги Б.М. Эйхенбаума о Л. Толстом прошло более полувека с того дня, как писатель покинул Ясную Поляну. Открылись новые материалы, появилась обширная библиография о сочинениях Л. Толстого. Все это заставило иначе взглянуть на его фигуру и историю жизни; что отмечает и сам Б.М. Эйхенбаум: «В нашей области открытия возможны потому, что современники многого не знают и о многом забывают. Им некогда, потому что они делают современность, а историк узнает прошлое детальнее и полнее, чем отдельные» его свидетели [219, с. 4].

Чуткий слух Б.М. Эйхенбаума уловил посыл эпохи – изобразить великую личность в контексте исторических событий, исследователь гениально справился с поставленной задачей. «Литературная позиция и самая судьба Толстого, всю жизнь боровшегося с литературно-бытовым укладом своего времени, должна предстать в новом свете, если использовать биографический материал для разрешения определенных проблем (например, история писания “Казачков” на фоне литературного соперничества с братом Николаем)», – писал Б.М. Эйхенбаум [219, с. 6]. И многие проблемы были действительно разрешены: была освещена история создания произведений Л. Толстого, были пересмотрены и подвергнуты тщательному анализу его контакты и взаимоотношения с современниками, с редакциями периодических изданий, исследованы дружеские и творческие пересечения с писателями, например, с А.А. Фетом, что дало возможность с нового ракурса взглянуть на произведения самого Л. Толстого. Главное, что личность гения была вписана в его эпоху, в общественно-политическую ситуацию. Прекрасный биографический материал у Б.М. Эйхенбаума перемежается с

блестящим исследовательским материалом. Впервые столь талантливо с научной точки зрения были освещены искания Л. Толстого – человеческие, бытийные, нравственные и художественные. В книге Б.М. Эйхенбаума воплотился один из герменевтических принципов конгениальности: гениальный писатель нашел своего гениального исследователя.

2.2. Фигура писателя как объект исследования в биографии

«Лев Толстой» В.Б. Шкловского

В начале XX века сложилась ситуация, когда академические школы литературоведения оказались в политической оппозиции к новой власти. В связи с этим появились новые молодые силы – «формалисты», «опоязовцы» (по названию ОПОЯЗ). «Формальная школа литературоведения дала «наиболее оригинальный и талантливый ответ» на «пертурбации истории, выразившиеся в войнах и революциях начала XX века» [170]. Одним из ее «наиболее ярких вождей» стал В.Б. Шкловский [170]. Спустя почти десятилетие после ликвидации ОПОЯЗа (1924 г.) он погрузился в сферу исторической беллетристики и биографической литературы.

В.Б. Шкловский создает исторические повествования-исследования о писателях XVIII и начала XIX века. Позднее он публикует «монументальную и достаточно вызывающую с официальной точки зрения популярную биографию Льва Толстого и серию мемуарных книг, в которых подводит итоги своей деятельности и сводит счёты с ушедшими и всё ещё живыми современниками» [170]. В 1959 году в журнале «Знамя» появляется статья, автор которой заявляет, что видит необходимость в новом подходе к написанию биографии. В.Б. Шкловский отмечает, что нужно «создавать биографию, исследуя события, а не беллетризируя их» [214, с. 221].

Уже в 1963 году в «ЖЗЛ» вышла новая научно-художественная биография Л. Толстого. Это было исследование жизни писателя,

соединяющее в себе, с одной стороны, факты жизни Толстого, с другой – оригинальную, свободную манеру изложения событий.

Введенное В.Б. Шкловским понятие «остранения» (неожиданного нового взгляда на то, что уже стало привычным) помогло ему «открыть определяющие сознание героя “узловые точки” творчества», когда автор «вымышляет образ, исследуя его через события», – так сам Шкловский «вымышлял своего Толстого, опираясь на невыдуманые факты его жизни» [85, с. 210].

Биография «Лев Толстой» состоит из пяти частей. В книге достаточно большое количество фотографий Л. Толстого, его окружения, семьи, друзей. Встречаются также изображения отрывков рукописи великого писателя. В конце книги автор приводит краткую хронологическую канву жизни и творчества Л. Толстого и внушительную по объему библиографию, включающую сочинения писателя, материалы, воспоминания и литературу о нем.

Эпиграфом к книге В.Б. Шкловский берет цитату из воспоминаний М. Горького «В. И. Ленин»:

«– Какая глыба, а? Какой матерый человецище! Вот это, батенька, художник... И – знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазками, спросил:

– Кого в Европе можно поставить рядом с ним? Сам себе ответил:

– Некого» [215, с. 5].

Думается, эта цитата не только дань эпохе, но и отражение представлений автора о герое его биографии. Хотя без упоминания статей В.И. Ленина о Л. Толстом В.Б. Шкловский тоже обойтись не мог.

В предисловии к книге автор рассуждает о том, что о жизни Л.Н. Толстого известно уже достаточно много: открыт архив его дневников, писем, издан ряд воспоминаний. Но, несмотря на это, «нет связной биографии» писателя, ведь «последний, четвертый том биографии,

составленный П.И. Бирюковым, вышел в 1923 году, то есть сорок лет тому назад» [215, с. 5]. Как пишет В.Б. Шкловский, «старые биографии были созданы людьми, непосредственно знавшими Льва Николаевича, но не располагавшими тем материалом», который есть у него самого сейчас [215, с. 5]. Более того, «составители биографий были людьми, считавшими себя учениками Толстого, рассматривавшими его жизнь как постепенное восхождение великого писателя в деле богопонимания, или же либералами, которые заменяли анализ пышными разговорами и пытались замазать противоречия, которые так много определяли в жизни Толстого» [215, с. 5]. На этих противоречиях автор заостряет особое внимание. По его мнению, «в художественных произведениях и в статьях Толстой всегда один», «но этот один человек сам внутренне противоречив, как противоречивы люди на стыке великих эпох» [215, с. 6].

Биограф замечает, что изучение дневников Л. Толстого, воспоминаний современников «неволью привели» его к «свободной манере изложения» [215, с. 6]. Однако он подчеркивает, что такая манера передачи информации никак не сказалась на достоверности фактов и, насколько это возможно, объективности автора.

В.Б. Шкловский указывает на труды предшественников – работы Н.Н. Гусева и Б.М. Эйхенбаума, особенно заключительный том книги «Лев Толстой» и статью «О взглядах Ленина на историческое значение Толстого». Автор также обращается к статьям создателей Юбилейного издания, в частности, к статьям Н. К. Гудзия.

Многие литературоведы отмечали, что работа В.Б. Шкловского представляет собой, скорее, не биографическое исследование, а роман. Так, В. Березин отмечает, что «биография Толстого писалась по-настоящему – как говорится, “собой”» [28, с. 395]. Книга «написана как роман и, по сути, романом является» [28, с. 395]. Эту биографию относят к жанру романа ещё и потому, что «Шкловский пишет её через детали быта» [28, с. 395]. Так, например, «он рассказывает, что во время голода Толстой придумал печь

хлеб по особой рецептуре – добавлять в него патоку. Хлеб становился более сытным, и патока позволяла экономить муку. Из этого получился хлеб, который теперь называют “Бородинским”» [28, с. 395].

Первая глава – подробное изображение дома Л. Толстого, даже его дивана, на котором некогда родились сам писатель, его братья и многие дети. Автор удивительным образом описывает дух, атмосферу этого места, как бы показывает читателю «корни» Л. Толстого. Однако подчеркивает, что Л. Толстой не был привязан к материальным ценностям, хотя и дорожил, например, тем самым диваном, потому что «он должен был быть плотом, на котором от рождения до смерти» тот «хотел плыть через жизнь» [215, с. 8]. Все комнаты, которые «показываются» читателю, – это «грустные комнаты» [215, с. 9]. То, что связано с домом в повествовании, соотносится с образом Софьи Андреевны Толстой. Она стала для мужа «послом от действительности», именно она «напоминала о том, что дети должны жить, “как все”, нужно иметь деньги, надо выдавать дочерей замуж, надо, чтобы сыновья кончили гимназии и университет», «она была представительницей тогдашнего здравого смысла, средоточием предрассудков времени, была она и такой, какой ее создал Толстой, старше ее на шестнадцать лет» [215, с. 10]. Она его любила «горестно, завистливо и тщеславно», и в «ней Толстой воспитал много своих недостатков, отдав их ей, как передают ключи» [215, с. 10]. Столь талантливо и в то же время корректно взаимоотношения писателя с женой до В.Б. Шкловского не описывал никто.

С Л. Толстым, как можно заметить, автор связывает местность вокруг дома – природу. Все, что живет, меняется, дышит, близко ему. Любимое сердцу место – скамейка из березовых жердочек на краю посадок. Здесь писатель в последний год жизни любил наблюдать за муравьями.

Так начинается биографию Л. Толстого В.Б. Шкловский. Удивительно, но, прочитав эти главы, приближаешься к пониманию того, чем жил гений, в чем таилась его семейное счастье и семейная драма. Метод В.Б. Шкловского – «герой – через детали быта» – работает. Читатель

проникается особой атмосферой дома Л. Толстого, затем начинает изучать собственно биографические главы.

По уже сложившейся традиции, В.Б. Шкловский представляет читателю детские и юношеские годы героя через воспоминания, дневниковые записи, чтобы достоверно описать быт и настроения того периода. Биограф отмечает, что «когда пишешь биографию, то трудно в жизни писателя отделить то, что было в таком-то году, от того, как это бывшее было понято через много лет» [215, с. 51].

Начальному периоду жизни Л. Толстого особое внимание уделили авторы всех его биографий. В.Б. Шкловский, обращаясь к труду своего предшественника, объясняет своеобразие воспоминаний писателя о детстве: «Толстой вернулся к своему детству уже стариком, в 1903 году, просматривая биографию, написанную Бирюковым. Новое его описание названо “Воспоминания”. Они относятся только к нему, но связаны они с новой историей Толстого. Он смотрит, оглядываясь, говорит со стариком о мальчишке, отдыхает в своем детстве и тут же на полях пишет свои возражения, спорит сам с собой, вспоминает живое ощущение, изменяет оценки» [215, с. 52].

Беря за основу воспоминания Л. Толстого из работы П.И. Бирюкова, В.Б. Шкловский выстраивает их в хронологически правильном порядке, иллюстрируя ими факты жизни героя. В.Б. Шкловский описывает переживания Л. Толстого, его эмоциональную жизнь, соотнося их с процессом творчества. Этого как раз и не делает П.И. Бирюков.

В.Б. Шкловский замечает, что Л. Толстой «пишет о себе тогда, когда собой недоволен», а «его дневники – записи неудач, ошибок, неловких положений» [215, с. 104], поэтому о «Льве Николаевиче нельзя судить по его дневникам, хотя они правдивы, наименее надо верить отметкам, которые ставит себе он сам и его раскаяние. Не надо верить слепо толстовским записям, потому что в молодости он пишет только тенями, обозначая свой путь; удачи только просвечивают, как просвечивает сильно поставленная

точка, когда машинка пробила бумагу при быстром печатании [215, с. 109]. Биограф считает, что именно «в процессе напряженного самоанализа зреет талант будущего писателя» [215, с. 87]. Автор пишет: «Я в книге этого не решу, могу показать только, что часть этой непостижимости преодолена невероятным, ежедневным, малораскрытым, хотя и отмеченным в дневниках, ежедневным трудом [215, с. 87]. Акцент на самоанализе Л. Толстого, сделанный В.Б. Шкловским, соответствует этому же акценту в трудах Б.М. Эйхенбаума. Это то новое, что советские ученые внесли в трактовку личности Л. Толстого.

Далее автор показывает мир Л. Толстого, анализируя произведения, приводя в пример творчество других мыслителей, писателей, которые оказали на него влияние. Сам Л. Толстой говорил, что «произведения больше открывают писателя, чем дневники», ведь «произведения открывают цель человека» [215, с. 259]. Так, например, вторая часть книги открывается главой «Детство» (как название одной из частей трилогии). Биограф рассказывает о задумке Л. Толстого написать роман «Четыре эпохи развития»: «Роман должен был иметь моральный сюжет. Счастье – это добродетель, юность рождает ошибки, исправление их – счастье. В качестве побочных тем (мыслей) чувства делились на добрые и злые. Добрые: добродетель, дружба, любовь к искусству; злые: тщеславие, корысть, страсти; страсти подразделялись так: женщины, карты и вино» [215, с. 91]. Так Л. Толстой, с точки зрения В.Б. Шкловского, пытается «выяснить судьбу поколения», понять, почему «хорошие люди несчастны». «А для того чтобы судьбу этих людей понять, – продолжает автор, – надо было уйти в себя, произвести опыт необычайной силы» [215, с. 190-191].

В.Б. Шкловский, как и Б.М. Эйхенбаум, увидел, как Л. Толстой « всю жизнь занимался анализами и мир анализировал через себя». Л. Толстой – «человек, необыкновенно затрудняющий свою жизнь» [215, с. 86]. Толстовская рефлексия выдвигается на первый план и акцентируется значительно сильнее, чем в биографиях П.И. Бирюкова и Н.Н. Гусева.

И отсюда проистекает оригинальность биографии, созданной В.Б. Шкловским. Он вписывается в своего героя «до состояний мистических» [28, с. 397]. Л. Толстой превращается для него в близкого человека, завладевает его воображением. Пример тому – острое сочувствие, которое В.Б. Шкловский испытывает к умирающему Л. Толстому: «Серафима Густавовна рассказывала о том, как Шкловский описывал смерть Толстого: “Витя появляется – весь в слезах, всхлипывает, шмыгает носом... – Что случилось?!”

– Толстого жалко... умирает...”» [28, с. 396].

Рассказывая о Л. Толстом, биограф говорит не только о герое, но и «через него» о себе, вместе с тем рефлексирюя и о своем поколении [215, с. 190].

Для В.Б. Шкловского творчество является ключом к пониманию судьбы Л. Толстого, как и судьбы любого великого писателя: «Я составляю, как умею, жизнь Толстого – по письмам, дневникам и произведениям. Сам Лев Николаевич говорил, что произведения больше открывают писателя, чем дневники. Произведения открывают цель человека. Но биографические факты тоже нужны, они уточняют записи, регистрируют отношения и кладут жизнь человека на карту его времени, говоря о том, что было у человека его личное, а что в нем общее, но им самим пережитое» [215, с. 259]. С одной стороны, объяснить Л. Толстого через его произведения пытались и Е.А. Соловьев, и Н.Н. Гусев. Но, с другой стороны, именно у В.Б. Шкловского это вышло по-человечески убедительно, художественно убедительно. Нельзя забывать, что эта биография написана ученым-исследователем, понимающим и оценивающим те механизмы, которые движут художественными мирами: «Мир искусства сложно повторяет мир действительности. Законы искусства, при свободе его форм, определены историей, не только ее выражают, но и помогают ее разгадать. Помогают разгадать историю человеческой души. Поэтому они переживают не только человека, который написал произведение, а иногда переживают социальные

эпохи, крушение цивилизаций, смену населений на материках и гибель Атлантиды» [215, с. 192].

Для В.Б. Шкловского, как и для его предшественников, Л. Толстой, безусловно, гениален. Эта убежденность вырастает в воспитательную тенденцию, очевидную в биографии, созданной В.Б. Шкловским. Следуя за тенденцией серии «ЖЗЛ» того периода, В.Б. Шкловский дает читателям идеологическую и мифотворческую установки. «Прошлое сближается с настоящим», оказываясь актуальным. Герой биографии становится невольным борцом за «светлое» будущее [85, с. 205]. Персонаж биографии влияет на массы своим безусловным авторитетом.

2.3. «Советская» интерпретация биографии

Л.Н. Толстого: А.И. Поповкин, Н.К. Гудзий и другие

Отдельную главу в истории биографий Л. Толстого составляют шаблонные биографии советского периода. Все они имеют в качестве предшествующего образца биографию, написанную Е.А. Соловьевым. Главным у Е.А. Соловьева оказался «сословный» подход. В условиях торжества марксистско-ленинской идеологии необходимо было создавать образцовые биографии выдающихся писателей, которые предназначались в основном для школьников, изучающих их творчество в необходимом ключе. Из биографии Л. Толстого необходимо было устранить все, что не соответствовало его образу «зеркала русской революции». Безжалостно переиначивались религиозные воззрения писателя, иначе трактовался его перелом, связанный с верой. Проще всего об этом было не говорить вовсе. Акцентировались, как у Е.А. Соловьева, связь Л. Толстого с народом и осознание классового долга перед ним.

Одной из наиболее известных работ советского периода, посвященной жизни Л. Толстого, является книга «Л. Н. Толстой. Биография: Пособие для

учащихся» 1958 года А.И. Поповкина. Автором книги отмечается, что данное научно-художественное исследование создано специально для школьников.

Подобно Е.А. Соловьеву, А.А. Поповкин интерпретирует идеи Л. Толстого с точки зрения «сословного» подхода. На протяжении всей книги ее автор обращается к авторитету В.И. Ленина, тем самым подтверждая соотнесение идей мыслителя и марксистско-ленинской теории.

Биография, написанная А.И. Поповкиным, состоит из восемнадцати глав, в которых достаточно подробно описаны события жизни писателя. Материал, представленный автором, не оригинален. Перед читателем разворачиваются события, описанные всеми предыдущими биографами Л. Толстого. Названия глав отражают их содержание, читатель понимает, о каком периоде жизни писателя далее пойдет речь:

1. Предки Л. Н. Толстого
2. Детство и отрочество писателя
3. Юность писателя. В Казани
4. Толстой – молодой хозяин
5. Толстой в Петербурге
6. На Кавказе
7. Первые произведения
8. Толстой в Крыму. Оборона Севастополя
9. В кругу «Современника»
10. Снова в Ясной Поляне
11. В чужие края
12. Л. Н. Толстой – учитель. Яснополянская школа
13. Жизнь писателя в 60-е годы
14. Счастливая семейная жизнь. «Война и мир»
15. Толстой в 70-е годы
16. Переезд семьи Толстого в Москву
17. В 90-е годы
18. Последние десять лет жизни писателя.

Традиционно для биографии Л. Толстого повествование начинается с рассказа о предках писателя. Автор подробно описывает то место, где родился герой книги. Читатель будто бы сам оказывается в усадьбе, которую биограф называет «колыбелью великого писателя», как наяву представляет Ясную Поляну, «окруженную парком, фруктовыми садами, липовыми и дубовыми лесами» [154, с. 6]. Далее, как по карте, читатель может пойти «налево», где «находится большой пруд», или «направо», где «расположен парк с прудами», а может выйти к «березовой аллее», которая «вела к дому» [154, с. 6]. В этом – достоинство работы. Мы видим подробное изображение жизни юного писателя с рассказом о детских занятиях, окружении, характере, обучении. Так рисует автор портрет ребенка, упоминая о таких чертах личности, в которых можно было угадать будущую гениальность. Как и Е.А. Соловьев, А.И. Поповкин подробно описывает события жизни Л. Толстого, его интересы в тот или иной период времени, упоминая или даже анализируя его произведения через призму «сословного» подхода.

В процессе создания биографии А.И. Поповкин обращается к обширному ряду источников. Так, автор активно цитирует «Биографию в 4-х томах» П.И. Бирюкова, «Полное собрание сочинений» Л.Н. Толстого, «Жизнь Толстого. Молодой Толстой» Н.Н. Гусева, воспоминания С.А. Толстой, работы критиков. Описывая жизнь Л. Толстого, автор часто обращается к воспоминаниям современников писателя.

Следом за повествованием о предках Л. Толстого описываются детские и юношеские годы. Автор с большим уважением и почитанием показывает, как происходило становление «будущего писателя», как он «рано стал замечать неравенство между людьми», характеризуя его как «чуткого и необыкновенно наблюдательного» человека [154, с. 13]. Как и у Е.А. Соловьева, делается акцент на связи Л. Толстого с народом. Не обходит вниманием А.И. Поповкин и творческую деятельность писателя, говоря о многих его произведениях. Особое место отведено роману «Война и мир», он

фигурирует и в названии главы. Как замечено биографом, «Толстой работал над романом упорно и долго, особенно напряженно работал он над ним в последние годы», «некоторые главы приходилось переписывать по 12-13 раз», однако автор отмечает, что «творческая работа доставляла писателю и большую радость» [154, с. 58]. Завершив знаковый в своей творческой судьбе роман, Л. Толстой, по представлению автора, «чувствовал потребность в изменении своей жизни, чувствовал нарастающую душевную тревогу, желание найти такое, чего нет в окружающем» [154, с. 62]. Так у Л. Толстого формируется новая система ценностей. «В этих поисках вечно нового, – как пишет биограф, – сказывается вся гениальная страстная живая натура писателя» [154, с. 62].

На протяжении всего произведения большое внимание отводится Л. Толстому как народному защитнику, который выступал «против угнетателей», который «в своих статьях показывал бесправие трудящегося народа, его ужасную жизнь и тут же рисовал картины праздной жизни виновников гибели и страданий тысяч народных масс» [154, с. 123]. Духовный кризис, искания Л. Толстого связываются с тем, что класс, к которому принадлежал писатель, «не способен возродиться, не способен спасти судьбы любимой им родины, не способен построить разумное общество, в котором были бы все счастливы» [154, с. 72]. Здесь развивается ленинская линия в осмыслении фигуры дворянского писателя советской идеологии. Л. Толстой, по мнению биографа, «видел, что народные массы умирают от голода, живут в беспросветной нищете, видел непроходимую пропасть между двумя мирами – миром эксплуататоров и миром угнетаемых», он понял, что «все его идеалы, все его надежды на единство классов рушатся» [154, с. 72].

Если ввести в литературоведческий обиход тех лет некоторые философские и религиозные трактаты Л. Толстого, то в них вполне можно было обнаружить подтверждение идей А.И. Поповкина относительно Л. Толстого. Об ужасающей вине дворянского сословия перед народом

Л. Толстой со всей очевидностью писал в трактате «Так что же нам делать?». Конечно, А.И. Поповкин не ссылается на этот трактат и другие работы писателя, но в некоторых своих пассажах он не далек от истины.

Если бы Л. Толстой мог согласиться со своим биографом относительно идеи вины перед народом, то предложенную А.И. Поповкиным трактовку его религиозных исканий принять бы не смог, да и возмутился бы ею. А.И. Поповкин пишет, что «отрицая одну религию», Л. Толстой пытался «создать неясную расплывчатую, другую», которая должна была подтолкнуть простой народ к изменению существующего порядка и, соответственно, избавить от страданий [154, с. 72].

Несмотря на «отрицание революции, отрицание борьбы за переустройство общества», Л. Толстой для Поповкина – «выразитель народных масс» [154, с. 123]. В соответствии с принятым в те годы подходом автор книги через цитаты старается укрепить свое мнение о том, что корень идей Л. Толстого неразрывно связан с идеями революции. «Толстой велик, как выразитель тех идей и настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых, как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции. Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения, – действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции», – так понимает Ленин взгляды Толстого на общественное положение в стране [154, с. 122]. Подобные пассажи в настоящий момент в комментариях не нуждаются, поскольку всем известно отношение Л. Толстого к идее революционного переустройства общества.

Традиционен для подобной советской литературы и финал книги. Подводя итоги своему труду, А.И. Поповкин видит истоки «заблуждений» писателя в «его проповеди самоусовершенствования и непротивления злу насилием». Несмотря на это, биограф пишет о том, что взгляды «гениального

русского писателя», «величайшего художника слова» оказали влияние на мировую культуру.

Следующей в ряду оказывается биография, созданная Н.К. Гудзием. Он в своей историко-литературной работе уделил большое внимание изучению жизни и творчества великого писателя.

Первые труды Н.К. Гудзия, посвященные творчеству Л. Толстого, появились в 1928 году («Толстой и Лесков», «Молодой Толстой и цензура»). Затем последовала книга «Как работал Толстой», автор которой сформулировал важнейшие наблюдения, касающиеся стиля писателя и его эволюции.

Известность получила книга Н.К. Гудзия «Л. Толстой», вышедшая в 1943 году. В 1949 году вышла работа «Лев Николаевич Толстой». Позже, в 1956 году, издательство «Московский университет» выпустило второе, исправленное издание книги. И, наконец, в 1960 году увидело свет третье, переработанное и дополненное, издание под названием «Лев Толстой» (выпущено государственным издательством «Художественная литература»).

Критико-биографический очерк «Лев Толстой» состоит из введения, семи глав («Творчество Л. Толстого до “Войны и мира”», «Война и мир», «Анна Каренина», «Творчество Л. Толстого в 80-е и 90-е годы», «Воскресение», «Последние произведения Л. Толстого», «Творческая работа Л. Толстого») и заключения.

Как и во всех биографиях Л. Толстого советского периода, автор обращается к авторитету В.И. Ленина. Стоит отметить, что, подобно А.И. Поповкину, Н.К. Гудзий также придерживается марксистско-ленинской идеологии и рассматривает события жизни, духовные искания гения в идеологическом ключе: «...в учении Толстого отразилось мировое значение русской революции 1905-1907 годов», в своих произведениях писатель «воплотил черты исторического своеобразия первой русской революции как крестьянской буржуазной революции с ее силой и ее слабостью» [57, с. 4].

Автор научно-художественной биографии, описывая события жизни Л. Толстого с рождения и до последних дней, делает акцент на творческой судьбе героя. Отдаленно эта цель напоминает задачу Б.М. Эйхенбаума. Однако в работе Н.К. Гудзия чувствуется давление советской идеологии, проявляющейся в педалировании классовых различий, в акценте на пропасти, отделяющей «барина от простого мужика» [58, с. 6]. Цитируя В.И. Ленина, автор пишет: «До этого графа подлинного мужика в народе не было» [57, с. 31]. Тем самым биограф подчеркивает связь Л. Толстого с простым народом. Эта же идеологическая заданность проявляется и в анализе художественных произведений, который приводит автор.

Характер изложения материала отсылает к работам предшественников. Н.К. Гудзий пишет о родителях Л. Толстого, о его детских годах, переезде в Казань, юношестве, поступлении в университет, отчислении из него, последующем переезде в Ясную Поляну, прохождении службы на Кавказе и в Крыму, о первых художественных произведениях писателя. Однако, когда автор приближается к 1860-м годам, его внимание с биографических подробностей переключается на литературную деятельность героя.

Биограф отдает дань его всемирной известности: «...он гордость и всего человечества, ибо влияние его гения выходит далеко за пределы его отечества. Влияние Толстого на мировую литературу не однажды было признаваемо со стороны самых крупных зарубежных писателей, и сила этого влияния не убывает и в наши дни» [57, с. 210].

Делая акцент на творческой жизни героя, Н.К. Гудзий пишет: «Притягательная сила Толстого заключается не только в его произведениях, но и в его взглядах на задачи писателя, в тех стимулах, которыми направлялось его творчество. Пусть не во всех своих суждениях о том, что необходимо человечеству, был прав Толстой, пусть он был порой сильнее в своей критике, чем в положительных утверждениях, – важны побудительные мотивы его писательской деятельности. Они заключались в стремлении, в конечном счете, отозваться на все то, что могло волновать в сфере

нравственной и общественной его читателей» [57, с. 212]. Общим местом является пассаж о том, что Л. Толстой «предлагал утопические, ошибочные рецепты спасения человечества от социальных зол» [57, с. 209]. Н.К. Гудзий не устает подчеркивать «подлинную народность его гениальных художественных созданий» [57, с. 210].

Таким образом, биография, созданная Н.К. Гудзием, вполне отражает дух советской эпохи и дает весьма традиционную для нее трактовку личности и творчества Л. Толстого.

В советское время на страницах энциклопедических и литературоведческих словарей появляется ряд статей, посвященных биографии Л. Толстого.

Биографии этого типа обычно предназначены для специальной аудитории. «В известном смысле научная биография представляет собой документально выверенный материал для создания более полной биографии писателя, в которой анализу его творчества уделялось бы больше внимания, нежели в научной биографии, сосредоточенной преимущественно на исследовании собственно биографических источников» [69]. В энциклопедиях можно найти научные биографии писателя следующих авторов: Венгеров С. «Толстой Л. Н.» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона); Юнович М., Попов П. «Толстой Л. Н.» (Литературная энциклопедия, т. 11, 1939 г.); Эйхенбаум Б., Юнович М. «Толстой Л. Н.» (Большая советская энциклопедия, 1-е изд, 1946 г.); Лакшин В. «Толстой Л. Н.» (Большая советская энциклопедия, 3-е изд., 1977 г.).

Академические биографии, тесно связанные с научными, также присутствуют в энциклопедических словарях, однако подобные статьи несут более поверхностный характер и предназначены для широкой аудитории. Перечислим академические биографии Л. Толстого: Ломунов К.Н. «Толстой Л. Н.» (Русские писатели, т. 2, 1990 г.); Статья «Лев Николаевич Толстой» (Краткая литературная энциклопедия, т. 8, 1962 г.).

Научные и академические биографии Л.Толстого, написанные в форме статей в рамках энциклопедических изданий, схожи по стилю: без каких-либо дополнительных подробностей изложены основные этапы жизни писателя и его творческой деятельности.

Биографии А.И. Поповкина и Н.К. Гудзия, с одной стороны, последовательно описывают события жизни Л. Толстого, дают общее представление о его судьбе, но, с другой – лишены индивидуально-авторского глубокого анализа духовного становления героя повествования. Трактовка же нравственных, идейных и художественных исканий Л. Толстого, не говоря уже о религиозных, полностью искажена советской идеологией. Ни А.И. Поповкин, ни Н.К. Гудзий не проявляют и тени духовной самостоятельности, следуя за ленинским шаблоном. В случае с А.И. Поповкиным перед нами скорее фактологически выверенное изложение событий, нацеленное на широкого читателя, только знакомящегося с фигурой писателя. В книге Н.К. Гудзия акцент смещен в сторону его творческой жизни, при этом фигура Л. Толстого раскрывается с точки зрения идей народности. В соответствии с принятым в советское время подходом авторы приводят читателей к мысли, что корень идей Л. Толстого неразрывно связан с идеями революции. И А.И. Поповкин, и Н.К. Гудзий подчеркивают гениальность своего героя, при этом его религиозные идеи трактуются авторами исходя из марксистско-ленинской теории: поиск истины не является задачей авторов.

Труды В.Б. Шкловского и Б.М. Эйхенбаума, напротив, наполнены индивидуально-авторским отношением. Исследователи придерживаются своей концепции изложения материала. В этих работах творчество Л. Толстого служит ключом к пониманию его жизни и взглядов. К сожалению, работа Б.М. Эйхенбаума не была завершена: автор остановился на семидесятих годах XIX века. Отличительной чертой его книг является

осмысление жизни Л. Толстого через политические и идейно-эстетические события и искания эпохи.

Книга В.Б. Шкловского представляет собой не просто изложение событий жизни героя, а роман-биографию с описанием подробностей его личной и творческой судьбы, общественной деятельности. Думается, что именно книга В.Б. Шкловского является наиболее полным жизнеописанием Л. Толстого советского периода.

ГЛАВА 3. ОТКРЫТЬ ЗАВЕСУ НАД ЧАСТНОЙ ЖИЗНЬЮ: ЧТО ХОТЯТ ЗНАТЬ О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ СОВРЕМЕННЫЕ ЧИТАТЕЛИ

В этой главе объединены биографии Л. Толстого постсоветского периода. Первой представлена книга «Лев Толстой» двух авторов: А.М. Зверева и В.А. Туниманова. Это объемная систематизированная биография, максимально объективно представляющая события жизни Л. Толстого.

Далее следует анализ книг П.В. Басинского «Лев Толстой: бегство из рая» и «Лев Толстой – свободный человек». Первая книга – оригинальный труд, непохожий ни на один из предшествующих, построенный как захватывающее расследование причин ухода героя из Ясной Поляны. Разворачивающиеся по ходу произведения события жизни в конечном итоге выстраиваются в достаточно стройный ряд, составляя биографию. В книге «Лев Толстой – свободный человек» автор рассказывает о Л. Толстом, выделяя ключевые, поворотные моменты его жизни. П.В. Басинский обнаруживает «необратимые» события, которые трактует как ключевые в процессе раскрытия личности писателя.

Последний параграф посвящен книге А.Л. Зорина «Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения». Автор строит биографию героя в единстве его общественной и творческой деятельности. Жизнь Л. Толстого интерпретируется в контексте его произведений. Этот способ построения биографии Л. Толстого коренным образом отличается от того подхода, которого придерживались предшественники А.Л. Зорина, стремящиеся отделить фигуру писателя от созданных им героев.

3.1. «Освободить в Л.Н. Толстом человека»:

А.М. Зверев и В.А. Туниманов о жизни великого писателя

К фигуре Льва Толстого А.М. Зверев подошел «по-писательски более широко и полемически в сравнении с предшественниками – исследователями творчества русского гения» [93, с. 783]. К сожалению, А.М. Звереву не суждено было окончить свой труд: в 2003 году смерть прервала его работу над биографией. Дело было продолжено В.А. Тунимановым, связанным с А.М. Зверевым творческой и личной дружбой. Однако выхода книги в свет не дождался и он.

«Предисловие», первая и вторая части, раздел «Драматургия» Л. Толстого и «Послесловие» принадлежат А.М. Звереву, а третья, четвертая и пятая части – В.А. Туниманову. Первым пяти десятилетиям жизни писателя посвящены две части книги, а оставшимся – три. В центре данной биографии – не просто событийный ряд, как это было, например, у Н.Н. Гусева: авторы перебрасывают «мостик от обстоятельств и перипетий жизни Толстого к различным его произведениям». Читателю демонстрируется биографическая основа творчества писателя. [181, с. 354].

В книге нет ни «бронзирования» писателя, ни «квазидемократического стремления» показать, что «Толстой в жизни» был «такой же, как мы, а может быть, и хуже» [181, с. 352]. Анализируя разнообразные источники (мемуары современников, произведения, дневники Л. Толстого и его близких, переписку), выделяя из их массы дневники самого писателя, авторы книги создают максимально объективный образ героя.

Труд А.М. Зверева и В.А. Туниманова соотносим с работами П.И. Бирюкова, Н.Н. Гусева, Б.М. Эйхенбаума и В.Б. Шкловского по тому научному значению, которым он обладает. Однако, в отличие от биографии Л. Толстого, созданной В.Б. Шкловским, который «через увеличительное стекло вещей (вещества) мира стремился увидеть душу писателя», здесь

многочисленные примеры «реконструкции душевных переживаний Толстого даны через аналитику художественных образов его героев» [85, с. 213]. Авторы искусно использовали прием «слияния» жизненного и творческого: они обнаружили «зародыши» философских и религиозных идей в художественных произведениях, в письмах, дневниках, записных книжках [85, с. 213].

В.Я. Курбатов, автор вступительной статьи к книге, задается вопросом, что побудило исследователей Л. Толстого «снова писать эту жизнь»: «А время и побудило. Современность и побудила. Чечня и голод, “катюши масловы” и “живые трупы” без меры, терпкие вопросы к себе после обманывающего дня и тонкий холод “арзамасского ужаса”, прикрытый телевизионными “полями чудес” и встречами правителей в галстуках и без» [93, с. 6-7]. Ответ на этот вопрос, данный самим автором статьи, проливает свет на своеобразие книги. Л. Толстой в состоянии ответить читателям на возникающие перед ними бытийные вопросы, просто надо к нему с этими вопросами обратиться.

В «Предисловии» А.М. Зверев вспоминает своих предшественников – П.И. Бирюкова, И.А. Бунина, Д.С. Мережковского, выделяя главное, на его взгляд, в их трудах.

1 часть биографии – «Четыре эпохи развития»

А.М. Зверев открывает читателю историю богатой родословной Л. Толстого, в значительной степени опираясь на «Воспоминания» писателя. Это дает возможность максимально правдиво изложить событий жизни. Автор рассказывает о его детских годах, юности, учебе в Казани; обращаясь к труду П.И. Бирюкова, отмечает некоторые неточности его рассуждений: например, первый биограф Л. Толстого рисует легкомысленный и даже временами развращавший образ жизни писателя в Казани. А.М. Зверев в свою очередь подвергает сомнению объективность оценки П.И. Бирюкова и показывает обратную картину: читатель видит, что именно в Казани Л. Толстой впервые осознал невозможность воспринимать религию только

как ритуал, не налагающий никаких моральных обязательств. Также А.М. Зверев приводит воспоминания Л. Толстого, взятые из «Исповеди», где писатель рассказывает, что он с шестнадцати лет, то есть как раз во время жизни в Казани, «начал заниматься философией, и тотчас вся умственная постройка богословия разлетелась прахом» [78, с. 43].

В первой части А.М. Зверев традиционно описывает военную службу Л. Толстого: именно в этот период он остро почувствовал необходимость воплотить полученный опыт в художественное переживание. Автор акцентирует «чрезвычайно ответственное» отношение начинающего писателя к литературной работе: это либо «нечто “хорошее и полезное”, наподобие практической программы жизнеустройства, либо опыт самоанализа и самопознания» [78, с. 78].

В главе «Какое-то недоконченное счастье» автор анализирует в трилогию «Детство», «Отрочество», «Юность», сопоставляя переживания Николеньки Иртеньева с духовными исканиями Л. Толстого. В оценке А.М. Зверева трилогия не является автобиографией писателя, но открывает дорогу для понимания героя повествования, поставленного в схожие с самим Л. Толстым обстоятельства жизни.

Биографическое повествование расширяется автором и за счет сопоставления художественных текстов Л. Толстого с произведениями европейских писателей XIX и XX веков. К примеру, говоря об истории создания «Севастопольских рассказов», он отмечает следующее: «Единственным предшественником Толстого, воссоздавшим войну в ее реальном облике, был высоко им ценимый Стендаль. У них обоих война воссоздана такой, как ее переживает и осознает рядовой участник...» Однако именно «Толстой был первым писателем, показавшим войну и «в настоящем ее выражении, и одновременно – этого не было даже у Стендаля – *sub specie aeternitatis*, под знаком вечности» [78, 113].

Как и другие биографы писателя, А.М. Зверев рассказывает о заграничных поездках Л. Толстого, заостряя внимание читателя на сцене

смертной казни, свидетелем которой он стал в Париже. Автор цитирует позднее высказывание писателя: «Понял не умом, а всем моим существом, что никакие теории разумности существующего и прогресса не могут оправдать этого поступка. Пусть выдвигают любые теории, доказывая, что это нужно, – “я знаю, что это ненужно, что это дурно”» [78, с. 145].

Особое внимание в данной главе автор уделяет рассказу «Люцерн», как и в случае с трилогией, подчеркивая, что мысли Д. Нехлюдова соответствуют переживаниям самого Л. Толстого. С точки зрения исследователя, писатель опережает свою эпоху: прогрессивные мысли его героя о невозможности абсолютного равенства и полной свободы пришлись не ко времени и не были по достоинству оценены и поняты обществом.

Завершается первая часть книги историей знакомства и женитьбы Льва Николаевича Толстого с Софьей Андреевной Берс.

2 часть – «Ясная Поляна. Вершины»

Как и его предшественники: П.И. Бирюков, Н.Н. Гусев, В.Б. Шкловский – А.М. Зверев рассказывает о семейном счастье первых лет супружеской жизни Толстых, об отношениях писателя с сестрами Берс, сестрой Марией Толстой и братом Сергеем Толстым.

Далее читателю представляется подробное описание истории создания знаменитых романов Л. Толстого – «Война и мир» и «Анна Каренина». Биограф не только описывает реакцию критиков, но и выступает в качестве исследователя, акцентируя толстовскую мысль о «лабиринте сцеплений», видя в ней «тайну формы целого, несущей в себе универсальный и невербализуемый смысл» [181, с. 354]. А.М. Зверев показывает путь Л. Толстого к идее и взаимосвязи всего сущего: всеобщая история, ее «сцепления» преломляются в человеке, познавшем, что такое любовь к миру и принявшем жизнь не только в благополучии, но и в страдании.

В главе «...и Аз воздам» А.М. Зверев рассказывает о внутренних метаниях Л. Толстого, который продолжает размышлять над вопросами

жизни и смерти, чувствуя необходимость отыскать причину, по которой человек приходит в этот мир.

3 часть – «Переворот»

В следующих трех частях книги В.А. Туниманов заостряет внимание на толстовском критерии «вечности», подчеркивая «одно из коренных свойств искусства писателя: интерес, прежде всего, к нравственному состоянию героя» [78, с. 204].

Третья часть биографии открывается главой об «Исповеди» Л. Толстого: «Исповедь» – «произведение переходное, в котором критические тенденции смягчены, а лексика может считаться сравнительно умеренной, не вызывающей». В.А. Туниманов пишет о религиозных исканиях Л. Толстого в конце 1870-х годов. При этом автор подчеркивает, что большую роль в духовном перевороте писателя сыграло его сближение с народом.

В «Исповеди» Л. Толстого прослеживается «грусть расставания со старой верой после тщетных попыток бессознательно раствориться в ней, смиренно принять то, что исповедует большинство народа» [78, с. 340]. Как и другие исследователи, автор заключает, что Л. Толстой «никакую веру не мог принять на веру, о чем и сказал с присущими ему искренностью и прямоотой, подводя предварительный итог своим религиозным поискам в той же “Исповеди”» [78, с. 340].

Духовный кризис Л. Толстого влиял и на отношения в семье. В.А. Туниманов подробно описывает нарастающую напряженность в отношениях между Софьей Андреевной и Львом Николаевичем. Сначала конфликты, возникающие между супругами, сменяются периодами гармонии. Затем непонимание в семье растет. В этих конфликтах – автор на стороне своего героя, он с недоверием относится к свидетельствам Софьи Андреевны: «Впрочем, могла и присочинить – она ведь тоже, как Дмитрий Мережковский (и Владимир Ульянов, но тот в

другом смысле и в другой плоскости), любила обнажать противоречия между “словом” и “делом” мужа» [78, с. 457].

Однако к некоторым обстоятельствам В.А. Туниманов относится с пониманием. Например, учитывает трагическую смерть Ванечки, очень сильно повлиявшую на духовное самочувствие жены Л. Толстого: нервные срывы, следующие один за другим в начале 1895 года, сама Софья Андреевна объясняла в «Моей жизни» предчувствием смерти глубоко любимого ребенка.

С точки зрения В.А. Туниманова, смерть Ванечки стала трагическим поворотным моментом в судьбе семейства Толстых. Автор приводит воспоминания Татьяны, дочери Софьи Андреевны Толстой: «Моя мать после пережитого ею большого горя не сумела найти успокоения... Ей не хватало какой-то моральной силы, которая помогла бы ей обратить на благо свои страдания» [78, с. 525]. Для Л. Толстого смерть Ванечки была схожа с тем горем, которое он испытал после смерти брата Николая: «Нет, в гораздо большей степени, проявление Бога, привлечение к нему, – записывает он в дневнике. – И потому не только не могу сказать, чтобы это было грустное, тяжелое событие, но прямо говорю, что это... не радостное, это дурное слово, но милосердное от Бога, распутывающее ложь жизни, приближающее к нему событие» [78, с. 525]. В общем-то и предшественники А.М. Зверева и В.А. Туниманова: П.И. Бирюков, Н.Н. Гусев, В.Б. Шкловский – видели схожие истоки кризиса семейной жизни Толстых

4 часть – «На рубеже веков»

В отличие от А.М. Зверева, который развивает толстовскую мысль о «лабиринте сцеплений» как «универсальной» и «невербализуемой» форме повествования, В.А. Туниманов исследует работы писателя, опираясь в основном на отдельные детали, в которых, по мнению биографа, «сконцентрирован» «иносказательный смысл» [181, с. 354]. Подход обнаруживает себя той характеристикой, которую исследователь дает роману «Воскресение». Он рассказывает о том, что Л. Толстой, стремясь достоверно

описать некоторые сцены романа посещал суды, больницы, тюрьмы, запоминая речь людей, их внешний вид, поведение и даже выражения лиц. Все эти подробности позволили вписать натуралистические подробности жизни героев в произведение.

Как и в работах П.И. Бирюкова, Н.Н. Гусева, В.Б. Шкловского, в книге А.М. Зверева и В.А. Туниманова особое место отведено духовным исканиям писателя и в конечном итоге его позиции по отношению к официальной церкви. В книге подчеркивается, что деятельность Л. Толстого уже давно волновала духовенство, побуждая искать эффективные меры для «обуздания еретика» [78, с. 568]. Публикация романа «Воскресение» подтолкнула к решительным действиям. В Определении Синода осуждались «противохристианское» и «противоцерковное лжеучение и “новый лжеучитель”», который проповедует с «ревностью фанатика ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской» [78, с. 568]. Однако А.М. Зверев отмечает, что слова «отлучение» и «анафема» в Определении (довольно осторожном и дипломатичном) не звучали: говорилось именно об «отторжении» («явно пред всеми, сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью Православною») и «отпадении» [78, с. 568-569]. Однако биограф считает, что принципиального различия между словами «отлучение» и «отпадение» не было: по своей сути, это было мягко сформулированное Синодом отлучение.

Автор рассказывает о тяжелом физическом состоянии Л. Толстого в 1901-1902 годах. В 1901 году в Крыму он постоянно болел. Окружающие боялись за его жизнь, допуская трагический исход болезни. 1902 год стал еще более тяжелым для Л. Толстого. В.А. Туниманов ссылается на А.П. Чехова: «Толстой очень плох... Вероятно, о смерти его услышишь раньше, чем получишь это письмо. Грустно, на душе пасмурно» [Зверев, 78, с. 591]. Встревожился после встречи с ним и М. Горький, который, обращаясь к В.А. Поссе, писал: «Возможно, что когда ты получишь это письмо, Льва Толстого уже не будет в живых... Положение его...

безнадежно» [78, с. 591]. Для В.А. Туниманова важна реакция самого Л. Толстого на болезнь: он принял ее со смирением и готовностью к смерти.

5 часть – «Уход»

Открывается пятая часть биографии анализом повести «Хаджи-Мурат», которой Л. Толстой очень дорожил. В.А. Туниманов подробно рассказывает о создании образов двух деспотов: Николая I и Шамиля. При сходстве в изображении («окостеневший» Николай I и «неподвижный имам») писатель добивается «крайне любопытного параллелизма», избегая при этом прямолинейного сопоставления героев [78, с. 642-643]. Л. Толстой противопоставляет безжизненный лживый мир российского самодержца энергетически наполненной горской жизни Хаджи-Мурата. В интерпретации В.А. Туниманова, что последнее бегство Шамиля – это возвращение к истокам, а смерть – возвращение к «общему и вечному источнику», «освобождение» [78, с. 652]. Следовательно, повесть Л. Толстого следует воспринимать как предсказывающую и бегство – «уход» самого Л. Толстого.

Повесть «Хаджи-Мурат» перебрасывает мостик и к теме ухода писателя. Биограф старается отразить его состояние и показать, чем спровоцирован «уход» из Ясной Поляны: «Силы Толстого таяли. Будь уход спланирован и обдуман, таких неудобств и сложностей, конечно, не было бы. Импровизация предполагает любые неожиданности и непредвиденные повороты. Но другим уход Толстого и не мог быть, как стремительным и импульсивным порывом» [78, с. 705]. В восприятии В.А. Туниманова – это «бегство». Он не соглашается со своими предшественниками – П.И. Бирюковым, В.Б. Шкловским, А.И. Поповкиным, представляющими уход из Ясной Поляны как спланированный.

В.А. Туниманов считает, что «уход» воспринимался современниками Л. Толстого «в легендарном свете: преображение, освобождение, чудо, желание завершить жизнь иноческим подвигом, религиозное просветление, мистический акт великого богоискателя, высшее торжество духа» [78, с. 719]. При этом биограф соглашается с современниками писателя, принимая их

точку зрения: «Осуществляя такую давнюю свою мечту, уходит в тот широкий и бесконечный мир, который всегда его манил, уходит навсегда, единым усилием разрывая путы, в последнее странствие, без подготовки, не определив ни дороги, ни места назначения. Уходит и всё тут, не заботясь о том, что напишут, скажут, подумают о его поступке. Все детали этого фантастического последнего странствия Толстого современники переживали как событие мировой важности, как, может быть, самое значительное, чему им довелось быть свидетелями» [78, с. 719].

«Послесловие»

В «Послесловии» В.А. Туниманов рассказывает, как переживали уход из жизни писателя его последователи, ученики, его жена, говорит о работе над девяностотомным изданием его сочинений.

Авторы ставили перед собой задачу описать жизнь Л. Толстого как можно более подробно, объективно, не сглаживая острых углов. Читатель узнает о том, что в молодости герой был подвержен страсти к карточной игре, из-за чего брал многочисленные займы; о том, что сам себя порицал за «похоть» [181, с. 352]. При этом биографы не приравнивают глубину духовных исканий Л. Толстого к переживаниям обычных людей, как это делают многие их современники. Напротив, биографы обнажают высоту духа Л. Толстого, цитируя его дневниковые записи, в которых он в уничижительном тоне рассказывает о себе и о многих событиях своей жизни. Более того, А.М. Зверев подчеркивает нежелание писателя скрывать подробности своей жизни и отсутствие стремления «предвосхитить или предопределить чужой взгляд и чужую оценку» [181, с. 353].

Во вступительной статье В. Курбанов отмечает, что самое ценное в книге заключается не только в последовательном анализе дневников и писем героя, его идейных исканий, но и в тщательном разборе художественных произведений: «Казаков» («где он проговаривается, что он всю жизнь какой-то “нелюбимый”»), «Анны Карениной» («с левинским восхищением православной твердостью А.С. Хомякова»), «Войны и мира» («с

бессмертным “аустерлицким небом” и безуховским “все это во мне и всё это я”») [78, с. 8]. Складывается ощущение, что перед читателем не просто книга, а жизнь. В этой биографии Лев Толстой представлен в эволюции своего творческого мышления, «развивающегося от художественного к философскому и от философского к религиозному и духовно-практическому» [85, с. 213].

Новое в книге «Лев Толстой» – это «новое именно в самой личности чтения, в спокойной страстности (если возможно такое сочетание), с которой авторы “освобождают” в Толстом человека из-под завала “внешней” жизни, из-под бремени толкований, чтобы увидеть за чужими и его собственными жестокими вопросами к себе, за непрерывной его пыткой наше земное, общее, что могло бы укрепить нас в верном самопонимании» [93, с. 7].

3.2. Детектив и психологический триллер: история великого старца в изложении П.В. Басинского

«Ровно 100 лет назад в Ясной Поляне произошло событие, которое потрясло весь мир», – так начинает свое расследование причин ухода Л. Толстого из Ясной Поляны П.В. Басинский в книге «Лев Толстой: Бегство из рая» (2010 г.). Автор рассказывает об уходе «из рая» писателя, загадка жизни и смерти которого волнует людей до сих пор. Как однажды написала в своем дневнике С.А. Толстая, «что случилось – непонятно, и навсегда будет непостижимо» [20, с. 631].

Книга состоит из 10 глав:

- 1 глава – Уход или бегство?
- 2 глава – Потерянный рай
- 3 глава – Сонечка и дьявол
- 4 глава – Голова в чепце
- 5 глава – Новый русский

6 глава – Милый друг

7 глава – Чья вина?

8 глава – Красивый идол

9 глава – Отлучение и завещание

10 глава – Ледяной дождь.

Названия глав предельно экспрессивны, они интригуют читателя. Исчезает былое уважение к небожителю и его семейной драме – чего только стоит заглавие «Сонечка и дьявол», «Красивый идол». Вопросы приглашают читателя к размышлению. Трагедия великого писателя оборачивается детективной историей.

Оригинален П.В. Басинский и в построении сюжета. Прежде всего, он ориентирован на запросы самого обычного массового читателя, которому интересна подноготная жизни знаменитого человека. Возникает впечатление, что в задачу П.В. Басинского входит развенчание Л. Толстого, превращение его в обычного человека – в последние годы жизни несчастного старика, кроткого и любящего всех, но обиженного близкими людьми. В сознании читателя фигура Л. Толстого вполне сближается с королем Лиром, и временами кажется, что именно этого эффекта добивается автор.

Однако цель П.В. Басинского – на основании документального материала, в том числе и архивного, реконструировать загадочное событие – уход писателя из Ясной Поляны. Источники включают четыре раздела. Первый – полностью опубликованные или частично цитируемые в книгах письма и дневники Л.Н. Толстого, С.А. Толстой и В.Г. Черткова. Во втором – академические материалы о биографии писателя. К третьему разделу относятся источники, касающиеся его жизни в целом, но так или иначе связанные с темой ухода и смерти. Четвертый раздел – литература непосредственно об уходе и смерти героя.

Издание иллюстрировано редкими фотографиями из архива музея-усадьбы «Ясная Поляна» и Государственного музея Л.Н.Толстого. Работа удостоена премии «Большая книга».

Биографическое расследование, проведенное П.В. Басинским, – не просто очередная версия развития событий и изложение субъективного мнения автора. В общем-то, книга представляет собой структурированный, биографически достоверный труд, – и в этом ее достоинство. Начиная книгу с момента ухода Л. Толстого, автор ведет читателя по дороге жизни писателя, открывая тайну не ухода, а бегства.

Так, автор обнаруживает интересную деталь, связанную с разыгравшейся в доме Толстых драмой: в заголовках газет, освещавших это событие, слово «уход» встречается редко. Звучат слова: «ВНЕЗАПНЫЙ ОТЪЕЗД...», «ИСЧЕЗНОВЕНИЕ...», «БЕГСТВО...», «TOLSTOY QUITTS HOME» («ТОЛСТОЙ ПОКИДАЕТ ДОМ»)» [20, с. 12]. И, как отмечает П.В. Басинский, акцент в данном случае нужно сделать не на желании журналистов «подогреть» интерес читателей, ведь произошедшее само по себе не могло оставить никого равнодушным. «Дело в том, – пишет биограф, – что обстоятельства исчезновения Толстого из Ясной, действительно, куда больше напоминали бегство, чем величественный уход» [20, с. 12]. Во-первых, событие случилось ночью (то есть в то время, когда С.А. Толстая спала). Во-вторых, маршрут отъезда Л. Толстого был так хорошо скрыт, что узнали о его местонахождении лишь спустя некоторое время. В-третьих (о чем не знали ни журналисты, ни супруга), маршрут и, в частности его конечная цель, «были неведомы самому беглецу» [20, с. 12-13]. Складывается впечатление, что Л. Толстой ясно представлял себе, от чего и от кого он бежит, но, «куда направляется и где будет его последнее пристанище, он не только не знал, но старался об этом не думать» [20, с. 12-13].

П.В. Басинский представляет версии, которые, по его мнению, объясняют тайну поступка Л. Толстого. Основными считаются следующие причины:

1. Л. Толстой ушел к народу – им был совершен идеалистический поступок, свидетельствующий об отрицании помещичьей жизни. Такая

версия была особенно популярна в советское время. «Толстой взбунтовался против социальных условий, в которых жил он и всё дворянское сословие. Однако, не обладая марксистским мировоззрением, поступил как анархист-народник – в буквальном смысле ушел в народ» [20, с. 35].

2. Вторая версия заключается в том, что Л. Толстой раскаялся в своих взглядах, касающихся Бога и религии, и отправился в монастырь.

3. Еще одной причиной бегства считается семейный конфликт. Исследователь приводит цитату, в которой лаконично обозначены непростые отношения писателя и его жены: «Толстой – это “сверхчеловек”, и его поступок нельзя судить по обычным нормам. С.А. – простая земная женщина, которая делала всё, что могла, для своего мужа, пока он был просто человеком. Но в “сверхчеловеческой” области он для нее недоступен, и в этом ее трагедия» [20, с. 11-12]. Излагая эту версию, Басинский опирается на слова Василия Розанова о том, что Л. Толстой «убежал» всё-таки от семьи: «Узник ушел из деликатной темницы» [20, с. 11-12]. Впервые в биографии писателя так подробно и откровенно раскрываются отношения супругов. Эта особенность задает тон всему повествованию. Во многих жизненных проблемах Л. Толстого автор видит именно внутрисемейные причины. Так последовательно снижается образ Л. Толстого, созданный в трудах П.И. Бирюкова, Н.Н. Гусева, В.Б. Шкловского, Б.М. Эйхенбаума.

Помимо основных трех версий ухода Л. Толстого исследователь приводит и другие, к примеру, версию И.А. Бунина, считавшего, что уход старца – это своего рода буддийский акт освобождения.

Причины поступка Л. Толстого одновременно и ясны, и сложны. Одно автор подчеркивает совершенно точно: герой не мог не бежать. Ситуация его жизни была просто невыносима. К этой мысли исследователь приводит читателя посредством детального описания важнейших этапов жизни писателя, проиллюстрированных дневниками самого Толстого и его жены. «С бегства он начинает свой сознательный путь в жизнь, бегством его и завершит», – утверждает П.В. Басинский, описывая так называемые «уходы»

Л. Толстого, его «бегства» в разные моменты жизни. Это и отчисление / уход из университета и бегство на Кавказ, а позже – за границу, отказ от литературных прав. Таких вех в жизни героя множество: «Совершенно очевидно, что Толстой принадлежал к породе людей, для которых важна не столько свобода, сколько личная *воля*» [20, с. 83]. По мысли автора, ущемление «воли» приводило к «бегству». Мотив «уходов» напоминает то, как строит биографию Л. Толстого Г.И. Лебедев, лейтмотивом повествования у которого как раз и оказываются те самые «уходы». Однако первым из всех биографов так смело и однозначно автор акцентирует слово «бегство», настаивая на этой трактовке главного сюжета жизни героя.

П.В. Басинский делает акцент на твердости решения Л. Толстого в момент ухода из семьи. Л. Толстой в сопровождении своего доктора Д.П. Маковицкого внезапно покинул Ясную Поляну. Уехав, он оставил письмо, в котором сообщил, что покидает Ясную Поляну навсегда.

Несмотря на то что писатель просил не искать его и не следить за его дорогой, «вдогонку по предполагаемому пути бегства» был отправлен журналист Константин Орлов, сын последователя Льва Толстого, учителя и народовольца Владимира Федоровича Орлова, изображенного в рассказах «Сон» и «Нет в мире виноватых» [20, с. 9]. Он настиг Л. Толстого и тайно сопровождал его до Астапова, откуда сообщил телеграммой Софье Андреевне и детям Толстого, что «их муж и отец серьезно болен и находится на узловой железнодорожной станции в доме ее начальника И.И.Озолина» [20, с. 9]. Читатель узнает о том, что, если бы не личная инициатива К. Орлова, семья узнала бы о нахождении смертельно больного Л. Толстого не раньше, чем об этом написали бы все газеты. Татьяна Львовна Сухотина, старшая дочь Толстого, по ее воспоминаниям, «была “до смерти” благодарна журналисту Орлову» [20, с. 9]. Такое детальное описание событий встречается по отношению к предшествующим трудам впервые.

Поступок Л. Толстого был мало похож на уход: «Что было бы прекрасного в таком “уходе”? Но обывателю почему-то приятно воображать, что великий Толстой вот так просто взял и ушел» [20, с. 14].

П.В. Басинский пытается распутать клубок обстоятельств, чтобы понять, что произошло в жизни героя, что привело его к «бегству из рая». Автор ставит своей целью по-человечески разобраться в причинах поступков писателя и показать, что историю создают сцепления определенных жизненных ситуаций.

Знаком новой эпохи является нестандартный для биографического труда подход к изложению информации. Читатель оказывается вовлечен в поиск истинных намерений Л. Толстого, причем перед ним оказывается не сухой пересказ событий и фактов. Напротив, у читателя возникает иллюзия собственного участия в происходящем. Автор старается показать точку зрения каждого действующего лица.

Отметим характерный для современных трудов подход автора к теме. П.В. Басинский видит в произошедшем «уходе» «человеческие» истоки, семейные причины. Нельзя не вспомнить слова Г.О. Винокура: «В этом случае начинает казаться, что личная жизнь есть не что иное, как совокупность социально-бытовых привычек и склонностей, манера одеваться и волочиться, круг семейных забот и ресторанной жизни, интимных отношений и литературных сплетен» [42, с. 21].

П.В. Басинский показывает, как, начиная с 1880-х годов, особое место в жизни Л. Толстого занимает В.Г. Чертков, ставший его единомышленником и помощником, и это обстоятельство провоцирует острое недовольство Софьи Андреевны. В семейном конфликте Толстых фигура Черткова приобретает особый характер: слишком велико было влияние этого человека на писателя. Проблема заключалась в том, что и С.А. Толстая, и В.Г. Чертков посвятили Л. Толстому себя и не хотели уходить на второй план. В какой-то момент их противостояние стало критическим и закончилось «бегством» Л. Толстого из Ясной Поляны – «бегством» от конфликтов и непонимания.

П.В. Басинский убеждает читателя, что семейная сторона значила для Толстого очень многое, не случайно фокус прозы писателя сконцентрирован именно на семейной жизни героев. Актуальность и востребованность произведений Толстого, по мнению биографа, как раз и заключается в их тематике – понятия семейного счастья и семейного несчастья волнуют каждого человека независимо от того, сколько десятилетий прошло со дня смерти Л.Н. Толстого.

Следующая книга П.В. Басинского, также ориентированная на массового читателя, называется «Лев Толстой – свободный человек». Она была написана по заказу издательства «Молодая гвардия» и увидела свет в 2016 году. Вторая редакция книги вышла в серии «Жизнь замечательных людей» в 2017 году. Она дополнена библиографией, хроникой жизни и творчества Л.Н. Толстого, а также более обширным иллюстративным материалом.

В предисловии к своему труду П.В. Басинский отмечает, что его созданию предшествовала своего рода трилогия о жизни Толстого: «Лев Толстой: бегство из рая» 2010 года, «Святой против Льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды» 2013 года, «Лев в тени Льва. История любви и ненависти» 2015 года. Каждая книга рассказывает о судьбе писателя в определенном ракурсе: об уходе Л. Толстого из Ясной Поляны и обстоятельствах этого ухода, о конфликте писателя с церковью и об отношениях героя с детьми. Автор в предисловии к биографии пишет: «Пока я работал над этими книгами, я понял одну вроде бы очевидную, но в то же время совсем не простую вещь. Толстой – не только создатель великих произведений, от огромного романа “Война и мир” до крохотного рассказа “Нечаянно”, написанного за четыре месяца до смерти. Сам Толстой – *произведение*. Его жизнь и смерть, отношения с разными людьми, близкими и дальними, – это такое же *великое произведение*, как и те, что появились из-под его пера. И это произведение он создавал *сознательно*, отдавая этому не

меньше, а даже больше сил и времени, чем литературному творчеству, философским трактатам и публицистике» [22, с. 5].

Четвертая книга о Л. Толстом П.В. Басинского представляет собой небольшую, но одновременно подробную научно-популярную биографию. Автор ставит перед собой сложную задачу: максимально кратко, но вместе с тем занимательно рассказать о жизни человека мирового масштаба, о судьбе сложной, насыщенной событиями. Именно поэтому биограф решает идти по пути выделения ключевых, поворотных моментов в жизни Л. Толстого. П.В. Басинский находит «необратимые» события, которые являются своеобразными «якорями» биографии писателя. Подобный подход мы уже встречали у Г.И. Лебедева, который строил повествование на ключевых, по его мнению, событиях – «уходах» Л. Толстого.

Название биографии «Лев Толстой – свободный человек» подчеркивает свободу от условностей, необходимую герою книги. Это свобода от чужого влияния, мнений, общепринятых суждений. Для П.В. Басинского Л. Толстой обладает внутренней смелостью, независимостью и возможностью говорить то, что думает.

Отметим, что «Басинский, подобно Шкловскому, главным “эмпирическим источником” биографии» считает «письма Толстого к тетушке Т. А. Ергольской, в которых последний якобы дал проектирование своей жизни как романа» [85, с. 217]

Книга П.В. Басинского состоит из предисловия и пяти частей. Часть первая – «Воспитание чувств» – затрагивает 1828–1847 годы. Здесь, как и в биографиях Л. Толстого других авторов, подробно рассказано о родственниках писателя. Читателю представлены люди, повлиявшие на его становление: родители Л. Толстого, Татьяна Александровна Ергольская, братья. Впоследствии они послужили прообразами для героев художественных произведений Л. Толстого. Удивительным образом биограф дает возможность взглянуть на них глазами писателя, используя его собственные воспоминания.

Чувство всеобъемлющей любви и неприятия всякого рода насилия крепло в Л. Толстом всю жизнь, «и потому вся так называемая взрослая жизнь Толстого – это попытка доказать людям, что это “не нужно”» [21, с. 14]. «Насилие! Не только над ребенком, а над его душой. Рожденной свободной, для неперестающей радости жизни. Но зачем-то ее поставили на колени, а затем заперли в чулан. И еще обещали наказать» [21, с. 14].

Часть вторая называется «Беглец» и рассказывает о 1847–1862 годах жизни. Данная часть посвящена годам молодости писателя. Мы узнаем об уходе из университета, вступлении в помещичьи права в Ясной Поляне.

Биограф, анализируя дневниковые записи Л. Толстого, приходит к выводу, что в тот период юноша разграничивает деятельность внешнюю, общественную и внутреннюю, духовную, отдавая предпочтение второй. Следовательно, герой считает, что только тот человек, который может сделать такой выбор, способен жить подлинной жизнью и «в этом главное условие человеческой свободы» [21, с. 14]. Автор заостряет внимание читателя на том, что уже в этот момент жизни Л. Толстой формулирует основной принцип, по которому будет строить свою жизнь: «Дойду ли я когда-нибудь до того, чтобы не зависеть ни от каких посторонних обстоятельств? По моему мнению, это есть огромное совершенство; ибо в человеке, который не зависит ни от какого постороннего влияния, дух необходимо по своей потребности превзойдет материю, и тогда человек достигнет своего назначения» [21, с. 62].

Следующий этап жизни, который описывается во всех предшествующих биографиях писателя, – служба на Кавказе. Это период, о котором Л. Толстой отзывался как об одном из самых счастливых в жизни. Причину его отъезда на Кавказ П.В. Басинский видит в стремлении изменить свою жизнь: он «бежал на Кавказ, запутавшись в долгах, в женщинах, в “скотской” жизни, надеясь, что кавказская природа, воспетая русскими поэтами и прозаиками, а также опасная служба повернут его на путь истинный» [21, с. 86]. И уже в кавказских очерках, как показывает

П.В. Басинский, проявилось то, что впоследствии составит основу мировоззрения Толстого: неприятие насилия любого рода. Акцентируя толстовскую идею ненасилия, биограф повторяет своих предшественников. И все же именно в жизни на Кавказе П.В. Басинский видит источник перемен в духовном самочувствии героя: «Читая дневник Толстого <...>, не говоря уже о “Детстве”, мы видим, как неожиданно вырастает этот будущий духовный гигант. И всё это происходит *вдруг*. <...> Кавказ пробудил в Толстом *нечто*. Это был второй по мощи внутренний толчок после того, который он испытал в университетской клинике. Еще один этап его духовного рождения» [21, с. 89].

В крымский период, как замечает исследователь, продолжаются внутренние метания Л. Толстого. Находясь в центре военных действий, он описывает не только мужество солдат и офицеров, но и страшные факты военной жизни, и в итоге, переживая военный опыт, приходят к важной мысли, выраженной в его дневнике: «Действовать *сознательно* к соединению людей с религией, вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечет меня...» [21, с. 109]. Религиозной стороне жизни Толстого уделяется в книге большое внимание.

Этот насыщенный тяжелыми впечатлениями период жизни повлиял на писателя. «И на Кавказе, и в Крыму, и в первой заграничной поездке он испытал несколько религиозных потрясений, которые отчетливо показали ему: *без Бога он жить не может*», – заключает П.В. Басинский [21, с. 125].

Автор биографии считает, что второе заграничное путешествие оказалось плодотворнее первого. Л. Толстой провел за границей девять с половиной месяцев, посетил Францию, Германию, Бельгию и Англию, наблюдая опыт работы в школах разных стран. Такой интерес к педагогической деятельности был вызван тем, что, вернувшись в Россию, он хотел вернуться и к работе в школе.

Третья часть книги называется «Семейное счастье» (1862–1877 гг.). Автор описывает женитьбу Л. Толстого, его отношения с женой и детьми.

Из письма еще молодого Л. Толстого к своей тетушке Т.А. Ергольской выкристаллизовываются представления писателя об идеальной семье. Биограф делает вывод, что «“семейная программа” Толстого предполагала не только копирование прошлого, но и его, если можно так выразиться, *исправление*» [21, с. 130]. Под «прошлым» в данном случае подразумевается жизнь родителей в Ясной Поляне.

Письма Толстого к Софье Андреевне первых лет совместной жизни проникнуты «сентиментальными мотивами» [21, с. 166]. П.В. Басинский старается обнаружить глубину чувств супругов, показать, как сильна их любовь. Эта любовь и рождает в Толстом, пережившем войну на Кавказе и в Севастополе, страх смерти. Смерть в тот момент для писателя – «это конец их счастья» [21, с. 167].

Часть четвертая – «Переворот» (1877–1892 гг.). Читателю показан духовный переворот Толстого. Автор ищет причины переворота в недовольстве героя собственной жизнью: «*Тесно* в семье. *Тесно* быть помещиком и даже писателем. Его могучая натура влечет его куда-то еще. Он только не может понять – куда? При этом он парадоксальным образом отдает все свои силы писательству, помещичьему хозяйству и настаивает на том, чтобы жена непрерывно рожала и рожала» [21, с. 186].

Но духовный фокус смещается: Л. Толстой приходит к религии: он «хватается за Церковь, как за спасательную соломинку в море своих сомнений и разочарований» [21, с. 200]. В первые годы кризиса писатель стремился найти Бога в Церкви, однако терпит «сокрушительное поражение» [21, с. 205]. «Упрямый ум» не дает Л. Толстому смиренно исполнять церковные обряды, в смысле и необходимости которых он сомневается. П.В. Басинский приводит цитату из воспоминаний сына писателя, чтобы описать разочарование своего героя в деятельности церкви: «Православие отца кончилось неожиданно, – вспоминал Илья Львович. – Был пост. В то время для отца и желающих поститься готовился постный обед, для маленьких же детей и гувернанток и учителей подавалось мясное. Лакей

только что обнес блюда, поставил блюдо с оставшимися на нем мясными котлетами на маленький стол и пошел вниз за чем-то еще. Вдруг отец обращается ко мне (я всегда сидел с ним рядом) и, показывая на блюдо, говорит:

– Илюша, подай-ка мне эти котлеты.

– Левочка, ты забыл, что нынче пост, – вмешалась мама.

– Нет, не забыл, я больше не буду поститься, и, пожалуйста, для меня постного больше не заказывай.

К ужасу всех нас он ел и похваливал. Видя такое отношение отца, скоро и мы охладели к постам, и наше молитвенное настроение сменилось полным религиозным безразличием» [21, с. 209].

Одновременно с духовным кризисом Л. Толстой переживает и творческий, отрекаясь от литературы в привычном понимании этого слова. Столь же критично писатель начинает относиться и к государству – «отречение» от него следует за «отречением от Церкви».

Новой ступенью духовного переворота Л. Толстого становится мысль об отказе от собственности. В это время между мужем и женой возникает конфликт, который не найдет разрешения до конца их семейной жизни. Отказ от литературных прав провоцирует еще один конфликт Толстого с женой, которая заботится о финансовом благополучии семьи. Этот конфликт столь же подробно описывается и в других биографиях – П.И. Бирюкова, В.Б. Шкловского, А.М. Зверева и В.А. Туниманова, самого П.В. Басинского.

«Уход и смерть» (1892 – 1910 гг.) – пятая часть биографии, в которой описан последний этап жизни Л. Толстого. В этот период случились серьезные потрясения в его жизни. Конечно, ударом стала смерть самого младшего и, как считалось, любимого ребенка – Ванечки. Талантливый, не по годам развитый мальчик обладал особым даром – даром всеобъемлющей любви. Этот ребенок приносил мир в дом, где уже долгое время зрели конфликты. Окружающие отмечали сходство сына и отца. Конечно, такая утрата была непоправимой и для Толстого, и для Софьи Андреевны. В это

время у нее начинаются признаки «серьезного психического расстройства» [21, с. 301]. Сама Софья Андреевна писала в дневнике, что после смерти сына Толстой «стал стариком» [21, с. 302].

Очень подробно П.В. Басинский описывает события, сопутствующие отлучению Л. Толстого от церкви. Так, благодаря митрополиту Антонию термин «отлучение» был заменен на «отпадение». Подчеркивается, что церковь не просто констатировала факт «отпадения» великого писателя – она «скорбела» об этом, надеясь на его раскаяние и возвращение. Митрополит Антоний сделал все возможное, чтобы «перевести вопрос в ситуацию “прерванного общения”» [21, с. 319].

Важной для понимания отношения Л. Толстого к смерти и Богу становится поездка писателя в Крым. 1901, 1902 годы – время тяжелых болезней героя, когда все, в том числе и сам Толстой, считали, что он не выживет. Такая «пороговая» ситуация показала, что писатель «не боится смерти». «Смерть – это окончательное освобождение от эгоистического “я”. <...> И человек естественно стремится к этому посредством любви. Но любовь к смертным тварям не освобождает. Одно освобождение – любовь к Богу. <...> Толстой “умирает” религиозным человеком. Но в нем нет никаких признаков примирения с Церковью» [21, с. 324].

«Бегство» – так определяет биограф уход Толстого из Ясной Поляны, причины которого более подробно раскрыты в книге «Лев Толстой: бегство из рая». «Положение» в доме, казалось ему, «стало невыносимым» [21, с. 361]. Вспоминая о последних днях жизни отца, Александра Львовна писала, что, несмотря на тяжелые физические страдания, Толстой сохранял «поразительное ясное сознание» [21, с. 406]. И даже в этот момент он «опять попытался сбежать» [21, с. 406].

Эпилог П.В. Басинский посвящает рассуждению о том, как Л. Толстой относился к пройденному пути, что было ценно для писателя в жизни. Биограф приходит к следующему заключению: «Смыслом существования этого величайшего моралиста была *радость жизни*». <...> Это чувство –

неперестающей радости жизни – он потерял с окончанием детства. И все оставшиеся годы потратил на то, чтобы это чувство вернуть» [21, с. 412].

В предисловии к редакции книги 2017 года, названном «Толстой как произведение», П.И. Басинский рассказывает о главной особенности своего труда. Он считает, что биографию Л.Н. Толстого нельзя представлять цепью жизненных событий, соединенных с анализом художественных произведений, как обычно пишутся биографии писателей. Анализировать, по мнению П.В. Басинского, необходимо «жизненный замысел и методы его воплощения в реальность» [22, с. 6].

В заключении приведем слова современного исследователя: «Биография, написанная В.П. Басинским, совсем по-иному возвращает нас к дню сегодняшнему, становится правдой об обществе, живущем слухами, анекдотами, мифами, стремящемся к простоте восприятия и понимания» [85, с. 218]. Добавим, что современный читатель в массе своей как раз и живет мифами, которые и ложатся в основу его представлений о реальных событиях. П.В. Басинский уловил именно эту тенденцию: как Серебряный век создавал свой миф о Толстом – возвышенный, включенный во всемирно-исторический контекст, так и наша эпоха создает свой миф о писателе, но делает это с тонкостью до наоборот: приближает его к простым смертным, уравнивает его чувства и переживания с их, то есть нашими переживаниями, что в итоге низводит гения с его пьедестала.

3.3. «Жизнь как текст»: биография Л.Н. Толстого в интерпретации А.Л. Зорина

В 2020 году вышла научно-популярная книга «Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения», написанная А.Л. Зориным. Он переработал версию английского издания и представил оригинальное по своей сути произведение о великом писателе, раскрывающее биографию через творчество. «Идея описывать личную жизнь Толстого вне его прозы, публицистики и

философии, – писал А.Л. Зорин, – кажется не слишком продуктивной». По его мнению, «произведения великих писателей и мыслителей не столько “отражают” жизнь их создателей, сколько составляют ее», поэтому задача исследователя – рассказать о жизни и творчестве писателя в их единстве и целостности, «разглядеть уникальные последовательность и цельность его жизненного пути» [79, с. 7].

Биограф в предисловии пишет, что собирается «уместить этот объемный и разнообразный материал в сжатый текст, попытавшись одновременно сохранить основные линии судьбы героя» [79, с. 7]. Уникальность труда А.Л. Зорина по отношению к другим биографиям точно отметил В. Максаков: «Он предлагает “прочитывать” жизнь Толстого как текст (и контекст) его произведений» [113].

А.Л. Зорин обращается к воспоминаниям Л. Толстого, его письмам, дневниковым записям, а также к художественным, публицистическим произведениям и архивным материалам.

Книга состоит из четырех глав, в каждой из которых автор описывает «четыре плато толстовского человеческого и идейного существования», где есть «мятущийся молодой человек, еще не знающий, какие силы в нем кроются; зрелый мужчина, пытающийся найти опору в семейной любви и писательстве; философ и мятежник, испытываемый огромной славой; и, наконец, старик (именно старик, не старец), отвергающий все свои невероятные достижения, ощущающий при всей своей запредельной славе такое же запредельное одиночество» [131]. На первый план выходит не Толстой-творец, а Толстой-человек в разные этапы своей жизни. В этом и заключается особенность данной биографии Л. Толстого.

Биография Л. Толстого изложена подробно и последовательно, но, что важно отметить как отличительную особенность труда, все факты жизни (как знакомство читателя с родителями великого писателя, так и описание этапов становления личности) сопряжены с сопоставлением характеров и поступков героев произведений Л. Толстого.

В первой главе книги – «Честолюбивый сирота» – уже традиционно повествуется о родителях Л. Толстого, его детских годах, о жизни в Казани, об армейском опыте, который распадается на два периода – кавказский и крымский.

Описывая семью Толстых, автор соотносит ее с героями «Войны и мира». Прототипом Марии Волконской (матери Л. Толстого) является Мария Болконская, Николая Толстого (отца писателя) – Николай Ростов. Татьяна Ергольская, любившая всю жизнь Николая Ильича, в романе-эпопее фигурирует в образе Сони. Детские годы, «тинейджерский период» сопоставляются с трилогией Л. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» [79, с. 17].

Особое внимание уделено творческой жизни начинающего писателя. Характерной чертой его произведений, как пишет биограф, уже тогда было соединение журналистского репортажа с «моралистическими комментариями, психологическими наблюдениями и философскими выводами», что позволяло показать внутренние мотивы героев повествования «как документальные свидетельства» [79, с. 34].

Пережитый военный опыт Л. Толстого биограф преподносит читателю с помощью анализа «Севастопольский рассказов». Новаторство писателя А. Зорин видит в том, что в произведении стирается грань между полем боя и повседневной жизнью. Горе каждого отдельного человека на войне превращается в трагедию всеобщую.

В традиционном ключе автор рассказывает и о зарубежных поездках писателя. Наблюдая за жизнью Европы и сравнивая ее с российскими реалиями, Л. Толстой приходит к выводу, «что государство есть заговор не только для эксплуатаций, но главное – для развращения граждан» [79, с. 24]. Увидев пропасть между высшими и низшими слоями общества в Европе, писатель решает установить «отношения взаимопонимания и сотрудничества между образованным дворянством и крестьянством, двумя сословиями русского общества, которые жили непосредственно на земле» [79, с. 44].

Далее А.Л. Зорин описывает второе путешествие за границу. Писатель изучает новые методы преподавания в школах. Вернувшись на родину, Л. Толстой активно занимается педагогической деятельностью. Поворотным моментом в июле 1962 года становятся обыски в доме писателя, вызванные доносами на него. Это событие оскорбило его, но и освободило от обязательств в отношении школы. Теперь Л. Толстой сосредоточивается на деле, которое он «снова стал считать своим главным призванием» [79, с. 58], а женитьба выступает как одна из необходимых ему перемен. На этих словах завершается первая глава биографии Л.Н. Толстого.

«Женатый гений» – так называется вторая глава книги, герой которой, «едва перешагнув порог двадцатилетия», думает о женитьбе, рисует образ идеальной семейной жизни [79, с. 59]. Л. Толстой представлял семью не просто союзом двух людей, а «единой симбиотической личностью» [79, с. 61]. Автор рассказывает историю любви Софьи Берс и Льва Толстого. В целом взаимоотношения Льва Николаевича Толстого и Софьи Андреевны Берс показаны в том же ключе, что и у предшествующих биографов. Отличает книгу А.Л. Зорина акцент на эротической составляющей мотивов Л. Толстого: скорая женитьба писателя, «ритм “сцен” и примирений супругов» [79, с. 110].

Отношения писателя с сестрами Берс, особенно с младшей, Татьяной, также занимают значимое место в главе. Автор пишет о дружбе Л. Толстого и Татьяны Берс, ставшей прототипом Наташи Ростовской. Софья Андреевна временами даже ревновала мужа к своей сестре – так близко было их общение. А. Зорин, в свою очередь, считает, что «Война и мир» – «самое длинное и изощренное признание, которое мужчина когда-либо делал женщине» [79, с. 90].

История создания романа «Война и мир» в соединении с историей прототипов героев произведения – важная часть повествования. А.Л. Зорин пишет о том, что, как и в других художественных текстах Л. Толстого, в «Войне и мире» читатель может узнать «alter ago» писателя,

раздвоенное между двумя главными героями: Пьером Безуховым (с его добротой, эмпатией, некоторой рассеянностью, стремлением к нравственному самосовершенствованию) и Андреем Балконским (наделенным высокими амбициями, жадой славы). Как считает биограф, эти две стороны натуры самого Л. Толстого были свойственны ему всю жизнь.

А.Л. Зорин показывает автобиографичность героев прозы Л. Толстого, в частности, персонажей «Анны Карениной». Автор проводит очевидное сопоставление семей Щербацких и Берсов, Левина и Толстого. Причем именно Левина А.Л. Зорин считает «самым автобиографическим» персонажем толстовской прозы. При этом, как и в «Войне и мире», биограф прослеживает раздвоение внутреннего мира писателя между Вронским и Левиным.

Однако не только сам Л. Толстой и близкие ему люди находят отражение в его романах. В них отражаются и семейные перипетии, и мысли Толстого о собственных отношениях с женой. Например, по мнению А.Л. Зорина разлад в семье Толстых приходится на начало 1870-х годов, после рождения пятого ребенка – Марии. Л. Толстой считает невозможной перспективу отказа от рождения детей, и его мысли имеют прямое отношение к художественной судьбе Анны Карениной. «В “Анне Карениной” окончательная деградация героини происходит не тогда, когда она изменяет мужу, и даже не тогда, когда уходит от него к любовнику, но когда она решает не иметь больше детей» [79, с. 111]. И, как замечает А.Л. Зорин, несмотря на то, что впоследствии Софья Андреевна родила еще восемь детей, именно кризис 1870-х годов стал для семьи Толстых причиной духовного разрыва.

Подобные дискурсы – общее место работ о Л. Толстом. Кроме признания самого писателя о прототипах «Войны и мира» («Я взял Таню, перетолок ее с Соней, и вышла Наташа») [187, т. 16, с. 253], мы имеем свидетельства ряда современников Толстого, в том числе самой Татьяны

Андреевны Берс. «Автобиографичность» или «автореферентность» (эта дефиниция представляется более оправданной) героев Толстого отмечают практически все исследователи его творчества [128, с. 15-18].

Особое внимание в книге отводится вопросу об отношении Л. Толстого к религии (в главе «Одиноким вождем»). Биограф пишет, что за несколько лет писатель проделал путь от «религиозного уважения» к «полноценной религиозности», но «чем глубже он погружался в мир церкви и традиционного православия, тем меньше веры обнаруживал в своей душе» [79, с. 131]. В конце концов «разрыв Толстого с православием стал итогом долгих и мучительных размышлений, но, как это чаще всего с ним бывало, внешне выглядел мгновенным и решительным» [79, с. 132-133]. А.Л. Зорин исследует «Исповедь» Л. Толстого, его трактат «В чем моя вера?» и приходит к выводу, что писатель, размышляя на тему религии, сводил «учение Христа» к пяти заповедям. Так, первая заповедь определяла мирное и уважительное сосуществование людей. Вторая заповедь, по Л. Толстому, «запрещала прелюбодеяние», в том числе исключала развод и повторный брак [79, с. 135]. Третья заповедь препятствовала принесению клятв: человек не должен присягать правительству. Самая главная – четвертая заповедь – «воспрещала противиться злу насилием» [79, с. 135]. Последняя, пятая, заповедь фактически «упраздняла деление человечества на народы» [79, с. 136]. Биограф подчеркивает, что Л. Толстой считает убеждения истинными только в том случае, если они подкреплены жизнью и поведением человека. Писателю нужно было несколько лет для того, чтобы полностью пересмотреть свой прежний образ жизни. И спустя время он начал работать в поле, носить крестьянскую одежду, перешел на самую простую пищу, а через некоторое время стал строгим вегетарианцем.

Выход романа «Воскресение» спровоцировал реакцию официальной церкви: «Синод выражал сожаление, что Толстой прервал свою связь с церковью, и надежду – что он вернется в ее лоно». Как пишет биограф, «это был серьезный акт, ставивший Толстого вне закона в собственной

стране и в то же время дополнительно поднимавший его репутацию в глазах значительной части общества, враждебно настроенной к церкви и трону» [79, с. 192].

Большое внимание А.Л. Зорин уделяет отношению Л. Толстого к «половому инстинкту», который, по мысли писателя, отнимает у человека способность к сознательному контролю над собой. Раньше эту тему в биографиях обсуждать было не принято. А.Л. Зорин, удовлетворяя читательский интерес к личной жизни великих людей, открывает эту сторону жизни героя, детально описывая отношения супругов и цитируя слова Л. Толстого на эту тему.

Подробно рассказывается о конфликтах Л. Толстого и его жены. Софья Андреевна чувствовала, что муж стремится быть ближе к бедным и обездоленным, что, как ей казалось, подрывает ее положение в семье. В книге описано, как смерть шестилетнего ребенка, а также увлечение Софьи Андреевны композитором Танеевым усугубляли непонимание и кризис в отношениях супругов. С точки зрения А.Л. Зорина, к этому добавлялось еще одно обстоятельство – появление нового человека, который становится «духовным сыном и наследником» Л. Толстого, – Владимира Григорьевича Черткова [79, с. 150], того самого, который, и по мнению П.В. Басинского, превращается в «злого гения» Софьи Андреевны. Противостояние жены Толстого и его последователя в итоге приводит к неразрешимому конфликту и окончательному расколу семьи.

Заключительная четвертая глава «Беглая знаменитость» начинается с той мысли, которая подсказана всем предшествующим «биографоведением» Л. Толстого: лейтмотивом его жизни были своеобразные «уходы». Сначала он ушел из Казанского университета, потом вышел в отставку с военной службы, потом перестал преподавать в школе; сначала он «отверг разгульную жизнь», а потом и «образ жизни богатого помещика», затем «отказался от православной церкви и социальной среды, к которой

принадлежал», и даже несколько раз «порывался бросить литературу, хотя так и не сумел довести это до конца» [79, с. 215].

В книге А.Л. Зорина складывается последовательная концепция описания финала жизни Л. Толстого, центральной здесь становится мысль о несвободе героя. Автор показывает, как любящие, заботливые люди, желающие писателю добра, не смогли вполне прислушаться к важной мысли, высказанной им незадолго до ухода из Ясной Поляны: «В числе всех суеверий, от которых страдает человечество, есть устройство других людей. <...> Если я сильно желаю устроить, я легко поддаю соблазну устроить насилие» [79, с. 241]. Находящиеся рядом с умирающим Л. Толстым люди не сказали ему о том, что приехала Софья Андреевна, что она не отходит от окон того дома, где он находится. Окружение писателя не хотело тревожить его покой, но вместе с тем лишило возможности проститься с женой, о которой он так часто говорил перед смертью. Умолчали также о приехавшем из Оптиной пустыни монахе, целью которого было попытаться убедить писателя примириться с церковью. Никто не знает, стал бы Л. Толстой тратить последние часы жизни на общение с ним, но и выбора не дали. Для облегчения мучений, как казалось всем вокруг, Толстому кололи морфий, проигнорировав его желание «уходить» в ясном сознании. Так часто при жизни писатель размышлял о смерти, готовился к ней, хотел встретить «этот торжественный момент лицом к лицу и в сознании», но и этого ему не дали осуществить [79, с. 242]. Размышляя об этом, А.Л. Зорин обращается к первым воспоминаниям Толстого, когда он, еще младенец, запеленованный родными, чувствует несвободу и хочет выбраться из оков. Более чем семьдесят лет спустя сюжет повторился. Последней фразой, произнесенной Л. Толстым стали слова: «Надо удирать, надо удирать куда-нибудь» [79, с. 243]. Получается, что в этот раз Л. Толстой воспользовался шансом «куда-нибудь “удрать”» [79, с. 243]. Так заканчивает биографический труд о Л. Толстом А.Л. Зорин.

Уникальность книги А.Л. Зорина в том, что он связывает воедино факты жизни Л. Толстого, истории героев его произведений, дневниковые записи писателя и показывает человека, который был главным судьей для самого себя и до последнего дня стремился к совершенству. Книга «предлагает взглянуть с острого угла не только на тексты Льва Николаевича, но и на личные страхи великого писателя, мешавшие ему жить, однако позволившие создать великие произведения изящной словесности» [113]. Она «отвечает» времени, запросам читателей, интересующихся подробностями личной жизни великих людей.

В третьей главе мы рассмотрели биографии Л. Толстого, написанные А. М. Зверевым и В.А. Тунимановым, П.В. Басинским, А.Л. Зориным.

Научно-популярные биографии П.В. Басинского и А.Л. Зорина подробно описывают жизнь Л. Толстого от рождения до смерти. Помимо рассказа об общественных событиях, анализа личной и творческой сторон жизни писателя, труды содержат неизвестные или не обсуждаемые ранее подробности семейной драмы Л. Толстого. Кризисные периоды духовных исканий мыслителя авторы во многом связывают со сложностями во взаимоотношениях супругов. Современные биографы увидели в Л. Толстом прежде всего человека, а уже потом – гения. Однако в обеих биографиях Л. Толстой предстает и учителем жизни, способным просто, по-человечески ответить на духовные запросы людей уже новой эпохи. И это – сильная сторона книг, созданных П.В. Басинским и А.Л. Зориным.

Биография, написанная А.М. Зверевым и В.А. Тунимановым, в более традиционном ключе рисует фигуру Л. Толстого. Он предстает как художник и философ на фоне своей сложной эпохи. Однако автор видит некоторое созвучие времен – эпохи Л. Толстого и современности, с ее «утилитаризацией и капитализацией», что позволяет нам задать писателю насущные вопросы и получить ответы [85, с. 218]. Несомненным достоинством книги являются достоверность и объективность изложения

материала (если последняя вообще возможна в современных биографиях великих людей), что ставит труд А.М. Зверева и В.А. Туниманова в один ряд с произведениями П.И. Бирюкова, В.Б. Шкловского, Б.М. Эйхенбаума.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерес исследователей к жанру биографии неслучаен. Известный человек, а тем более писатель – это не только интересная личность, а еще и живое отражение истории. Он является героем своего времени, и в его судьбе «читается» социальная и духовная жизнь эпохи. Следовательно, биограф, а вместе с ним и читатель приближаются к культуре того или иного периода, к ментальности и социальному быту времени. Особое место среди жизнеописаний занимают литературные (писательские) биографии, являющиеся наиболее привлекательными как для широкого круга читателей, так и для ученых.

Исследуя жизнь выдающегося человека, биограф сталкивается со сложностями в интерпретации событий, ведь его герой – это личность, которая «борется и сама лепит свою судьбу, она активна, и ее психический склад, часто странный для современников, “в грядущем поколении поэта приведет в восторг и в умиление”» [105, с. 235]. Но не только на героя биографии влияет эпоха, в которой он живет. Для жанра биографии принципиальным становится и исторический период, к которому принадлежит исследователь. Бывает, что «жесткое следование биографа своей концепции опасно» – концепции «быстро стареют» [105, с. 236].

Биографическая книга, проходящая в «потоке времени» сквозь века, трансформируясь и сохраняя основополагающие черты жизнеописания, способна воздействовать «через биографию человека прошлого на его потомков» благодаря своеобразному «синтезу науки и искусства» [199, с. 29]. Задача биографа – раскрыть образ героя книги, проследив его жизненный путь. Однако в соответствии с эпохой написания каждая биография отражает настроения, веяния своего времени, привнося свои особенности. Рецепция гениальности личности героя повествования меняется в зависимости от ценностных ориентиров общества.

Исторический фон напрямую влияет на фокус повествования и на авторские стратегии создания образа Л. Толстого. Современники писателя, увидевшие в нем «живого гения», в своих работах определили те тенденции, которые нашли свое продолжение в трудах авторов последующих эпох. И здесь нельзя не выделить П.И. Бирюкова – первого биографа Л. Толстого. Он задает ту хронологическую канву, которой придерживаются последующие исследователи жизни Л. Толстого. Тактичность в описании семейной жизни, фактографичность материала, достоверные источники, – все это позволяет считать труд П.И. Бирюкова «точкой отсчета» в истории рецепции писателя. Особенностью биографии является то, что П.И. Бирюков «смотрит» на жизнь писателя сквозь призму его же «Воспоминаний», дневников, писем. Стараясь включать в текст большое количество архивных материалов, цитат из «Исповеди» Л. Толстого, биограф избегает самостоятельных оценок тех или иных действий героя. Во многом продолжают его традиции Г.И. Лебедев, Н.Н. Гусев, в постсоветский период – А.М. Зверев и В.А. Туниманов.

Н.Н. Гусев оказывается в особом положении: будучи современником Л. Толстого и принадлежа к близкому его окружению, он пишет биографию в традиционном ключе, при этом соблюдая идеологический этикет. Мы встречаем ссылки на цитаты В.И. Ленина, но обращение к ним носит формальный характер. В начале первого тома автор подвергает сомнению успех биографии своего предшественника П.И. Бирюкова и ставит перед собой задачу – описать жизнь Л. Толстого максимально подробно и правдиво. Однако преемственность все же ощущается. Основные этапы жизни писателя трактуются в том же ключе, что и первым биографом Л. Толстого. Большое количество архивных материалов, доступных Н.Н. Гусеву, дало ему возможность подробнее пересказать события жизни, однако общий пафос повествования отличается незначительно. Биограф чаще по отношению к своему предшественнику обращается к художественным

произведениям Л. Толстого для сопоставления взглядов персонажей с героем биографии.

Д.С. Мережковский выбирает оригинальный ракурс для исследования жизни и творчества писателя: он «рисует» особый образ Л. Толстого, создавая свой миф о нем. Автор монографии «Л. Толстой и Достоевский» уникальным образом исследует жизнь и творчество писателей через сопоставление их друг с другом и включение во всемирно-исторический контекст. При этом на первый план выступает не внешняя жизнь Л. Толстого, а ее внутренняя составляющая. Особый акцент в книге сделан на кризисе конца 1870-х – начала 1880-х годов, который изменил Л. Толстого, вознес его на небывалый духовный уровень.

Е.А. Соловьев выдвигает «сословный» подход к интерпретации жизни писателя, и этот подход будет активно эксплуатироваться в советскую эпоху, что подтверждают биографии Л. Толстого, написанные А.И. Поповкиным, Н.К. Гудзием. Биографии авторов советского периода отличаются тем, что идеи Л. Толстого раскрываются в контексте исторических событий. Однако даже через советские языковые клише читатель проникает в особый жизненный и творческий мир Л. Толстого.

Книга «Л. Н. Толстой. Биография: Пособие для учащихся» А.И. Поповкина предназначается советским школьникам. Автор развивает ленинский взгляд на осмысление фигуры писателя. Например, духовный кризис Л. Толстого связывается с осознанием гибели идеи единства классов, а также невозможности дворянства спасти народные массы от нищеты и угнетения.

Н.К. Гудзий в очерке «Лев Толстой», как и А.И. Поповкин, придерживается марксистско-ленинской идеологии и рассматривает события жизни, духовные искания писателя в идеологическом ключе. Делая акцент на творческой стороне жизни Л. Толстого, он связывает основу взглядов его героев с идеями русской революции.

В.Б. Шкловский и Б.М. Эйхенбаум резко отличаются от авторов своей эпохи. Труд Б.М. Эйхенбаума нельзя назвать биографией в классическом понимании этого слова, он стоит особняком в ряду трудов о Л. Толстом, его книги – научные исследования жизни, деятельности и творчества писателя, являющегося органичной и самобытной частью исторического процесса. Ученый описывает целую эпоху с ее общественно-политическими и идейными настроениями, включая в нее исследование биографии Л. Толстого.

«Лев Толстой» В.Б. Шкловского – биография, в которой уникальным образом раскрывается образ героя: автор берет за основу воспоминания Л. Толстого из четырехтомной работы П.И. Бирюкова и описывает переживания писателя, соотнося их с процессом творчества. Метод В.Б. Шкловского заключается и в «узнавании» героя биографии через детали быта. Автор создает первую романизованную биографию Л. Толстого, при этом не допуская снижения образа героя книги, в то время как в иную историческую эпоху эта тенденция к романизации приводит П.В. Басинского и А.Л. Зорина к противоположным результатам.

Особое место в ряду современных биографий Л. Толстого занимает книга А.М. Зверева и В.А. Туниманова. В свое время Ю. Лотман писал, что «смешение ... двух типов книг – биографии автора и анализа им созданных произведений – редко приводит к удаче» [106, с. 110]. Авторы книги искусно используют прием слияния жизненного и творческого: они анализируют душевные переживания Л. Толстого с точки зрения аналитики героев его произведений. Биографы рисуют два образа писателя: Толстого-художника, мыслителя и Толстого-гражданина, общественного деятеля. Целостность этих двух ипостасей определена его творчеством. Книга А.М. Зверева и В.А. Туниманова «написана в период распада уже советской империи, когда у миллионов людей появилась надежда (вера) увидеть обновленную Россию, свободную и духовно возрожденную»; «это, пожалуй, первая биография, в

которой Толстой представлен в эволюции его творческого мышления, развивающегося от художественного к философскому и от философского к религиозному и духовно-практическому» [85, с. 212].

П.В. Басинский в книге «Лев Толстой: бегство из рая» на основании документального материала расследует уход писателя из Ясной Поляны. Оказывается, что для постижения истинных мотивов героя необходимо последовательно изучить его биографию. Автор указывает на «уходы» Л. Толстого, его «бегства» в разные периоды жизни: отчисление из университета, отъезд на Кавказ, а позже – за границу, отказ от литературных прав. Таких вех в жизни героя оказывается множество. Черета «уходов», обозначенная биографом, напоминает построение биографии Л. Толстого Г.И. Лебедевым. Однако П.И. Басинский первым так смело вводит слово «бегство», настаивая на этой трактовке главного сюжета жизни героя. В другой книге о писателе «Лев Толстой – свободный человек» П.В. Басинский ставит перед собой цель кратко, но одновременно занимательно рассказать о жизни Л. Толстого. Автор выделяет ключевые моменты биографии. Снова вспоминается Г.И. Лебедев, который строил повествование на ключевых, по его мнению, событиях – «уходах» Л. Толстого.

А.Л. Зорин в биографии «Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения» рассматривает жизнь писателя как текст. На протяжении всего повествования автор сопоставляет характеры и поступки персонажей произведений с переживаниями и фактами биографии самого Л. Толстого. Иллюстрация автобиографичности героев прозы писателя – цель А.Л. Зорина. Автор проникает в интимные переживания семьи Толстых, ищет истоки их проблем. Замысел книг П.В. Басинского и А.Л. Зорина отвечает на «запрос» времени и, соответственно, современного читателя. Авторы работ постсоветского периода ставят перед собой задачу рассмотреть причины поступков Л. Толстого с точки зрения внутрисемейных отношений. Фокус внимания биографов сконцентрирован на личной стороне жизни писателя,

описываются неизвестные или не обсуждаемые ранее подробности личной, семейной жизни Л. Толстого. Авторы увидели в нем прежде всего человека, а уже потом – гения.

Смена исторического контекста влияет и на интерпретацию периодов жизни Л. Толстого, его поступков, духовного саморазвития. Вслед за первыми биографами Л. Толстого авторы советского и постсоветского периодов изображают *ранний этап* жизни как счастливый и безмятежный, наполненный всеобъемлющей любовью. Смерть отца и матери повлияли на мировосприятие будущего писателя. Мать, умершая, когда мальчику не было и двух лет, превращается в его сознании в идеальный духовный образ.

При описании *казанского периода* жизни Л. Толстого авторы всех биографий обращают внимание на то, что герой повествования отличается от остальных студентов своим подходом к науке. Интерпретация причин ухода Л. Толстого из университета и вступления *в помещичьи права в Ясной Поляне* проявляет различие во взглядах биографов. Современники писателя, авторы постсоветского периода вслед за П.И. Бирюковым делают акцент на внутреннем конфликте, переживаемом юным Л. Толстым, тогда как уже Е.А. Соловьев, предвзято идею советского периода, отразившиеся в работах А.И. Поповкина и Н.К. Гудзия, причину событий видит в желании героя сблизиться с простым народом. Б.М. Эйхенбаум и В.Б. Шкловский в своих трудах уделяют небольшое внимание этому этапу жизни, их исследовательский интерес сосредоточен в большей степени на творческой работе Л. Толстого тех лет.

Военная служба традиционно рассматривается как знаковая веха в жизни писателя. Авторы биографий показывают, что на его мировоззрение особенно влияет крымский период: Л. Толстой получает возможность изнутри увидеть реалии войны, фигуру обычного солдата. Все это приводит к созданию «Севастопольских рассказов», напечатанных в «Современнике». Е.А. Соловьев, а затем А.И. Поповкин и Н.К. Гудзий продолжают мысль о

связи Л. Толстого с народом и подчеркивают, что именно в период армейской службы эта связь укрепляется. Б.М. Эйхенбаум и В.Б. Шкловский исследуют не только событийную сторону периода военной службы, но и ту большую творческую работу, которую ведет Л. Толстой. В постсоветский период авторы трудов уделяют внимание анализу нравственных исканий писателя.

Знаковым событием становится увиденная Л. Толстым в *первую заграничную поездку* смертная казнь. Каждый биограф акцентирует внимание на том ужасе, который испытал писатель при виде искусно созданной машины, убивающей людей. Авторы трудов следуют за П.И. Бирюковым, передают мысли Л. Толстого о том, что даже на войне смерть не кажется ему такой жестокой. Зрелище казни убивает веру писателя в социальные свободы Запада. *Вторая заграничная поездка* также изображается биографами схожим образом: писатель путешествует с целью расширить свои познания в сфере педагогики, узнать об основных тенденциях Европы. Однако омрачает этот период трагическое событие – смерть любимого брата Л. Толстого.

Возвращение писателя в Россию из Европы ознаменовывается активной общественной и педагогической работой. Авторы подробно описывают *деятельность Толстого в качестве мирового посредника*. П.И. Бирюковым представляются материалы дел, с которыми работает Л. Толстой. Бросается в глаза очевидная симпатия Л. Толстого к крестьянам и большое доверие народа к нему. Все биографы считают, что он твердо держится своих принципов. Принимая сторону простых людей, он не может противостоять системе, поэтому прекращает свою деятельность в этой должности.

Особое место в работах занимает *вопрос о педагогической деятельности* Л. Толстого. Авторы-современники Л. Толстого и биографы последующих периодов рассказывают о его взглядах на систему обучения, об открытии яснополянской школы, о журнале «Ясная Поляна», о статьях

писателя, посвященных образованию. Своеобразно описывается педагогическая деятельность Б.М. Эйхенбаумом: Л. Толстой со своей личной системой ценностей оказывается независим от общественных сил и мнений – он открывает свою, непохожую ни на одну другую, школу, в которой сам становится учителем. Эйхенбаум демонстрирует, как Толстой, проживая свой опыт, смотрит на мир «через» себя. Эту особенность восприятия жизни уловил и В.Б. Шкловский. В ином ключе изображается этот период сторонниками «сословного» подхода: Е.А. Соловьевым, А.И. Поповкиным и Н.К. Гудзием. Они интерпретируют деятельность Л. Толстого как закономерный итог сближения с народом.

Следующим важным событием является, конечно, *женитьба Л. Толстого на С. Берс*. Любовь супругов, желание создать цельную, прочную семью, спокойствие и счастье семейной жизни являются главным предметом описания этого периода в трудах большинства биографов. Авторы биографий подробно изображают взаимоотношения Л. Толстого с семьей Берсов, с тремя сестрами. Б.М. Эйхенбаума в меньшей степени интересует семейная жизнь Л. Толстого. Наибольшее внимание этой теме уделяют авторы постсоветского периода. П.В. Басинский и А.Л. Зорин напрямую связывают душевное состояние писателя с его семейным благополучием.

Б.М. Эйхенбаум пишет о сложившейся в 1860-е годы общественной ситуации: создании противоборствующих партий. Показательно отношение Л. Толстого, который остается вне этих групп – со своей личной моралистической позицией. Подчеркивая обособленность и самостоятельность мировоззрения Толстого, ученый также отмечает подвижность взглядов писателя, связывая это с его методом «диалектики души».

Еще одна знаковая веха в жизни писателя – *создание «Азбуки»*. Л. Толстой в изображении всех биографов придает огромное значение своей работе над универсальной книгой для начального образования, написанной

им для нескольких поколений русских детей. П.И. Бирюков уделяет большое внимание обзору педагогической работы, подробно говоря о замысле и его реализации. В.Б. Шкловский не только в деталях рассказывает о труде Л. Толстого, но и приводит иллюстративный материал из рукописей писателя.

В начале семидесятых годов Л. Толстой глубоко погружается в религию: посещает святые места, беседует со священнослужителями. В душе начинает зреть духовный кризис. Авторы трудов описывают конфликты, возникающие в семье писателя. С конца 1870-х годов Л. Толстой мучается неразрешимыми вопросами, которые становятся причиной *духовного кризиса*. Стремление писателя отыскать смысл существования приводит к непониманию его идей близкими людьми и, как следствие, к отстранению от него некоторых членов семьи. Современники Л. Толстого видят причину кризиса в несовпадении духовных масштабов самого писателя и его близкого окружения, а также общества в целом. Д.С. Мережковский оценивает этот период как узловую, поворотную в жизни Л. Толстого, поделивший жизнь на две половины и поднявший писателя на небывалый духовный уровень. Авторы советского периода делают акцент на том, что Л. Толстой оказывается вне общественно-политических установок. Биографы постсоветского периода, напротив, видят истоки духовных метаний писателя в остром семейном конфликте. *Попытка ухода Л. Толстого из Ясной Поляны* в 1884 году становится следствием кризисного состояния.

Важным событием в жизни писателя является его *отказ от прав на литературную собственность*. Это происходит под влиянием идей Л. Толстого о недопустимости получения денег за литературные произведения, которые должны иметь возможность беспрепятственно читать простые люди. Авторы-современники Л. Толстого видят причины этого поступка в духовной высоте писателя, которая позволяет ему подняться над житейскими материальными проблемами. Биографы советского периода в первую очередь отмечают включенность Л. Толстого в общественно-

историческую ситуацию, которая обуславливает этот сложный шаг. Авторы постсоветского периода снова предлагают переключить фокус внимания на разлад в супружеских отношениях и отсутствие взаимопонимания в семье.

Авторы биографий рассказывают о *периоде голода* в Рязанской губернии 1891–1892 годов. Писатель организывает помощь голодающим и нуждающимся, испытывая потребность находиться в этот трудный момент вместе со страдающим народом.

В 1895 году происходит событие, сравнимое по трагичности со смертью Николая Николаевича Толстого, – *смерть* самого младшего и любимого ребенка Толстых, *Вани Толстого*. Потеря этого мальчика, которого в семье считали будущим продолжателем таланта отца, становится роковой для родителей и образует пропасть между ними, которую они так и не смогли преодолеть. В книгах всех биографов это событие оценивается как одно из самых трагических в жизни Л. Толстого.

Следующее событие во всех биографиях описывается как знаковое: в результате все усиливающегося влияния Л. Толстого на народ власти идут на решительный шаг. Публикация романа «Воскресение» подталкивает Синод объявить об *отлучении* писателя от церкви.

Болезнь Л. Толстого 1901-1902 гг. также оказывается в фокусе внимания всех биографов, поскольку состояние писателя в эти годы оценивается врачами как критическое. П.В. Басинский называет этот период «репетицией смерти» [21, с. 322]: Л. Толстой считает, что его болезнь «благодетельна», и покорно принимает ее, тем самым как бы «выдерживает испытание» своих идей [21, с. 326].

Причины *ухода писателя из Ясной Поляны* не совсем ясны биографам. Большинство (в том числе П.И. Бирюков, Г.И. Лебедев, В.Б. Шкловский, А.И. Поповкин, П.В. Басинский, А.Л. Зорин) считают этот уход спланированным. Авторы излагают мотивы, которыми мог руководствоваться Л. Толстой: сложные отношения с Софьей Андреевной,

желание найти покой, поиск нового образа жизни, стремление уйти от славы. На этом фоне выделяется точка зрения А.М. Зверева и В.А. Туниманова. По их мнению, это импульсивный и стремительный порыв писателя, бегство. Мотив «бегства» прослеживается и в книгах Г.И. Лебедева и П.В. Басинского; только эти авторы «бегством» называют неожиданный уход, решение о котором было давно принято Л. Толстым.

Смерть Л. Толстого – трагедия для семьи, последователей, учеников, всего народа и всего мира. Единые в этом описании, биографы Л. Толстого рассказывают о его смерти как о всенародном горе. Невероятно много людей прощается с писателем, который даже перед смертью думает не о себе, а о других: «Только одно советую вам помнить: есть пропасть людей на свете, кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва...» [30, т. 4, с. 644].

Таким образом, в работах разных эпох живут настроения, идеи времени. Сохраняя в своих трудах ориентацию на потребности общества, каждая биография Л. Толстого дает возможность окунуться в историко-социальный контекст ее создания.

Удивительным кажется и то, что большинство современников Л. Толстого говорили о невозможности оценить масштаб личности писателя при его жизни. Собственные труды они оценивали как нечто неполное и недосказанное. Но в действительности, несмотря на непрекращающийся интерес к жизни Л. Толстого, авторы, открывающие все новые грани его личности, неизменно обращаются к первым прижизненным трудам о писателе, находя в них что-то новое и зачастую вступая с ними в диалог.

Каждая биография Л.Н. Толстого по-своему уникальна. Авторы «открывали» фигуру мыслителя, исходя из собственных представлений, идей и задач, лежащих в основе создания книги. Возможно, главное во всех трудах – обращение к вечному, пусть и на языке своего времени. «Жизнь» биографии Л. Толстого продолжается: продолжается работа исследователей, включается новый материал или интерпретируется по-иному уже известный. Очевидно одно – какими бы ни были

представления о тех или иных событиях жизни Л.Н. Толстого в концепции биографов, они не могут сузить масштаб его фигуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография / С. С. Аверинцев // Образ античности. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 225–465.
2. Адамович Г. Мережковский / Г. Адамович // Д. С. Мережковский: pro et contra : Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников : Антология. – Санкт-Петербург. – С. 389–401.
3. Адамович Г. В. Одиночество и свобода / Г. В. Адамович. – Москва : Республика, 1996. – 446 с.
4. Адамович Г. В. Собрание сочинений : в 2 книгах / Г. В. Адамович. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – Кн. 1 : Литературные беседы, публиковавшиеся в парижском журнале «Звено» в 1923-1926 гг. – 570 с. ; Кн. 2 : Литературные беседы, публиковавшиеся в парижском журнале «Звено» в 1926-1928 гг. – 506 с.
5. Айхенвальд Ю. И. Лев Толстой / Ю. И. Айхенвальд. – Москва : «Кооперативное издательство», 1920. – 70 с. – (Строители жизни).
6. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей / Ю. И. Айхенвальд – Москва : Terra-Кн. клуб : Республика, 1998. – Т. 1. – 303 с.
7. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей / Ю. И. Айхенвальд. – Изд. 2-е, изм. – Москва : Научное слово, 1909. – Вып. 2. – 1909. – 200 с.
8. Алексеева Г. В. Британская и американская пресса об уходе и смерти Льва Толстого : (по материалам фондов Дома Л. Н. Толстого) / Г. В. Алексеева // Лев Толстой в Иерусалиме : материалы международной научной конференции «Лев Толстой: после юбилея». – Москва, 2013. – С. 27–38.
9. Алексеева Г. А. Личная библиотека Л. Н. Толстого как часть Всемирного документального наследия ЮНЕСКО / Г. В. Алексеева //

- Экслибрисы в библиотеках литературных музеев России. – Москва : МСК, 2018. – С. 7–25.
10. Алексеева Г. В. Личная библиотека Л. Н. Толстого как музейная коллекция и как объект научных исследований / Г. В. Алексеева // Литературные музеи в контексте истории и культуры : Всероссийская научная конференция под эгидой Ассоциации литературных музеев Союза музеев России, 2–3 июня 2018 г. : сборник статей. – Москва, 2019. – С. 116–124.
 11. Алексеева Г. В. Социальные манифесты Льва Толстого и Джона Кенворти (по материалам личной библиотеки Л. Н. Толстого) / Г. В. Алексеева // Лев Толстой и мировая литература : материалы XI Международной научной конференции. – Тула, 2021. – С. 153–162.
 12. Амфитеатров А. В. Современники : [статьи] / А. В. Амфитеатров. – Москва : Склад издания книжный магазин Д. П. Ефимова, преемница А. Д. Друтман, [1908]. – 232 с.
 13. Андреевский С. А. Литературные чтения: Баратынский. Достоевский. Гаршин. Некрасов. Лермонтов. Лев Толстой / С. А. Андреевский. – Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1891. – 288 с.
 14. Апостолов Н. Н. Лев Толстой, его жизнь и непонимание / Н. Н. Апостолов. – Киев : Изд. Общества истинной свободы в память Л. Н. Толстого, 1920. – 48 с.
 15. Арабажин К. И. Этюды о русских писателях / К. И. Арабажин. – Санкт-Петербург : Прометей (Н. Н. Михайлов), 1912. – 216 с.
 16. Бавильский Д. Четыре книги Эйхенбаума о Толстом : Складывание канона / Д. Бавильский // Литература : электронный литературный журнал. – 2020. – № 157. – URL: <https://litteratura.org/criticism/3776-dmitriy-bavilskiy-chetyre-knigi-eyhenbauma-o-tolstom-skladyvanie-kanona.html> (дата обращения: 15.05.22).
 17. Бавильский Д. Четыре книги Эйхенбаума о Толстом : К истории «Войны и мира», а также «Анны Карениной» / Д. Бавильский //

- Литература : электронный литературный журнал. – 2020. – № 159. – URL: <https://litteratura.org/criticism/3811-dmitriy-bavilskiy-chetyre-knigi-eyhenbauma-o-tolstom-k-istorii-voyny-i-mira-a-takzhe-anny-kareninoy.html> (дата обращения: 15.05.22).
- 18.Базанов М. А. Интеллектуальная биография: контуры нового жанра в российской и украинской историографии / М. А. Базанов // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. – 2016. – № 55. – С. 221–234.
- 19.Барахов В. С. Литературный портрет : (Истоки, поэтика, жанр) / В. С. Барахов. – Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1985. – 312 с.
- 20.Басинский П. В. Лев Толстой: бегство из рая / П. В. Басинский. – Москва : АСТ : Астрель, 2011. – 636 с.
- 21.Басинский П. В. Лев Толстой – свободный человек / П. В. Басинский. – Москва : Молодая гвардия, 2016. – 416 с. – (Жизнь замечательных людей).
- 22.Басинский П. В. Толстой как произведение / П. В. Басинский // Лев Толстой. Свободный человек / П. В. Басинский. – Москва, 2017. – С. 5–6.
- 23.Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности//Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – Москва, 1986. – С. 7–180.
- 24.Бахтин М. М. Статьи о Льве Толстом / М. М. Бахтин // Дон. – 1988. – № 10. – С. 160–172.
- 25.Беленький И. Л. Биография как историко-культурная проблема (к историографии темы в отечественной литературе) / И. Л. Беленький // Историческая биография : сборник обзоров. – Москва, 1990. – С. 136–164.
- 26.Бельчиков Н. Ф. Пути и навыки литературоведческого труда : учебное пособие / Н. Ф. Бельчиков. – Москва : Высшая школа, 1975. – 238 с.

27. Бердяев Н. Типы религиозной мысли в России. Новое христианство / Н. Бердяев // Русская мысль : журнал научный, литературный и политический. – Москва, 1916. – Год тридцать седьмой, кн. VII. – С. 52-72.
28. Березин В. С. Виктор Шкловский / В. С. Березин. – Москва : Молодая гвардия, 2014. – 508 с. – (Жизнь замечательных людей : ЖЗЛ. Серия биографий ; вып. 1669 (1469)).
29. Биbihин В. В. Дневники Льва Толстого / В. В. Биbihин. – Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2012. – 478 с.
30. Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого : [в 2 книгах] / П. И. Бирюков. – Москва : Алгоритм, 2000. – Кн. 1. – 528 с. ; Кн. 2. – 656 с.
31. Бочаров С. Г. Два ухода : Гоголь, Толстой / С. Г. Бочаров // Вопросы литературы. – 2011. – № 1. – С. 9–35.
32. Булгаков В. Ф. Лев Толстой в последний год его жизни / В. Ф. Булгаков. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Задруга, 1918. – 367 с.
33. Булгаков В. Ф. У Л. Н. Толстого в последний год жизни : дневник В. Ф. Булгакова / В. Ф. Булгаков. – Москва : Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1911. – 336 с.
34. Бунин И. А. Собрание сочинений : в 9 томах / И. А. Бунин. – Москва : Художественная литература, 1967. – Т. 9 : Освобождение Толстого. О Чехове : избранные биографические материалы, воспоминания, статьи. – 621 с.
35. Бушканец Е. Г. Юность гения / Е. Г. Бушканец // Нева. – 2008. – № 8. – С. 188–206.
36. Бялый Г. М. Эйхенбаум – историк литературы / Г. М. Бялый // Эйхенбаум Б. М. О прозе : сборник статей. – Ленинград, 1969. – С. 5–20.
37. Валевский А. Л. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла / А. Л. Валевский // Лица : биографический альманах. – Москва ; Санкт-Петербург, 1995. – Вып. 6. – С. 32–68.

38. Валевский А. Л. Основания биографики / А. Л. Валевский. – Киев : Наукова думка, 1993. – 110 с.
39. Вересаев В. В. Сочинения : в 4-х томах / В. В. Вересаев. – Москва : Гослитиздат, 1947 (6-я тип. треста «Полиграфкнига»). – Т. 2 : Повести и рассказы. Рассказы о японской войне. Живая жизнь. – 672 с.
40. Вересаев В. В. Художник жизни : (О Толстом) / В. В. Вересаев. – Москва, Дом печати, 1922. – 108 с.
41. Виноградов В. В. Личность / В. В. Виноградов // История слов. – Москва, 1994. – С. 271–305.
42. Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение / Г. О. Винокур. – Москва : Издательство ЛКИ, 2007. – 96 с.
43. Вогюэ Э. М. Современные русские писатели. Толстой. / Сочинения Мельхиора де Вогюэ. – Москва : Типография В. Ф. Рихтер, 1887. – 60 с.
44. Волжанин О. Правда о С. А. Толстой / О. Волжанин // Вестник литературы. – 1921. – № 6–7. – С. 2–5 ; № 8. – С. 2–4.
45. Воронский А. К. Литературные портреты : в 2 томах / А. К. Воронский. – Москва : Федерация, 1928–1929. – Т. 1. – 471 с. ; Т. 2. – 1929. – 328 с.
46. Вяземский П. А. Фонвизин / [сочинения] князя Петра Вяземского. – Санкт-Петербург : Типография департамента внешней торговли, 1848. – 466 с.
47. Герцен А. И. Былое и думы : Роман / А. И. Герцен. – Москва : Художественная литература, 1967. – Т. 2, ч. 4/5 – 571 с.
48. Гинзбург Л. Я. О документальной литературе и принципах построения характера / Л. Я. Гинзбург // Вопросы литературы. – 1970. – № 7. – С. 62–91.
49. Гинзбург Л. О психологической прозе / Л. Гинзбург. – Изд. 2-е. – Ленинград : Художественная литература, 1977. – 448 с.
50. Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом / Л. Я. Гинзбург. – Ленинград : Советский писатель, 1989. – 60 с.

51. Гиппиус-Мережковская З. Н. Д. Мережковский / З. Н. Гиппиус-Мережковская // Серебряный век. Мемуары : сборник. – Москва, 1990. – С. 15–110.
52. Голицын Н. Н. Библиографический словарь русских писательниц / [сочинения] Кн. Н. Н. Голицына. – Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашева, 1889. – 308 с.
53. Голос Москвы : ежедневная политическая, литературная и экономическая газета / Издатель и редактор А. И. Гучков. – Москва : А. И. Гучков, 1910. – добав. к № 257 : Памяти великого писателя земли русской Льва Николаевича Толстого.
54. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого : (Записи за пятнадцать лет) / А. Б. Гольденвейзер. – Москва : Коопиздат : Голос Толстого, 1922. – Т. 1. – 370 с.
55. Гордин Я. Возможен ли роман о писателе? / Я. Гордин // Вопросы литературы. – 1975 – № 9. – С. 190–210.
56. Громова-Опульская Л. Д. Комментарии / Л. Д. Громова-Опульская // Собрание сочинений : в 22 томах / Л. Н. Толстой. – Москва, 1982. – Т. 10. – С. 504–522.
57. Гудзий Н. К. Лев Николаевич Толстой : критико-биографический очерк / Н. К. Гудзий. – Изд-е 3-е перераб. и доп. – Москва : Гослитиздат, 1960. – 212 с.
58. Гудзий Н. К. Лев Николаевич Толстой / Н. К. Гудзий. – 2-е изд., испр. – Москва : Издательство Московского университета, 1956. – 115 с.
59. Гусев Н. Н. Жизнь Льва Николаевича Толстого : Л. Н. Толстой в расцвете художественного гения (1862-1877) / Н. Н. Гусев. – [Москва] : Толстовский музей, [1927]. – 296 с. – (Труды Толстовского музея : К столетию со дня рождения Л. Н. Толстого) .
60. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой : материалы к биографии с 1828 по 1855 год / Н. Н. Гусев. – Москва : Издательство АН СССР, 1954. – 720 с.

61. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой : материалы к биографии с 1855 по 1869 год / Н. Н. Гусев. – Москва : Издательство АН СССР, 1957. – 916 с.
62. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой : материалы к биографии с 1870 по 1881 год / Н. Н. Гусев. – Москва : Издательство АН СССР, 1963. – 694 с.
63. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой : материалы к биографии с 1881 по 1885 год / Н. Н. Гусев. – Москва : Наука, 1970. – 558 с.
64. Гусейнов А. А. Чем был обусловлен и в чем заключался духовный переворот Льва Николаевича Толстого / А. А. Гусейнов // Философский журнал. – 2015. – Т. 8, № 4. – С. 5–14.
65. Густафсон Р. Ф. Обитатель и Чужак: теология и художественное творчество Льва Толстого. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2003. – 480 с.
66. Давыдов Н. В. Из прошлого / Н. В. Давыдов. – Москва : Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1913. – 432 с.
67. Демченко А. А. Научная биография писателя как тип литературоведческого исследования / А. А. Демченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14, вып. 4. – С. 51–61.
68. Демченко А. А. Научно-биографическое изучение русских писателей-классиков (Н. Г. Чернышевский) : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : / Демченко Адольф Андреевич. – Ленинград, 1982. – 29 с.
69. Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография / А. А. Демченко // iknigi.net [сайт]. – URL: <https://iknigi.net/avtor-adolf-demchenko/107484-n-g-chernyshevskiy-nauchnaya-biografiya-18281858-adolf-demchenko/read/page-1.html> (дата обращения: 12.04.22).
70. Долинин А. Дмитрий Мережковский / А. Долинин // Русская литература XX века (1890-1910). – Москва, 1914. – Т. 1. – С. 319–326.

71. Дубин Б. В. Биография, репутация, анкета : о формах интеграции опыта в письменной культуре / Б. В. Дубин // Лица. Биографический альманах. – Москва ; Санкт-Петербург, 1995. – Вып. 6. – С. 7–31.
72. Евлампиев И. О характере религиозности Льва Толстого и о ее влиянии на западную философию / И. Евлампиев // Лев Толстой и мировая литература : Материалы X Международной научной конференции. – Тула, 2018. – С. 3–20.
73. Елпатьевский С. Я. Литературные воспоминания : Л. Н. Толстой, П. Ф. Якубович, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. Ф. Анненский, В. М. Соболевский / С. Я. Елпатьевский. – Москва : Книгоиздательство Писателей, 1916. – 141 с.
74. Жирмунский В. М. Введение в литературоведение : курс лекций / В. М. Жирмунский. – Изд. 3-е. – Москва : URSS, 2004. – 461 с.
75. Жуков Д. А. Биография биографии : Размышление о жанре / Д. А. Жуков. – Москва : Советская Россия, 1980. – 135 с.
76. Журавлева А. А. Антитеза «Жизнь-счастье Толстого жизнь-страдание Достоевского» в работе Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» / А. А. Журавлева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 26 – С. 43–47.
77. Журавлева А. А. Д. С. Мережковский критик Л. Н. Толстого / А. А. Журавлева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2004. – №1. – С.66–70.
78. Зверев А. Лев Толстой / А. Зверев, В. Туниманов. – Москва : Молодая гвардия, 2006. – 782 с. – (Жизнь замечательных людей : Серия биографий ; Выпуск 1016).
79. Зорин А. Л. Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения / А. Л. Зорин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 248 с.
80. Иванова Е. А. Теоретические основы и актуальные проблемы жанра биографии / Е. А. Иванова // Известия Саратовского университета.

- Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2012. – Т. 12, № 3. – С. 43–49.
81. Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли / Р. В. Иванов-Разумник. – Изд. 5-е переработ. – Петроград, Революционная мысль, 1918. – Ч. 6 : От семидесятых годов к девяностым. – 173 с.
82. Иванов-Разумник Р. В. [Сочинения] / Р. В. Иванов-Разумник. – [Санкт-Петербург] : Кн-во Прометей Н. Н. Михайлова, 1912. – Т. 4 : Лев Толстой. – 171 с.
83. Калмыкова А. М. Встречи с Л. Н. Толстым. Воспоминания / А. М. Калмыкова // Вестник литературы. – 1921. – № 9. – С. 8–9.
84. Кипнес Л. В. Мемуарная литература и ее коммуникативная особенность / Л. В. Кипнес, Е. О. Сервие // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2007. – № 2 (34). – С. 137–139.
85. Климова С. М. «Я потерял память всего, почти всего происшедшего... Как не радоваться потере?» : (Размышления о четырех биографиях Л. Н. Толстого в серии ЖЗЛ) / С. М. Климова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 65. – С. 204–221.
86. Ковальчук Л. В. Жанровое своеобразие биографической прозы и некоторые тенденции ее развития в современной немецкой литературе / Л. В. Ковальчук // Проблемы метода и поэтики в зарубежной литературе XIX–XX веков. – Пермь, 1995. – С. 179–197.
87. Коптелова Н. Г. Апокалиптические мотивы в книге Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» / Н. Г. Коптелова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова : научно-методический журнал. – 2014. – № 6. – С. 157–162.
88. Коптелова Н. Г. Творчество Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского в интерпретации Д. С. Мережковского / Н. Г. Коптелова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология и журналистика. – 2010. – № 1. – С. 37–44.

89. Кросби Э. Г. Толстой и его жизнепонимание / Э. Кросби. – Москва : Посредник, 1911. – 63 с.
90. Кудряшова А. Жанр литературной биографии / А. Кудряшова // Вопросы литературы. – 1972. – № 9. – С. 190–194.
91. Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне / Т. А. Кузминская. – Тула : Приокское книжное издательство, 1973. – 520 с.
92. Кумок Я. Биография и биограф / Я. Кумок // Вопросы литературы. – 1973. – № 10. – С. 18–32.
93. Курбатов В. Я. Тайна на краю «Заказа» / В. Я. Курбатов // Лев Толстой. – Москва : Молодая гвардия, 2006. – С. 5–10.
94. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников : в 2 томах / Редактор С. А. Макашин. – Москва : Художественная литература, 1978. – Т. 1. – 621 с. ; Т. 2. – 671 с. – (Серия литературных мемуаров).
95. Лазурский В. Ф. Неопубликованные страницы из дневника о Л. Н. Толстом / В. Ф. Лазурский // Посев : литературно-критический и научно-художественный альманах. – Одесса, 1921. – С. 79–82.
96. Лакшин В. Я. Толстой Л. Н. / Лакшин В. Я. // Большая советская энциклопедия. – Москва, 1977. – Т. 26. – С. 51–55.
97. Лебедев Г. И. Жизнь Л. Н. Толстого / Г. И. Лебедев, В. А. Поссе. – Санкт-Петербург : Жизнь для всех, 1913. – 143 с.
98. Лев Толстой и его современники : энциклопедия. Выпуск 4 / Н. И. Бурнашёва, Г. В. Алексеева, О. В. Алексеева [и др.] ; под общей редакцией доктора филологических наук, профессора Н. И. Бурнашёвой. – Москва : ИНФРА-М, 2021. – 726 с.
99. Левенфельд Р. Граф Лев Толстой, его жизнь, произведения и мирозерцание / Р. Левенфельд ; перевод с немецкого С. Шклявера. – Санкт-Петербург : Б. М. Вольф, 1896. – 322 с.
100. Лейдерман Н. Л. Теория жанра : научное издание / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург : Уральский педагогический университет, 2010. – 904 с.

101. Литературное наследство. Том 27/28: [Символисты]. – Москва : Журнально-газетное объединение, 1937. – 693 с.
102. Лихачев Д. С. О точности литературоведения / Д. С. Лихачев // Литературные направления и стили. – Москва, 1976. – С. 14–17.
103. Лопатина В. Д. Жанр литературной биографии в современной английской прозе (Р. Олдингтон, Ч. Сноу, Э. Уилсон) / В. Д. Лопатина // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. – Москва, 1984. – Вып. 9. – С. 119–133.
104. Лосиевский И. Я. Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии / И. Я. Лосиевский. – Харьков : Крок, 1998. – 424 с.
105. Лотман Ю. М. Биография – живое лицо / Ю. М. Лотман // Новый мир. – 1985. – № 2. – С. 228–236.
106. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1986. – Вып. 683. – С. 106–121.
107. Лотман Ю. М. О русской литературе / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-Санкт-Петербург, 2005. – 845 с.
108. Луначарский А. Силуэты / А. В. Луначарский. – Москва : Молодая гвардия, 1965. – 543 с. – (Жизнь замечательных людей. Вып. 18 (412)).
109. Луценко Е. М. Прощание, запрещающее печаль. Биограф и его критики / Е. М. Луценко // Вопросы литературы. – 2008. – № 6. – С. 63–76.
110. Мазурин В. Посещение Л. Н. Толстого в Ясной Поляне : (неопубликованные воспоминания) / В. Мазурин // Истинная свобода. – 1920. – № 5. – С. 6–8.
111. Маймин Е. А. Лев Толстой. Путь писателя / Е. А. Маймин. – Москва : Наука, 1978. – 191 с.
112. Маковицкий Д. П. Яснополянские записки : [1904-1910 г.] / Д. П. Маковицкий. – Москва : Задруга, 1922. – Вып. 1. – 102 с. ; Вып. 2. – 84 с.

- 113.Максаков В. Приход великого старца : о «Жизни Льва Толстого» Андрея Зорина / В Максаков // Горький : [сайт]. – 2019. – URL: <https://gorky.media/reviews/prihod-velikogo-startsa-o-zhizni-lva-tolstogo-andreya-zorina/> (дата обращения: 15.07.2021).
- 114.Манн Т. Русская антология / Т. Манн // Художник и общество : статьи и письма. – Москва, 1986. – С. 33-42.
115. Манн Ю. В. Жанр больших возможностей / Ю. В. Манн // Вопросы литературы. – 1959. – № 9. – С. 41–59.
116. Мейлах Б. С. Биография как методологическая проблема / Б. С Мейлах // Человек науки. – Москва, 1974. – С. 7–18.
117. Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка / Д. С. Мережковский // Lib.Ru/Классика : [сайт]. – URL: http://www.azlib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_0040.shtml (дата обращения: 5.04.2021).
- 118.Мережковский Д. С. Акрополь : избранные литературно-критические статьи / Д. С. Мережковский. – Москва : Книжная палата, 1991. – 351 с.
- 119.Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д. С. Мережковский. – Москва : Республика, 1995. – 621с. – (Прошлое и настоящее).
- 120.Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений Дмитрия Сергеевича Мережковского : [в 24 томах] / Д. С. Мережковский. – Москва : Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1914. – Т. 9/10 : Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество. – 152, 176 с.
- 121.Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений Дмитрия Сергеевича Мережковского : [в 24 томах] / Д. С. Мережковский. – Москва : Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1914. – Т. 11 : Л. Толстой и Достоевский. Религия, ч. 1. – 239 с. ; Т. 12 : Л. Толстой и Достоевский. Религия, ч. 2 . – 272 с. – (Библиотека Русского слова).

- 122.Меринг Ф. Лев Толстой / Франц Меринг // Литературно-критические работы. – Москва ; Ленинград, 1934. – Т. 2 : Литературно-критические статьи. – С. 287–295.
- 123.Местергази Е. Г. Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В. С. Печерин) / Е. Г. Местергази. – Москва :Флинта :Наука, 2007. – 159 с.
- 124.Моод Э. Разговоры с Толстым / Э. Моод // Tolstoy-lit.ru : [сайт]. – URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/vospominaniya/v-vospominaniyah-sovremennikov/mood-razgovory-s-tolstym.htm> (дата обращения: 20.07.2021).
- 125.Мусатов В. В. «В то время я гостила на земле...» : лирика Анны Ахматовой / В. В. Мусатов. – Москва : Словари.ру, 2007. – 494 с.
- 126.Нагина К. А. В поисках собственного «я» : Лев Толстой и его литературные собеседники / К. А. Нагина. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. – 120 с.
- 127.Нагина К. А. Литературные универсалии в творчестве Л. Толстого / К. А. Нагина. – Воронеж : Институт ИТОУР, 2009. – 146 с.
- 128.Нагина К. А. Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л. Толстого / К. А. Нагина. – Воронеж : Научная книга, 2012. – 442 с.
- 129.Нагина К. А. Философия сада в творчестве Л. Н. Толстого / К. А. Нагина. – Воронеж : Наука – Юнипресс, 2011. – 143 с.
- 130.Назирова Р. Г. Лев Толстой / Р. Г. Назирова // Cyberleninka : [сайт] – 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lev-tolstoy> (дата обращения: 10.06.2021)
- 131.Наринская А. Почему «Жизнь Льва Толстого» Андрея Зорина – самое актуальное чтение сегодня / А. Наринская // Новая газета. – 2019. – Выпуск 143.
- 132.Николаева Е. В. Агиографическая традиция в творчестве Л. Н. Толстого / Е. В. Николаева // Литература Древней Руси : материалы

- X Всероссийской конференции «Древнерусская литература и ее традиции в литературе Нового времени», посвященной памяти профессора Николая Ивановича Прокофьева, г. Москва, 6-7 декабря 2018 г. – Москва, 2019. – С. 244–258.
- 133.Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях / Собрал Николай Новиков. – Москва : Книга, 1987. – 264 с.
- 134.Носков Н. Д. Кто такой Лев Толстой : Юные годы писателя, его жизнь, его творчество, его заслуги / Н. Д. Носков. – Санкт-Петербург ; Москва : М. О. Вольф, [1910]. – 37 с.
- 135.Овсяннико-Куликовский Д. Н. Лев Николаевич Толстой. К 80-ти-летию великого писателя : очерк его деятельности, характеристика его гения и призвания / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. – Санкт-Петербург : Издательское Бюро, 1908. – 160 с.
- 136.Овсяннико-Куликовский Д. Н. Собрание сочинений. / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. – Изд. 5-е. – Москва ; Петроград : Государственное издательство, 1923. – Т. 3 : Л. Н. Толстой. – 245 с.
- 137.Овсянников Н. П. Эпизод из жизни Л. Н. Толстого / Н. П. Овсянников. – Москва : Посредник, 1912. – 72 с.
- 138.Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 сл. и фразеол. выражений / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова; Рос. Акад. наук. Ин-т рус. языка . – 4-е изд., доп. – Москва : Азбуковник, 2000 . – 939с.
- 139.Орловец П. Жизнь, значение и последние дни Л. Н. Толстаго / Составитель П. Орловец [псевд.]. – Екатеринослав : Д. И. Абрамович, [1910]. – 20 с.
- 140.Панин С. В. Жанр биографии в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. Система. Эволюция / С. В. Панин. – Москва : Спутник+, 2000. – 206 с.
- 141.Панкратов А. С. У великих могил / А. С. Панкратов. – Москва : Валентин Португалов, 1914. – 141 с.

142. Паперный В. Лев Толстой как автор / В. Паперный // Лев Толстой и мировая литература : материалы X Международной научной конференции – Тула, 2018. – С. 21–34.
143. Петрова Ю. В. Образ «Великого писателя» в неклассической биографической парадигме: биографии Достоевского конца XIX в. / Ю. В. Петрова // Вестник Омского университета. – 2012. – № 1. – С. 268–270.
144. Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 3 томах / Плутарх. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1963. – Т. 2 – 548 с. – (Литературные памятники).
145. Поварцов С. Биография, автобиография, жизнь (К портрету Всеволода Иванова) / С. Н. Поварцов // Вопросы литературы. – 2008 – № 6. – С. 168–189.
146. Подчиненов А. В. Литературная биография; документ и способы его включения в текст / А. В. Подчиненов, Т. А. Снегирева // Филология и культура. – 2012. – № 4 (30). – С. 152–155.
147. Полонский В. В. Биографический жанр в творчестве Д. С. Мережковского 1920-1930-х годов : специальность 10.01.01 : диссертация ... кандидата филологических наук / Полонский Вадим Владимирович. – Москва, 1998. – 243 с.
148. Померанцева Г. Е. Биография в потоке времени : ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии / Г. Е. Померанцева. – Москва : Книга, 1987. – 335 с.
149. Попов И. И. В Ясной Поляне / И. И. Попов // Дорогие места. – Москва, 1918. – С. 143–159.
150. Попова Е. А. «Л. Н. Толстой» как прецедентный феномен русской лингвокультуры / Е. А. Попова // «Война и мир» Л. Н. Толстого: духовные константы и социальные переменные отечественной истории : материалы XVI Барышниковских чтений. – Липецк, 2019. – С. 87–96.

151. Попова Е. А. Особенности языковой организации повествования от 3-го лица в прозаических произведениях Л. Н. Толстого / Е. А. Попова // Русская классика : проблемы понимания и языкового своеобразия : сборник научных статей по итогам XV Барышниковских чтений – Всероссийской научной конференции. – Липецк, 2016. – С. 157–167.
152. Попова Е. А. Повествователь и персонаж в романах Л. Н. Толстого / Е. А. Попова // Русская речь. – Москва, 2010. – № 2. – С. 14–19.
153. Попова Е. А. Толстовский дискурс в русской литературе / Е. А. Попова // Материалы Толстовских чтений 2020 года в Государственном музее Л. Н. Толстого : материалы ежегодной Международной научной конференции. – Москва, 2021. – С. 13–21.
154. Поповкин А. И. Л. Н. Толстой. Биография : пособие для учащихся / А. И. Поповкин. – Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство просвещения РСФСР, 1958. – 136 с.
155. Порудоминский В. О Толстом / В. Порудоминский. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. – 413 с.
156. Потницева Т. Н. Биография как жанр английской литературы XVIII-XIX вв. : специальность 10.01.05 : диссертация ... доктора филологических наук / Потницева Татьяна Николаевна. – Днепрпетровск, 1993. – 401 с.
157. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тamarченко] .— Москва : Intrada : Изд-во Кулагиной, 2008 .— 357 с.
158. Прокопчук Ю. В. Религиозно-философские собрания 1901-1903 годов и русское общество : специальность: 07.00.00 «История и археология», 07.00.02: «Отечественная история» : диссертация ... кандидата исторических наук / Прокопчук Юрий Владимирович. – Москва, 2003. – 321 с.
159. Прохорова И. Е. У истоков жанра биографии писателя в России: варианты авторской стратегии (по материалам выступлений П. А. Вяземского-биографа) / И. Е. Прохорова // Новый филологический вестник. – 2008. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/u-istokov-zhanra>

- biografii-pisatelya-v-rossii-varianty-avtorskoj-strategii-po-materialam-vystupleniy-p-a-vyazemskogo-biografa (дата обращения: 20.08.2021).
160. Ранчин А. М. Толстой Лев Николаевич / А. М. Ранчин / Tolstoy-lit.ru :[сайт посвященный творчеству Л. Н. Толстого]. – URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/ranchin-tolstoj-krugosvet.htm>. (дата обращения: 18.07.2021).
161. Раренко М. Б. Жанр биографии как социальный феномен / М. Б. Раренко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология : реферативный журнал. – 2019. – № 3. – С. 11–23.
162. Ремизов В. Б. Уход Толстого. Как это было / В. Б. Ремизов. – Москва : Проспект, 2018. – 698 с.
163. Розин В. М. Личность и ее изучение / В. М. Розин. – Москва : УРСС, 2004. – 229 с.
164. Роллан Р. Жизнь Толстого / Р. Ролан. – Петроград : М. И. Семенов, 1915. – 248 с.
165. Русанов Г. А. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом, 1883-1901 / Г. А. Русанов, А. Г. Русанов. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1972. – 280 с.
166. Русские писатели о литературном труде (XVIII-XX вв.) : сборник : в 4 томах / Под общей редакцией Б. Мейлаха. – Ленинград : Советский писатель, 1955. – Т. 2. – 818 с.
167. Рыбников Н. Биографии и их изучение / Н. Рыбников. – Москва : Б. и., 1920 ([тип. Н. Желудковой]). – 48 с. – (Библиотека Биографического института).
168. Рымарь Н. Т. Теория автора и проблема художественной деятельности / Н. Т. Рымарь, В. П. Скобелев. – Воронеж : Логос-Траст, 1994. – 363 с.
169. Свентицкая М. Встречи с Л. Н. Толстым : (К 11-й годовщине смерти) / М. Свентицкая // Вестник литературы. – 1921 – № 12. – С. 4–5.

170. Сегал Д.М. Пути и вехи. Русское литературоведение в двадцатом веке / Д.Сегал : [сайт]. – 2011. – URL : https://www.4italka.ru/nauka_obrazovanie/literaturovedenie/346359/fulltext.htm. (дата обращения 05.01.2022).
171. Сейрон А. Шесть лет в доме графа Льва Николаевича Толстого : Записки г-жи Анны Сейрон / А. Сейрон. – Санкт-Петербург : Центральная типо-лит. М. Я. Минкова, 1895. – 108 с.
172. Сент-Бёв Ш. Литературные портреты : Критические очерки / Ш. Сент-Бёв. – Москва : Художественная литература, 1970, – 581 с.
173. Сент-Бёв Ш.-О. Шатобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 г. : [определение «биографического метода»]/ Ш. Сент-Бёв // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв : трактаты, статьи, эссе. – Москва, 1987. – С. 39–48.
174. Сергеенко П. А. Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой / П. А. Сергеенко. – 2-е изд., с новыми ил., доп. и испр. – Москва : Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1908. – 150 с.
175. Сергеенко П. А. Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой / П. А. Сергеенко. – Москва : Типолиотография Товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1898. – 106 с.
176. Серков А. И. История русского масонства : 1845-1945 / А. И. Серков. – Санкт-Петербург : Издательство им. Н. И. Новикова, 1997. – 477 с. – (Русское масонство. Материалы и исследования; 2).
177. Соболевская О. В. Биография / О. В. Соболевская // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – Москва, 2003. – С. 90–92.
178. Соловьев Е. А. Л. Н. Толстой. Его жизнь и литературная деятельность / Е. А. Соловьев // Lib.ru/Классика : [сайт]. – 1895. – URL: http://az.lib.ru/s/solowxewandreewich_e_a/text_0030.shtml. (дата обращения 10.04.2021).

179. Соловьев Э. Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования / Э. Ю. Соловьев // Вопросы философии. – 1981. – № 7. – С. 115–126 ; № 9. С. 132–145.
180. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и Список русских книг с 1725 по 1825 г. / Составитель Григорий Геннади. Т. 1-3. – Берлин : тип. Розенталя и К°, 1876-1906. – Т. 1 : А – Е. – 352 с. ; Т. 2 : Ж – М. – 434 с. ; Т. 3 : Н – Р. – 291 с.
181. Тамарченко Н. Д. Алексей Зверев, Владимир Туниманов. Лев Толстой / Н. Д. Тамарченко // Вопросы литературы. – 2008 – № 6. – С. 352–355.
182. Тоддес Е. А. Б. М. Эйхенбаум в 30-50 годы : (К истории советского литературоведения и советской гуманитарной интеллигенции) / Е. А. Тоддес // Тыняновский сборник. – Москва, 2002. – Вып. 11 : Девятые Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. – С. 563–691.
183. Толковый словарь русского языка / редактор Д. Н. Ушаков. – Москва : Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. – Т. 1 : А – КЮРИНЫ / сост. Г. О. Винокур [и др.]. – 1565 с.
184. Толстая С. А. Дневники : в 2 томах / С. А. Толстая. – Москва : Художественная литература, 1978. – Т. 1 : 1862-1900 . – 604 с. ; Т. 2 : 1901-1910 : Ежедневники. – 668 с. – (Серия литературных мемуаров).
185. Толстой И. Л. Мои воспоминания / И. Л. Толстой. – Москва : Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1914. – 275 с.
186. Толстой Л. Н. Письма Л. Н. Толстого, собранные и редактированные П. А. Сергеенко. – Москва : Книга, 1910-1911. – [Т. 1] : 1848-1910. – 367 с. ; Т. 2 : 1855-1910. – 311 с. – (Толстовский альманах).
187. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах / Л. Н. Толстой. – Москва ; Ленинград : Госиздательство, 1928-1958. – Т. 1 (1935) ; Т. 2 (1935) ; Т. 5 (1935) ; Т. 6 (1936) ; Т. 9 (1937) ; Т. 10 (1938) ; Т. 11 (1940) ; Т. 12 (1940) ; Т. 16 (1955) ; Т. 18 (1934) ; Т. 19 (1935) ; Т. 32 (1936) ; Т. 46 (1937) ; Т. 47 (1937) ; Т. 48 (1952) ; Т. 89 (1957) ; Т. 90 (1958).

- 188.Томашевский Б. Литература и биография / Б. Томашевский // Книга и революция. – 1923. – № 4. – С. 6–9.
- 189.Томэ Д. Вторжение жизни : Теория как тайная автобиография / Д. Томэ, У. Шмид, В. Кауфманн ; перевод с немецкого М. Маяцкого. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. – 336 с.
- 190.Тынянов Ю. Н. Литературный факт / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – Москва, 1977. – С. 255–270.
- 191.Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Ю. Н. Тынянов. // Поэтика. История литературы. Кино. – Москва, 1977. – С. 270–282.
- 192.Тюпа В. И. Аналитика художественного : (введение в литературоведческий анализ) / В. И. Тюпа. Москва : Лабиринт, [2001]. – 189 с.
- 193.Уорд М. О. Жизнь Л.Н. Толстого / М. О. Уорд. – Одесса : М. С. Козман, 1903. – 24 с.
- 194.Ушакова Е. В. Литературная биография как жанр в творчестве П. Акройда : специальность 10.01.03 : диссертация ... кандидата филологических наук / Ушакова Елена Вячеславовна. – Москва, 2001. – 195 с.
- 195.Фриче В. М. Социология искусства / В. М. Фриче. – 4-е изд., стер. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 203 с.
- 196.Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 2004. – 404 с.
- 197.Характерологические стратегии в русской литературе / А. А. Фаустов, С. А. Ларин, К. А. Нагина [др.]. – Воронеж : Научная книга, 2013. – 337 с.
- 198.Холиков А. А. Биография писателя как жанр : учебное пособие / А. А. Холиков. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2010. – 96 с.
- 199.Холиков А. А. Биография писателя как теоретико-литературная проблема : на материале жизни и творчества Д. С. Мережковского с 1865 по 1919 год : специальность 10.01.08 : диссертация ... кандидата

- филологических наук / Холиков Алексей Александрович. – Москва, 2009. – 286 с.
200. Холиков А. А. Писательская биография: жанр без правил / А. А. Холиков // Вопросы литературы. – 2008. – № 6. – С. 41–62.
201. Цабель Е. Граф Лев Николаевич Толстой / Е. Цабель. – Киев : В. Попов, 1903. – 180 с.
202. Цейтлин Р. Предисловие / Р. Цейтлин // Биография и культура. Русское сценическое произношение / Г. О. Винокур. – Москва, 1997. – С. 5–10.
203. Цилевич Л. М. Об аспектах исследования сюжета / Л. М. Цилевич // Вопросы сюжетосложения : сборник статей. – Рига, 1978. – Вып. 5. – С. 3–11.
204. Чертков В. Г. О последних днях Л. Н. Толстого / В. Г. Чертков. – Репр. изд. – Москва : Книголюб, 1990. – 31 с.
205. Чертков В. Г. Уход Толстого / В. Г. Чертков. – Москва : Кооперативное издательство : Голос Толстого, 1922. – 126 с.
206. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова / М. О. Чудакова. – 2-е изд., доп. – Москва : Книга, 1988. – 669 с. – (Писатели о писателях).
207. Чудакова М. Наследие и путь Эйхенбаума / М. Чудакова, Е. Тоддес // Эйхенбаум Б. М. О литературе. – Москва, 1987. – С. 3–32.
208. Чудакова М. О. Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова / М. О. Чудакова // Тыняновский сборник : вторые Тыняновские чтения. – Рига, 1986. – С. 103–131.
209. Чудакова М. Страницы научной биографии Б. М. Эйхенбаума / М. Чудакова, Е. Тоддес // Вопросы литературы. – Москва, 1987. – № 1. – С. 128–162.
210. Шайтанов И. О. «Непроявленный жанр» или литературные заметки о мемуарной форме / И. О. Шайтанов // Вопросы литературы. – 1979. – № 2. – С. 50–77.

211. Шахматов Б. М. К вопросу о биографическом аспекте в историко-философских исследованиях / Б. М. Шахматов // История философии и марксизм. – Москва, 1979. – С. 161-180.
212. Шиляева А. Борис Зайцев и его беллетризованные биографии / А. Шиляева. – NewYork : Волга, 1971. – 175 с.
213. Шкловский В. «Война и мир» Льва Толстого : (формально-социологическое исследование) / В. Шкловский // Новый ЛЕФ. – 1928. – № 1. – С. 21–37.
214. Шкловский В. Жизнь замечательных людей / В. Шкловский // Знамя. – 1959. – № 3. – С. 220–234.
215. Шкловский В. Б. Лев Толстой / В. Б. Шкловский. – Москва : Молодая гвардия, 1963. – 864 с. – (Жизнь замечательных людей).
216. Шкловский В. Б. О теории прозы / В. Б. Шкловский. – Москва : Советский писатель, 1983. – 382 с.
217. Шкловский В. Б. Тетива. О несходстве сходного / Виктор Шкловский . – Москва : Советский писатель, 1970. – 374 с.
218. Шкловский В. Б. Энергия заблуждения : книга о сюжете / В. Б. Шкловский. – Москва : Советский писатель, 1981. – 351 с.
219. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой / Б. М. Эйхенбаум. – Ленинград : Прибой, 1928. – Кн. 1. : 50-е годы. – 416 с.
220. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой / Б. М. Эйхенбаум. – Ленинград : Прибой, 1931. – Кн. 2. : 60-е годы. – 424 с.
221. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой : Семидесятые годы / Б. М. Эйхенбаум. – Ленинград : Художественная литература, 1974. – 359 с.
222. Эйхенбаум Б. М. О литературе : работы разных лет / Б. М. Эйхенбаум. – Москва : Советский писатель, 1987. – 540 с.
223. Эйхенбаум Б. М. О противоречиях Льва Толстого / Б. М. Эйхенбаум // О прозе : сборник статей / Б. М. Эйхенбаум. – Ленинград, 1969. – С. 25–60.

- 224.Эйхенбаум Б. М. Литературный быт / Б. М. Эйхенбаум // О литературе: Работы разных лет / Б. М. Эйхенбаум. – Москва, 1987. – С. 428–437.
- 225.Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 1-13. / [Сочинения] Д. Д. Языкова. – Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1885-1916.
- 226.Ярошевский М. Г. Биография ученого как науковедческая проблема / М. Г. Ярошевский // Человек науки. – Москва, 1974. – С. 19–57.
- 227.Gilles D. Tolstoy / D. Gilles . – Paris : Rene Julliard, 1959. – 327 p.
- 228.Hanke E. Prophet des Unmodernen : Leo N. Tolstoy als Kultur kritiker in der deutschen Diskussion der Jahrhundertwende / E. Hanke. – Tubingen : Niemeyer, 1993. –274 s.
- 229.Troyat H. Tolstoy / H. Troyat ; transl. from the French by Nancy Amphoux. – New York : Harmony Books, 1980. – 792 p.
- 230.Wilson A. N. Tolstoy / A. N. Wilson. – New York : Fawcett Columbine, 1989. – 572 p.